

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 3 (19)

**Издаётся с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2015**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHER TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 3 (19)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2015**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:**Реморенко И.М.**

председатель

Рябов В.В.

заместитель председателя

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

Агранат Д.Л.

ректор ГБОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент,
почётный работник общего образования Российской Федерации
президент ГБОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО
первый проректор ГБОУ ВО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор, академик РАО
проректор по учебной работе ГБОУ ВО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**Щепилова А.В.**

главный редактор

Викулова Л.Г.

заместитель главного редактора

Смирнова А.И.

заместитель главного редактора

Афанасьева О.В.**Беляева И.А.****Бубнова И.А.****Вострикова О.В.**

секретарь

Геймбух Е.Ю.**Громова А.В.****Джанумов С.А.****Кирилина А.В.****Курдюмов В.А.****Матвеева И.И.**

секретарь

Радченко О.А.**Собянина В.А.****Сулейманова О.А.****Тарева Е.Г.****Федянина В.А.**

ответственный секретарь

Чупрына О.Г.**Языкова Н.В.****Ярыгина Е.С.**

доктор педагогических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, доцент
кандидат филологических наук, доцент
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, доцент
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
кандидат филологических наук, доцент
доктор филологических наук, профессор
(Московский государственный лингвистический университет)
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор педагогических наук, профессор
кандидат исторических наук, доцент
доктор филологических наук, профессор
доктор педагогических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-913X

© ГБОУ ВО МГПУ, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

<i>Смирнова А.И.</i> Локус <i>дома</i> в современной русской прозе	8
<i>Матвеева И.И.</i> Сатирический модус романа А.Н. Новикова «Ратные подвиги простаков»	15
<i>Соколова Р.А.</i> Экологическое сознание Павла Васильева: к 105-летию со дня рождения	22
<i>Кутеева Н.Э.</i> Соотношение «биологического» и «культурного» в творчестве Фрэнка Норриса	27

Русистика. Германистика. Романистика

<i>Бубнова И.А.</i> Эволюция русской языковой личности	34
<i>Викулова Л.Г., Новиков Н.В.</i> Формирование негативного образа политика в массмедийном дискурсе: предметная сфера <i>спорт</i>	42
<i>Чупрына О.Г., Жуков И.А.</i> Мотивы номинации астрономических терминов с колоронимом в современном английском языке	50
<i>Шаповал В.В.</i> Причины ошибок в русских словарях	55

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

<i>Осипова Л.И.</i> К вопросу о сущности языка в философском и собственно лингвистическом понимании	61
<i>Сулейманова О.А.</i> Семантическая роль имплицитного наблюдателя в модели предложения	69
<i>Тао Юань.</i> Создание и использование параллельного корпуса русского и китайского языков	76
<i>Алексеев А.В.</i> Лексикологические аспекты изучения концептов	83
<i>Молодыхенко Е.Н.</i> Об операционализации категории «ценность» в текстовом и дискурсивном анализе: к вопросу о лингвистической аксиологии	90
<i>Дружиловска Д.М.</i> Некоторые характеристики языковых метафор во фразеологии делового общения на материале русского и польского языков	98

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

Алмазова Н.И. Гуманитарная стратегия: от непрофильности к лидерству 106

Слово молодым учёным

Воскресенская М.С. Интерактивный учебник как средство повышения мотивации студентов 113

Полушкина Т.А. К постановке проблемы обучения студентов просодическому оформлению иноязычных публичных высказываний 119

Научная жизнь

Бирюкова Е.В. Военный переводчик, учёный, педагог: к 90-летию Изюм-Эрики Салиховны Рахманкуловой 124

Алпатова Т.А. Сергей Акопович Джанумов: путь учёного 130

Горелкина А.В. К 75-летию Людмилы Ивановны Осиповой 135

Авторы «Вестника МГПУ». Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2015, № 3 (19)..... 139

Требования к оформлению статей..... 143

CONTENTS

Literary Science

<i>Smirnova A.I.</i> Locus of <i>Home</i> in Contemporary Russian Prose.....	8
<i>Matveeva I.I.</i> The Satirical Modus in the Novel «Simpletons' Feats of Arms» by A.N. Novikov	15
<i>Sokolova R.A.</i> Ecological Consciousness of Pavel Vasilyev: on the 105 th Anniversary of His Birth.....	22
<i>Kuteeva N.E.</i> Correlation of the «Biological» and the «Cultural» in Frank Norris' Works	27

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

<i>Bubnova I.A.</i> Evolution of the Russian Language Personality.....	34
<i>Vikulova L.G., Novikov N.V.</i> Formation of a Politician's Negative Image in Mass Media Discourse (Subject Area of <i>Sports</i>).....	42
<i>Chupryna O.G., Zhukov I.A.</i> Motives of Naming Astronomical Terms Comprising a Colour Term in Modern English	50
<i>Shapoval V.V.</i> Error Reasons in Russian Dictionaries	55

Linguistic Theory. Cross-cultural Communication Theory

<i>Osipova L.I.</i> On the Question of Fundamental Nature of Language and Its Linguistic Comprehension.....	61
<i>Sulejmanova O.A.</i> The Semantic Role of the Implicit Observer in the Sentence Model	69
<i>Tao Yuan.</i> Construction and Application of Russian-Chinese Parallel Corpora.....	76
<i>Alexeev A.V.</i> Lexicological Aspects of Concept Studies	83
<i>Molodychenko E.N.</i> The Concept of <i>Value</i> in Textual and Discourse Analysis: towards Linguistic Axiology.....	90
<i>Drużyłowska D.M.</i> Some Characteristics of Linguistic Metaphors in Idiomatic Expressions in Business Communication (Using Examples from Russian and Polish).....	98

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

<i>Almazova N.I.</i> «Human Strategies»: from Non-Core to Leading Position	106
--	-----

Young Scientists' Platform

<i>Voskresenskaya M.S.</i> Interactive Course-book as a Means of Increasing Students' Motivation.....	113
<i>Polushkina T.A.</i> The Problem of Teaching English Public Speech Prosody to Tertiary-Level Russian Students.....	119

Scholarly Events

<i>Biryukova E.V.</i> The Military Interpreter, Scientist, Educator: on Izyum-Erica Salikhovna Rakhmankulova's 90 th Birthday Anniversary	124
<i>Alpatova T.A.</i> Sergej Akopovich Dzhanumov: The Scientist's Way	130
<i>Gorelkina A.V.</i> On the 75 th Anniversary Lyudmila Ivanovna Osipova's Birthday	135

«MCTTU Vestnik». Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education» / Authors, 2015, № 3 (19)	139
--	-----

Style Sheet.....	143
------------------	-----

А.И. Смирнова

Локус дома в современной русской прозе

Локус *дома* в современной русской прозе раскрывается в широком образно-смысловом диапазоне: жилище (чум-нымгындяк), его устройство как воплощение религиозных воззрений и древней культуры эвенков («Эхо» Ю. Сбитнева); дом как модель патриархального крестьянского мира, символизирующая традиционный уклад жизни, круг семьи, родословную, связь с «малой родиной» («Последний поклон» В. Астафьева, «Изба» В. Распутина); дом как образ современной России: коммунальная квартира («Новая московская философия» В. Пьецуха), «общага» («Андеграунд, или Герой нашего времени» В. Маканина). В современной прозе локус *дома* осмысливается авторами как модель мира, подверженная энтропии и разрушению.

In modern Russian prose the locus «home» is revealed in a wide image and semantic range: a *house* (chum-nymgyndyak), its configuration as an embodiment of the Evenks' religious beliefs and ancient culture («Echo» by Yu. Sbitnev); *home* as a model of patriarchal peasant world, symbolizing the traditional way of life, family, ancestry, relationship with «small homeland» («The Last Tribute» by V. Astafyev, «Izba» by V. Rasputin); *home* as an image of modern Russia: a communal apartment («New Moscow Philosophy» by V. Pjetsukh), «obschaga» (Russian *dormitory*) («The Underground or A Hero of Our Time» by V. Makanin). In modern prose, the authors interpret the locus of *home* as a model of the world, as the locus affected by entropy and destruction.

Ключевые слова: дом; жилище; локус; модель мира; русская проза.

Keywords: home; house; locus; model of the world; Russian prose.

В современной русской прозе локус *дома* формирует внутреннее и внешнее пространство жизни человека, что соответствует двум функциям его реализации: миромоделирующей и психомоделирующей. В архаичных моделях мира дом предстал как микроуниверсум, отражающий макроуниверсум. Таковым предстает *жилище* в повести «Эхо» (1985) Ю. Сбитнева, в которой автор запечатлел национальный быт, традиции и религиозные верования эвенков, раскрыл их воззрения на мироустройство. Носитель тайного знания своего народа, шаман Ганалчи даёт ясные, мудрые и поэтически образные объяснения мироустройства. Он проводит рукою по воздуху

вертикальную прямую, заключая её в невидимый круг, объясняя собеседнику: «Это наш с тобой круг, но ты уйдешь, и он будет так. — Старик лёгким движением руки описывает восьмерку, заключая себя и меня в отдельные круги. — Потом они разорвутся <...> и ты будешь в своем круге» [5: с. 113].

В повести подробно описываются чум — жилище шамана, его костюм, атрибуты для совершения камланий. Внешний вид жилища шамана, построенного своими руками, процесс возведения чума вызывает особый интерес у героя-повествователя: «Чум, обретая новые и новые несущие, все больше напоминал ракету...» [5: с. 142]. Задавшись целью разгадать тайну тунгусского метеорита, он видит в этом сходстве связь с космической версией появления эвенков на Земле, чему свидетельством становятся обширные космогонические познания Ганалчи. Герой-повествователь обращает внимание на точность расчётов при строительстве чума, на тщательно подобранное место для его возведения, на выбор строительного материала — лиственницы.

Чум-нымгындяк благодаря усилиям Ганалчи становится сооружением, в котором воплощается вера эвенков, закрепляются их религиозные воззрения. «Вокруг нымгындяка Ганалчи установил пни, корчажины, корни, напоминающие животных и птиц; ставил по какому-то только ему известному плану шести, вырубал и еще какие-то изображения. Все только из лиственницы» [5: с. 142]. Внутри жилища «на тридцати слегках держалось берестяное покрытие, и висели на них вырезанные из дерева фигурки птиц, зверей, так и не понятых мною каких-то неизвестных существ...» [5: с. 137]. Эти изображения — *этаны*, что означает *духи предков*. Ганалчи обращается к этанам — фигуркам животных, птиц, рыб, трав, деревьев; они его «советчики, он понимает их, они понимают его. Но он не вправе выбирать себе этанов, каких ему захочется. Этанов назначает дух предков, когда происходит перерождение обыкновенного человека в шамана» [5: с. 137–138]. Шаманство вбирает в себя древние культы, и родовые духи-тотемы низводятся до роли духов — помощников шамана. Главными духами шамана являются лось, дикий олень и медведь.

Ганалчи — один из последних шаманов, поэтому его костюму и бубну уделяется особое внимание: «Костюм шамана — это имя рода», «не что иное, как запись, которую при умении можно расшифровать совсем так же, как египетские письмена» [5: с. 139]. Со временем духи-тотемы превращаются в шаманских духов, и их материальным вместилищем, по словам героя-повествователя, «стали атрибуты шамана — бубен и шаманский костюм» [5: с. 154].

Бубен и гиривун шамана очень древние: бубну триста лет, гиривун, чтобы «трогать» бубен, изготовлен из кости мамонта. На «щеках» бубна, напоминающего лицо («шибко старый Голова», — по выражению Ганалчи), изображена карта звёздного неба, выполненная «с завидной “научной” точностью» [5: с. 154]. Единство человека и зооморфного первопредка запечатлено в форме гиривуна. Там, где рукоятка, он «значительно уже и заканчивается изображением глядящих в разные стороны голов человека и птиц» [5: с. 139]. Бубен шамана олицетворяет собой всю подвластную ему природу, его вселенную.

По Сбитневу, человеку необходимо, осознавая свою взаимосвязь с Целым, ощущать себя его частичкой. Идея «современной сказки» «Эхо» заключается в том, что единственно возможный путь самосохранения и выживания — это образ жизни, исповедуемый Ганалчи: жить в согласии с заветами предков и с опорой на них: «...не уничтожать того, что добыто предками, но приумножать своею жизнью» [5: с. 86]. И наскальные рисунки, сделанные в «прародительские времена», Ганалчи трактует следующим образом: «Сохрани все, что дали тебе предки» [5: с. 85]. Автор свою цель видит в том, чтобы рассказать о «Древней Культуре Человечества», которая намного «древнее Эллады, Рима и даже шумеров» [5: с. 137]. Памятником этой Культуры предстает вера эвенков и «последнего» шамана Ганалчи из рода Почогиров, сохранение заветов предков, природы, дома, который, как и костюм шамана, подобен «тексту» с зашифрованными письменами.

Назвав свою повесть «Эхо» «современной сказкой», Ю. Сбитнев тем самым подчеркнул её актуальный смысл и мифопоэтическое содержание. В произведении запечатлена не только вера эвенков, но и процесс утраты этой веры.

В современной русской прозе о деревне исследуется процесс разрушения традиционного крестьянского мира, одной из знаковых примет которого становится утрата родового «гнезда». Анализ локуса *дома* в творчестве В. Распутина позволяет выявить подобные семантические трансформации. Автор остро ощущает распад самих основ жизни, что символически выражается в мотиве *разрушения* дома в повестях «Прощание с Матёрой» (1976), «Пожар» (1985), рассказе «Изба» (1999). В «Пожаре» повествуется о событиях, последовавших после затопления приангарских деревень и переселения жителей на новое место: посёлок Сосновка — временное пристанище не городского и не деревенского, а бивуачного типа. В рассказе «Изба» место действия — недостроенный посёлок, «пугающий своей бесформенностью» [4: с. 584], улица *Сбродная*, позже переименованная в *Канаву*, на которой селились случайные «отделенцы». В посёлок на новое место жительства главная героиня рассказа старуха Агафья перевозит из деревни свою избу в разобранном виде, чтобы заново возвести её своими силами. Дом в рассказе предстаёт не столько характеристикой обычного «трёхмерного» пространства, сколько раскрывается как психологический локус, символизирующий мистическую связь со своей хозяйкой. Агафья «возродила» избу, вложив в неё всю душу и силы: «Можно сказать, что зачали её, голубушку, оставалось выносить да родить» [4: с. 591]. И изба, словно «другая» ипостась героини («вся в хозяйку» [4: с. 598]), живёт её жизнью.

Агафья, восстановившая по брёвнышку свою избу, чувствует её, разговаривает с ней: «Ночью она лежала без сна, слушала, как кряхтят в углах набирающие тепло стены, как тяжело отдыхается после топки печь» [4: с. 598]. Антропоморфизм в изображении избы выражается в уподоблении её живому существу, наделённому душой и разделяющему с ней общую судьбу. После смерти Агафьи изба продолжает ощущать эту связь: она «по-прежнему коченела всё в той же неподвижности. Она и на избу перестала походить — так, строение, выпятившееся на глаза, неуместное, отягощенное собою, вызывающее неловкость» [4: с. 609].

После того как открыли ставни, изба «задышала», «очнулась, натянулась вся, подставила солнцу маленькие ослепшие глаза, заслезилась, принимая тепло, и за два дня скинула с себя смертный вид <...> *Будто Агафья воротилась*» (курсив мой. — А.С.)» [4: с. 609].

Онтологический смысл образа избы раскрывается в оппозиции *уход / возвращение*: если в материально-реальном плане уход Агафьи из дома связан с её смертью, то в религиозно-мифологическом плане этот мотив благодаря семантике образа избы символизирует *воскрешение*, *возвращение домой*, *восстановление связи с родом*.

В повести В. Астафьева «Последний поклон» (1991) пространство дома — это не только жилище, но и *малая родина*. Символика локуса *дома* расширяется концентрическими кругами — от родного очага до села в целом, а в «военных» главах и всей страны. Дом бабушки олицетворяет для мальчика, героя повести Вити Потылицына, семейно-родственные связи, любовь родных людей, заботу, первые трудовые навыки, детские радости и горести. Оставшийся без матери в семь лет, благодаря бабушке и дедушке Илье он до поры до времени не знает сиротства. *Родному дому* во второй книге повести противостоит *казённый дом* (детдом), куда попадает Витя, в поисках лучшей доли отправившийся вместе с отцом и мачехой в город (глава «Без приюта»).

Стремясь сохранить *память* об исчезающем крестьянском укладе жизни, автор подробно воссоздаёт его через описание реалий крестьянской жизни, традиционных занятий, суеверий, обычаев, праздников, «помочи» как формы коллективного труда. В содержании первой книги наряду с открывающей её главой «Далёкая и близкая сказка» важную роль играет заключительная глава «Бабушкин праздник»: в ней герой-повествователь прощается с детской порой своей жизни. В главе описывается вся многочисленная родня Потылицыных в разных поколениях, собравшаяся на дне рождения Катерины Петровны. Подготовка к празднованию и сам праздник проходят по заведённому порядку, за которым зорко следит бабушка. В авторском описании «бабушкиного праздника» каждая деталь значима, потому что празднику этому «*во всеобщем сборе*» суждено было стать последним.

Центром домашнего мира является Катерина Петровна — бабушка Вити и мать большого семейства Потылицыных, которой «до всего и до всех дело», не случайно за глаза её называют «генералом» [1: с. 167]. Под стать бабушке, разумно управляющейся с хозяйством и взрослыми детьми, и её дом. «Деревенское окно, заделанное на зиму, — своего рода произведение искусства. По окну, ещё не заходя в дом, можно определить, какая здесь живет хозяйка, что у неё за характер и каков обиход в избе» [1: с. 147].

В первой книге «Последнего поклона» повествуется о разных жилищах, в том числе о *безалаберном* доме дяди Левонтия, *неустроенном* тетке Авдотьи, *утраченном* в пору раскулачивания родовом доме Вити. Социально-исторические катаклизмы в жизни крестьянства деструктивно повлияли на *дом* как модель семейно-родового уклада жизни, организованного в соответствии с природным циклом и земледельческим календарём, с преемственными связями, обеспечивавшими прочность самой модели, что привело к разрушению и утрате дома, замещению

его *антидомом*, представляющим собою *чужое* пространство, дисгармоничное и катастрофичное. Локус *дома* утрачивает ценностный статус. В первой книге «Последнего поклона» повествуется о раскулачивании и выселении людей из собственного жилья: «Дом, приспособленный под школу, был рублен моим прадедом, Яковом Максимовичем, и начинал я учиться в родном доме прадеда и деда Павла. Родился я, правда, не в доме, а в бане <...>

Когда выселили из дома деда Павла с семьёй — не знаю, но как выселяли других, точнее, выгоняли семьи на улицу из собственных домов — помню я, помнят все старые люди.

Раскулаченных и подкулачников выкинули вон глухой осенью, стало быть, в самую подходящую для гибели пору. И будь тогдашние времена похожими на нынешние, все семьи тут же и примерли бы» [1: с. 153].

В осмыслении реальных событий прошлого дом предстаёт как локус, подверженный разрушению, распаду, превращению в свою противоположность — *антидом*. В повести «Последний поклон» реализуется знаковая функция образа дома: с одной стороны, он мифологизируется, предстаёт как символ прежнего национального уклада жизни с патриархальными устоями; с другой стороны, подвергается разорению и разрушению. Во второй книге произведения повествуется о скитаниях Вити, когда его предают самые близкие люди (отец, дед Павел, бабушка из Сисима) и он оказывается в детдоме. Так в повести воплощается оппозиция: *родной дом / казённый дом (антидом)*. Мотивы *утраты* и *разрушения* отчего дома позволяют передать драматизм и масштаб запечатлённых событий, раскрыть онтологический смысл происходящего.

В современной прозе тема антидома активно осмысливается через образы *коммунальной квартиры, общаги, больницы, гостиницы*. В повести В. Пьецуха «Новая московская философия» (1989) и в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998) местом действия является Москва. Основные события в повести Пьецуха происходят в коммунальной квартире № 12 с её обитателями, их бытом, привычками, потребностями, отношениями, интересами и разговорами. У квартиры есть своя история, прошлое и настоящее. События в тексте хронометрируются с точностью до года, месяца, дня недели и часа.

Образ старушки Пумпянской противопоставляется остальным жильцам коммунальной квартиры: «Александр Сергеевну Пумпянскую жильцы двенадцатой квартиры не жаловали искони и всегда по мере возможности притесняли <...> Александра Сергеевна могла возбуждать в соседях рудиментарную классовую неприязнь, поскольку как ни крути, а она была природной хозяйкой двенадцатой квартиры, всех двухсот сорока квадратных метров жилья...» [3: с. 225]. Старушка занимала каморку Елизаветы, бывшей кухарки Пумпянских, соседствовавшей с бывшей столовой.

Несмотря на стеснённые обстоятельства проживания в квартире, с которыми Александра Сергеевна безропотно мирилась, она прочно связана со своим жилищем. Единственная из всех жильцов коммунальной квартиры, Пумпянская исправно исполняла обязанности ответственной за общее жильё: «включала и выключала свет, снимала показания электрического счётчика и подметала кухню именно таким образом, как это делала бы безоговорочная

хозяйка» [3: с. 225], перед наступлением ночи проверяла, закрыта ли входная дверь.

Квартира № 12, которая в ночное время начинала жить своей жизнью («наступила пора вещей» [3: с. 240]), мистическим образом связана со своей хозяйкой, у «вещей» есть некая «договорённость» с ней.

Новая московская философия раскрывается в диалогах двух жильцов — Чинарикова и Белоцветова — о добре и зле, о человеке, о тайне исчезновения старушки и о возможном её убийце. В разговоре Чинарикова и Белоцветова упоминаются плотоядность и закон джунглей как проявление зла в природе, на что последний возражает, что это «естественное», необходимое зло, унаследованное человеком. «Это как раз необходимое зло, — возражает оппоненту Белоцветов, — которое через борьбу противоположностей обеспечивает вечное движение к идеалу» [3: с. 261]. Тот же «закон джунглей» действует в борьбе обитателей коммунальной квартиры за квадратные метры исчезнувшей старушки Пумпянской. Система оппозиций *было / есть, прошлое / настоящее, своё / чужое* позволяет реализоваться мотиву *замещения* и способствует раскрытию темы антидома.

В романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» пространство антидома расширяется до образа «гигантской российской общаги» [2: с. 263]. У героя романа Петровича, бывшего писателя, о чём напоминает только пишущая машинка, неотъемлемый и постоянный атрибут его жизни, нет собственного жилья, нет семьи. Он охраняет квартиры жильцов в бывшей *общаге*, переходя из одной чужой квартиры в другую. *Коридоры* общаги символизируют лабиринты бытия, в поисках выхода из которых проходит жизнь человека. Метафизический смысл образа коридора выражается в том, что он предстаёт «осью» русской жизни: всё население страны живёт коридорами, жизнь организуется вокруг коридора, независимо от того, «общага» это, психиатрическая больница или гостиница. «Сам коридорный образ, нечаянно возникший сегодня, разрастался теперь до правила, чуть ли не до *всеобщего земного распорядка* (курсив мой. — А. С.)» [2: с. 22]. Коридор в романе предстает как «образ всего мира» [2: с. 30].

В маканинском тексте страна уподобляется одной большой общаге: «Мы — подсознание России. Нас тут прописали. При любом здесь раскладе (при подлом, или даже самом светлом) нас будут гнать пинками, а мы будем тыкаться из двери в дверь и восторгаться длиной коридора! Будем слоняться с нашими дешёвыми пластмассовыми машинками в надежде, что и нам отыщется комнатка в бесконечном коридоре гигантской российской общаги» [2: с. 263].

В произведениях В. Пьецуха и В. Маканина локус дома — коммунальной квартиры и общаги — претерпевает семантические трансформации: антидом становится одной из пространственных характеристик, составляющих национальную картину мира.

Таким образом, в современной русской прозе миро- и психомоделирующая функция *дома* реализуется в системе оппозиций *свой* (родной) / *чужой* (казённый), *прошлое / настоящее* и в развитии мотивов разрушения, утраты, замещения; образ жилища наполняется обобщающим смыслом и раскрывается как модель мира в разных его воплощениях. Локус *дома* предстаёт онтологической доминантой мировосприятия автора.

Библиографический список

Источники

1. *Астафьев В.П.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 4: Последний поклон: Повесть в рассказах. Красноярск: Пик «Офсет», 1997. 464 с.
2. *Маканин В.С.* Андеграунд, или Герой нашего времени: Роман. М.: Вагриус, 1999. 557 с.
3. *Пьецух В.А.* Новая московская философия // Пьецух В.А. Я и прочее: Циклы; Рассказы; Повести; Роман. М.: Худож. лит., 1990. С. 217–333.
4. *Распутин В.Г.* Изба // Распутин В.Г. Дочь Ивана, мать Ивана: Повести и рассказы. М.: Эксмо, 2005. С. 576–613.
5. *Сбитнев Ю.Н.* Эхо: Современная сказка // Октябрь. 1985. № 4. С. 82–145.

Литература

6. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
7. *Матвеева И.И.* Феномен дома и его художественное воплощение в творчестве А.П. Платонова // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3. С. 27–35.
8. *Радомская Т.И.* Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX в. Опыт духовного, семейного, государственного устройства. М.: Совпадение, 2006. 240 с.
9. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: ИГ «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.

References

Istochniki

1. *Astaf'ev V.P.* Sbranie sochinenij: v 15 t. T. 4: Poslednij poklon: Povest' v rasskazax. Krasnoyarsk: Pik «Ofset», 1997. 464 s.
2. *Makanin V.S.* Andegraund, ili Geroj nashogo vremeni: Roman. M.: Vagrius, 1999. 557 s.
3. *P'eczux V.A.* Novaya moskovskaya filosofiya // P'eczux V.A. Ya i prochee: Cikly'; Rasskazy'; Povesti; Roman. M.: Xudozh. lit., 1990. S. 217–333.
4. *Rasputin V.G.* Izba // Rasputin V.G. Doch' Ivana, mat' Ivana: Povesti i rasskazy'. M.: E'ksmo, 2005. S. 576–613.
5. *Sbitnev Yu.N.* E'xo: Sovremennaya skazka // Oktyabr'. 1985. № 4. S. 82–145.

Literatura

6. *Lotman Yu.M.* Vnutri my'slyashhix mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya. M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 1996. 464 s.
7. *Matveeva I.I.* Fenomen doma i ego xudozhestvennoe voploshhenie v tvorchestve A.P. Platonova // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 3. S. 27–35.
8. *Radomskaya T.I.* Dom i Otechestvo v russkoj klassicheskoy literature pervoj treti XIX v. Opy't duxovnogo, semejnogo, gosudarstvennogo ustroeniya. M.: Sovpadenie, 2006. 240 s.
9. *Toporov V.N.* Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoe'ticheskogo: Izbrannoe. M.: IG «Progress» – «Kul'tura», 1995. 624 s.

И.И. Матвеева

Сатирический модус романа А.Н. Новикова «Ратные подвиги простаков»

В статье анализируется роман А.Н. Новикова «Ратные подвиги простаков» с точки зрения неклассической сатирической поэтики. Война в произведении изображена средствами комического, чему во многом способствовали центральные персонажи романа — простаки. Автор статьи доказывает, что герои Новикова — амбивалентные типы, соединяющие положительные и отрицательные черты. Сложность персонажей обусловлена приёмами автоиронии, расслоения образа, принципом многослойности.

The paper analyzes the novel «Simpletons' Feats of Arms» by A. Novikov from the viewpoint of non-classical satirical poetic manner. The theme of war is presented in the work by comic means, which were greatly contributed by the central characters of the novel — the simpletons. The author proves that Novikov's comic heroes should be considered as ambivalent types that combine positive and negative features. The characters' complexity is induced by the devices of self-irony, personage layering and multi-layer principle.

Ключевые слова: А.Н. Новиков; Первая мировая война; диалог; сатира; ирония.

Keywords: A.N. Novikov; The First World War; dialogue; satire; irony.

Творчество погибшего в период сталинских репрессий А.Н. Новикова (1888–1941) в последние годы всё чаще становится объектом исследования [4; 6; 10]. И это не случайно, так как Новиков органично вписан в литературный процесс 1920-х годов: с его именем связана вторая волна дискуссии о сатире.

В советском литературоведении Новикова проводили по ведомству сатиры, нередко оценивая отрицательно. Но и в наши дни к наследию писателя подходят с опаской. Дело в том, что оно не вписывается в канон классической, бичующей пороки сатиры, а его произведения лишены однозначного отрицания, совмещают лирико-иронический и философский компонент. Цель настоящей статьи — исследование образной системы и художественных средств романа в связи с концепцией диалогической сатиры [8].

Тема войны в сатирической литературе встречается редко. Трагические испытания народов мало кто из писателей решается подвергнуть осмеянию. Другое дело — *диалогическая сатира* — сатира неклассического типа, основанная на принципах *диалогизма* (используем здесь термин М.М. Бахтина, хотя он вкладывал в понятие иное значение). Сатира неклассического типа демонстрирует новые свойства, и прежде всего отказ от презентации авторской

позиции, уход от принципа осуждения и иронию по отношению к «неготовому миру» и «незавершённом человеке» [8: с. 64–65, 129].

Роман «Ратные подвиги простаков» (1932–1934) писался в драматический период отечественной словесности, когда на смену 1920-м годам с их творческими поисками и многообразием стилей приходили 1930-е, диктующие регламентированность, заданность конфликтов и характеров. Несколькими годами ранее Новиков оказался в эпицентре бури, связанной с публикацией его повести «Причины происхождения туманностей» (1929) и, шире, с попытками разгрома группы «Перевал», членом которой он был. После жёсткой критики повести, а также кампании «проработки» А.П. Платонова¹ он был вынужден в 1931 году выйти из группы и постарался «выпрямить» своё творчество. Но сатирический модус художественности не мог исчезнуть бесследно. Роман «Ратные подвиги простаков» — попытка преодолеть критический настрой по отношению к современности и переместить отрицание в другую временную плоскость. Именно поэтому действие романа происходит в период Первой мировой войны, которая изображается не только с определённой временной дистанции (с высоты 1930-х годов), дающей право автору усомниться в её целесообразности, но и с новых классовых позиций, когда народ обрёл право судить уходящий в прошлое старый мир. И всё же, несмотря на трагичность описанных в романе событий, именно смех организует его структуру и образную систему. Не случайно героями становятся трое представителей социальных низов, что оживляет устойчивый архетип народного сознания — дурака, простака, шута.

Уже в заглавии романа иронически обозначены две центральные темы — войны и дураков. Этим автор, с одной стороны, указывал на дозволенные цензурой источники своего произведения: сатирические романы М. Твена «Простаки за границей» (1869) (переведён на русский язык в 1897 году) и роман Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» (перевод опубликован в СССР в 1928 году). С другой стороны, писатель мог сознательно апеллировать к творчеству А.П. Платонова², в котором особое место занимает герой-чудак, также восходящий к образу фольклорного Ивана-дурака [9: с. 50].

Тема войны в романе

Вынеся в заглавие смягчённую форму обозначения людей глупых, наивных и в силу этого попадающих в смешные положения, Новиков ориентировал читателя на «лёгкий» характер произведения. Однако он поместил комических героев в далеко не смешную обстановку боевых действий. Сюжет основан на реальных событиях: Восточно-Прусской операции и разгроме армии генерала

¹ В ходе так называемого «творческого вечера» А.П. Платонова в Союзе писателей несколько раз в негативном контексте упоминалось имя А.Н. Новикова (см. об этом: Стенограмма творческого вечера Андрея Платонова в ВССП 1 февраля 1932 года // Андрей Платонов. Воспоминания современников. М.: Совр. писатель, 1994. С. 302, 307).

² С А.П. Платоновым А.Н. Новикова связывали и дружеские отношения, и особая интертекстуальная игра, имеющая целью создать единое смысловое и художественное поле (см. об этом: [5]).

А.В. Самсонова. Новиков, участник этого бесславного похода, воссоздал атмосферу хаоса, царившую в войсках с начала мобилизации до панического отступления. Чудом выжив, похоронив десятки товарищей, Новиков на всю жизнь сохранил ненависть к бездарным командирам, отправившим в небытие тысячи людей. Именно этим объясняется *лирико-ироническая стихия* произведения.

Подобно Я. Гашеку, Новиков разбил текст романа на цепь анекдотов из жизни российской и немецкой армий, в которых высмеял произвол, трусость, оторванность от жизни офицерского состава. Так, генерал Раннекампф, обещавший отрубить себе правую руку, если не «совершит триумфального въезда в столицу немцев» [2: с. 36], в походе больше думает о еде, чем о стратегии ведения боёв, а накануне сражения страдает постыдной «окопной болезнью», что обыгрывается с помощью словоигры с обценными смыслами. Комендант русской армии совершает должностное преступление: берёт трёх девиц на довольствие, прельстившись ямочками на щеках одной из них. На оккупированной территории русская армия мародёрствует, обзаводится скарбом, мешающим передвижению войск.

В немецком стане также царит неразбериха, мало напоминающая запланированный блиц-бросок. Командиры сталкиваются то с партизанской войной, то с неисполнением приказов рядовыми офицерами. Новиков высмеял «цивилизованные» способы ведения войны в Европе, где города сдаются без единого выстрела. Такова сцена «завоевания» бельгийского города Льежа немецким штабным генералом Людендорфом. Полагая, что отданный им приказ не может быть не исполнен и вражеская цитадель уже занята арьергардом, Людендорф подъехал к её закрытым воротам и, постучав в них, осведомился о численности находящихся там войск. Получив ответ бельгийского унтер-офицера, генерал сообщил ему: «В таком случае вы полонены. Я приказываю передать ключи моему адъютанту, а роты обезоружить...» [2: с. 48]. Так в результате казуса цитадель бельгийцев пала. В этой комической сцене отражён реальный факт штурма Льежа, когда после кровопролитных боёв немцев и бельгийцев последние действительно сдали цитадель Людендорфу и его адъютанту, поддавшись необъяснимой панике.

Новиков показал разницу в восприятии войны русскими простакими и их противниками. Если для немецких генералов война — это «большой и ответственный спектакль» [2: с. 43], то для российского командования, интеллигенции и даже народа — лёгкая военная прогулка в Берлин, призванная в течение четырёх месяцев возвеличить Россию. Задолго до боёв русские простаки мечтают о подвигах и славе. Поручик Савков грезит о том, как будет руководить артиллерийской стрельбой с вершины дерева и вскоре непременно удостоится «золотого оружия с шёлковым темляком на георгиевской ленте» [2: с. 47]. Офицеры втайне рассчитывают на смерть старших командиров, видя на вершине воинской славы только себя.

Солдатам кружат головы будущие победы над берлинскими женщинами. Иван Бытин уверен, что «любая берлинская девка на любом бульваре примет полностью сердечную теплоту русского нижнего чина» [2: с. 50]. В данном пассаже Новиков обыграл мифологему начала Первой мировой войны, запечатлённую в стихотворении В. Маяковского «Война объявлена». Стихи, опубликованные в августе 1914 года, получили широкую известность благодаря строкам,

демонстрирующим ура-патриотизм начала войны: «...шашки о шёлк кокоток // вытрем, вытрем в бульварах Вены!» [1: с. 65].

Комизм ситуации усугубляется тем, что накануне похода у русской армии «в наличии только холостые» патроны [2: с. 48]. Подобное положение не тревожит командование, полагавшее, что «в текущей войне пули нужны не для попадания, а для остротки» и «немцев можно одолеть и пулями из хлопчатой бумаги» [2: с. 48].

Русская армия укомплектована офицерами, способными подготовить солдат лишь к маршировке на плацу. Генерал Влащевский требует от нижних чинов безукоризненного внешнего вида, чтобы «каждый кадет походил внешностью на восклицательный знак» [2: с. 151]. Глупость русского командного состава олицетворяет полковник Гоголадзе, чью голову постоянно посещают бредовые идеи. Так, в преддверии сражения его живо интересовал вопрос, «почему не летит коро́ва, которая так же, как и ракета, имеет хвост» [2: с. 77]. Не привыкший к боевому оружию, он тренировался в стрельбе косточками чернослива, сделав мишенью лоб денщика. При этом полковник искренне верил, что «тем самым ласкает <...> солдатское сердце» [2: с. 76]. Сатира, связанная с образом Гоголадзе, вовсе не так безобидна, как может показаться на первый взгляд. Грузинская фамилия, акцент полковника, высокий статус князя вызывает определённые ассоциации с образом «отца всех народов». К тому же привычка бросать в собеседника за обедом косточки напоминает поведение Сталина на банкете в честь 15-летия Октябрьской революции накануне самоубийства его жены Н.С. Алилуевой, когда он кидал скатанными шариками хлеба в приглашённую на банкет артистку.

В изображении офицеров Новиков следовал традициям сатиры XIX века. Некоторые картины напрямую апеллируют к произведениям М.Е. Салтыкова-Щедрина. Так, полковник Марков, оказавшись на необитаемом острове, подобно двум щедринским генералам, паразитирует за счёт рядового Олейникова. Марков не только лишил «нижнего чина» последней еды, но раздел и разул его, а затем попытался отправить на противоположный берег за лодкой. Свои ратные подвиги полковник закончил тем, что выбросил белый флаг, для чего снял с простака Олейникова последние подштанники.

В романе своеобразно использованы эсхатологические мотивы. Так, полковой горнист, которого любил слушать полковник Гоголадзе, напоминает «архангела, возвещавшего миру о начале страшного суда» [2: с. 78]. Но полковник оказался не в состоянии распознать страшный сигнал и повел войско к краху. Сцена последнего боя напоминает Апокалипсис: «...В это время над головами нижних чинов что-то заскрежетало, свища и напрягаясь. Вздригнуло всё живое...» [2: с. 249].

Ответственность за поражение высшие офицеры склонны переваливать на чужие плечи. Например, генерал Артамонов, считавший, что иконы на войне важнее патронов, оправдал бегство своего корпуса тем, что ничто не совершается без Божьей воли.

Особенное негодование вызывает у автора генерал Самсонов, который не сумел победить противника, уберечь армию от потерь, но главное, не нашёл в себе сил смыть позор кровью. Новиков (вопреки исторической правде) показал

трусливую попытку генерала под покровом ночи уйти на восток. Однако командующий армией был остановлен полковником Тереховым и застрелен: «Генерал стал пятиться назад, бросая на полковника взор, полный смирения и мольбы. Полковник поспешно нагнулся, отстегнул барашек, освободив таким образом генеральский револьвер... «Ваше превосходительство! Неужели вы и на меньшее, чем командовать армией, не способны?»» [2: с. 240].

Тема простаков

Тема простаков/дураков благодатна для сатиры, так как позволяет писателю с помощью «наивного» остранённого сознания высказать критическую точку зрения на события. Вместе с тем персонажи Новикова далеки от классических комических типов, представляющих негативные качества, подлежащие осмеянию. Главных героев романа — Ивана Бытина, Павла Шатрова и Илью Лыкова — нельзя назвать отрицательными. Несмотря на то, что они имеют выраженный характер «сатирического самоопределения» [7: с. 119], персонажи обладают целым рядом «разнонаправленных» характеристик (Л. Гинзбург) и наряду с комическими чертами демонстрируют храбрость, романтизм, верность, мечтают о новом миропорядке, который придёт на смену старому «обветшалому миру» [2: с. 32], что сближает их с положительными героями послеоктябрьской литературы.

Трое друзей, подобно фольклорным персонажам, идут за правдой, ищут истину. Их «классовая благонадёжность» маркирована именами. Одному из них Новиков дал самое распространённое русское имя Иван и фамилию Бытин, отсылающую к философской оппозиции *бытие* и *сознание*. Имя и фамилия героя подчёркивают его простодушие и одновременно склонность к размышлениям, а значит, и к развитию, самосовершенствованию. Имя Ильи Лыкова тоже говорящее и определяет героя как сильного человека (Илья Муромец), фамилия же выдаёт крестьянское происхождение (лыко — древесное волокно, из которого плетут лапти). В имени Павла Шатрова зашифрованы два важных значения: в переводе с латинского оно обозначает «маленький», «незначительный»; с другой стороны, отсылает к апостолу Павлу — апостолу язычников, обратившемуся к христианству после встречи с воскресшим Иисусом Христом. Фамилия героя, происходящая от слова «шатёр», в русском языке соотносится прежде всего с шатровыми крышами церкви и метафорой «шатёр неба». Действительно, рядовой Шатров на войне приобретает «соломонову мудрость», он становится предсказателем грядущего военного апокалипсиса, а в сценах с его участием довольно часто присутствует библейский подтекст.

В начале войны герои, как и большинство российских простаков, мечтают о подвигах, но в ходе боёв понимают: война не парад, она обрывает жизни, сеет произвол и разорение. Друзья постигают, что война несправедлива прежде всего к простому народу, делая его пушечным мясом, а патриотические призывы маскируют жадность и подлость политиков и высших офицеров.

А.Н. Новиков назвал простаками солдат, офицеров и интеллигенцию, приветствовавшую начало войны. Высмеивая «буйное патриотическое настроение

российских простаков», Новиков клеймил преступную безответственность всего общества, пославшего на смерть свой народ.

Разрабатывая тему простаков, Новиков прибегнул к *приёму расщепления образа*. Все герои романа считают глупыми не себя, а окружающих. Русские офицеры уверены, что «солдат есть рыло, а не личность» [2: с. 49], солдаты убеждены в тупости начальства, русские люди — в глупости немцев. Немцы не допускают мысли о поражении от «примитивных» противников: «Русские так примитивны, но что же случилось с корпусом Макензена?» [2: с. 74]. Командование русской армии каждым действием подтверждает свою никчёмность. Генерал Самсонов отправил незашифрованные распоряжения о передвижении войск, тут же перехваченные немецкой стороной, что с удовлетворением прокомментировал Макс Гофман: «Наш новый союзник — глупость русских!» [2: с. 137]. Так одни действующие лица романа обнажают глупость других. В результате образ простака/дурака, с одной стороны, расслаивается, а с другой, умножает свои черты, вырастая в гротескную фигуру бессмысленного идиотизма войны.

В отличие от сатириков, ориентированных на классическую традицию, Новиков не выражает своё мнение о пороке ни прямо, ни через отталкивание. Оно растворено в многоголосом хоре героев. «Война что твоя пасха: тут что ни убоина, то человек», — говорит Иван Бытин [2: с. 124]. В ответ на анекдот о свиньях, пожирающих собственный приплод, некий солдат сказал: «Человек — тоже свинья: свой род ему истреблять нипочём!» [2: с. 116]; «там Каин идёт на Авеля» [2: с. 248] и т. д. Так с помощью *приёма полифонии* автор романа вынес приговор мировой бойне.

Типичные персонажи классической сатиры являют собой застывшие маски, как правило, неспособные к развитию. Но центральные герои Новикова в ходе военного похода *претерпевают метаморфозу*. Из простаков они постепенно превращаются в людей, осознавших ценность жизни. Они, наконец, постигают истину: ратные подвиги, о которых они мечтали, и есть настоящая глупость, и от неё следует как можно скорее избавиться. Это понимание делает героев носителями диалогического сознания и представителями прогрессирующего человечества.

Таким образом, роман демонстрирует *двойственное мирозерцание* автора, находящегося между двумя полюсами: сатиры и трагедии. Время требовало от писателей изображения идеального грядущего мира, роста нового сознания, но собственный трагический опыт вёл А. Новикова к другим горизонтам, диктуя скептицизм и взывая к разрушению ложных истин. В итоге рождалась *синтетическая поэтика*, сочетавшая серьёзное и комическое, гнев и иронию, смех и слёзы.

Библиографический список

Источники

1. Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 1955–1961. 362 с.
2. Новиков А.Н. Ратные подвиги простаков. Избранные произведения. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2005. 528 с.

Литература

3. Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 731 с.
4. Карякина Л.А. Человек и война в романе А. Новикова «Ратные подвиги проstackов» и в повести А. Платонова «Сокровенный человек» // Вестник ВГУ. Сер. «Филология. Журналистика». 2008. № 1. С. 61–66.
5. Матвеева И.И. Новиков и Платонов: диалог сатириков // Творчество А. Платонова: Проблемы интерпретации и восприятия. Воронеж: Наука – Юнипресс, 2014. С. 148–156.
6. Никонова Т.А. А. Платонов и А. Новиков: К истории творческих отношений // Андрей Платонов: Исследования и материалы. Воронеж, 1993. С. 137–152.
7. Тупа В.И. Художественность литературного произведения. Вопросы типологии. Красноярск, 1987. 217 с.
8. Федяева Т.А. Диалог и сатира: проблемы поэтики сатиры неклассического типа. СПб.: Союз писателей России, 2013. 284 с.
9. Шубин Л.А. Сказка про усомнившегося Макара // Литературное обозрение. 1987. № 8. С. 46–54.
10. Эльзон М. Хождение по мукам с Андреем Новиковым // Нева. 2004. № 10. С. 260–262.

References*Istochniki*

1. Mayakovskij V.V. Poln. sobr. soch.: v 13 t. T. 1. M.: IMLI RAN, 1955–1961. 362 s.
2. Novikov A.N. Ratny'e podvigi prostakov. Izbranny'e proizvedeniya. Voronezh: Centr duhovnogo vrozhdeniya Chernozemnogo kraja, 2005. 528 s.

Literatura

3. Baxtin M.M. Sobr. soch.: v 7 t. T. 5: Raboty' 1940-x – nachala 1960-x godov. M.: Russkieslovari, 1977. 731 s.
4. Karyakina L.A. Chelovek i vojna v romane A. Novikova «Ratny'e podvigi prostakov» i v povesti A. Platonova «Sokrovenny'j chelovek» // Vestnik VGU. Ser. «Filologiya. Zhurnalistika». 2008. № 1. S. 61–66.
5. Matveeva I.I. Novikov i Platonov: dialog satirikov // Tvorchestvo A. Platonova: Problemy' interpretacii i vospriyatiya. Voronezh: Nauka – Yunipress, 2014. S. 148–156.
6. Nikonova T.A. A. Platonov i A. Novikov: K istorii tvorcheskix otnoshenij // Andrej Platonov: Issledovaniya i materialy'. Voronezh, 1993. S. 137–152.
7. Tyupa V.I. Xudozhestvennost' literaturnogo proizvedeniya. Voprosy' tipologii. Krasnoyarsk, 1987. 217 s.
8. Fedyayeva T.A. Dialog i satira: problemy' poe'tiki satiry' neklassicheskogo tipa. SPb.: Soyuz pisatelej Rossii, 2013. 284 s.
9. Shubin L.A. Skazka pro usomnivshegosya Makara // Literaturnoe obozrenie. 1987. № 8. S. 46–54.
10. El'zon M. Xozhdenie po mukam s Andreeom Novikovy'm // Neva. 2004. № 10. S. 260–262.

Р.А. Соколова

Экологическое сознание Павла Васильева: к 105-летию со дня рождения¹

В статье рассматривается своеобразие экологического сознания поэта, в творчестве которого отразилось глубокое понимание взаимоотношений человека и природы, основанное на экологической интуиции. Поэт, наделённый даром сопереживания окружающему миру, успел рассказать о красоте и силе Аральского моря, предчувствуя его исчезновение.

The article considers the uniqueness of the poet's environmental consciousness reflected in his works through the profound understanding of relationship between man and nature, based on the environmental intuition. The poet's gift to empathize with the world around them allowed him to tell about the beauty and power of the Aral Sea in anticipation of its disappearance.

Ключевые слова: Павел Васильев; поэзия; экологическая проблематика.

Keywords: Pavel Vasilyev; poetry; environmental issues.

Осознание экологических проблем по-разному проявляется в творчестве писателей: как понимание гармоничного единства человека и природы, выяснение влияния технического прогресса на окружающий мир, напоминание об ответственности людей за преобразования в природе, обозначение места человека в универсуме. Поэт П.Н. Васильев (1910–1937) продолжил традиционную для русской классики разработку проблемы «человек и природа». Современного читателя может поразить экологическая интуиция поэта. В его произведениях покоряет изображение красоты, богатства и живого дыхания Аральского моря. Сегодня на месте четвёртого по величине озера в мире образовалась пустыня Аралкум, и человеку остаётся лишь запоздало сожалеть о бездумном расхищении природных богатств.

Тревожась об «экологии души», Васильев напоминал о том, что природа живая и находится в постоянном движении («Неугомонное море лапами хватает за песок»), она испытывает чувства радости («Танцуют в заливе высокие снасти») и печали («Ветерком вздыхает тихо гладь») [1: Т. 1, с. 58, 49, 134]. Поэт не только одушевлял природу, он понимал её как высшую ценность бытия, равняя человека с землёй, растворяя его в природной стихии:

Сначала пробежал осинник,
Потом дубы прошли, потом,
Закутавшись в овчинах синих,

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ 15-14-62001 а(р) — «Рязанский край в контексте русской литературы: региональный аспект исследования», 2015–2016.

С размаху в бубны грянул гром.
Плясал огонь в глазах сажённых,
А тучи стали на привал,
И дождь на травах обожжённых
Копытами затанцевал.
Стал странен под раскрытым небом
Деревьев пригнутый разбег,
И всё равно как будто не был,
И если был — под этим небом
С землёй сровнялся человек. [1: Т. 1, с. 255]

В лирике Васильева звучит мотив человеческого отношения к животному миру. Так, в стихотворении «На волю» лирический герой сострадает раненому волку:

К поляне ступью осторожной
Идёт с капканом бурый волк...
Он то свернётся тёмным клубом, —
И огласится воем даль,
То вдруг свирепо белым зубом
Грызёт и лижет кровь и сталь... [1: Т. 1, с. 79]

В стихотворении «На Севере» поэт показал, как безжалостен и ужасен охотник, в котором просыпается хищник:

Тихонько подкрался к дремавшему зверю
И вскинул, прицелясь, охотник ружьё...
И были обрызганы чёрною кровью
Серебряный Север и белый медведь. [1: Т. 1, с. 82]

Васильев смотрел на окружающий мир глазами человека, для которого всё в природе гармонично и целесообразно. Он реализовал пришвинский принцип «родственного внимания» к окружающему миру [5: с. 65], восхищался картинами необъятного пространства России, живописуя её зори и закаты, поля и луга, дороги и реки, степи и моря. В стихотворении «Путина на Арале» море изображается как живое существо:

Как кровь горячи казахские зори,
Разостланы степи — ковров пестрей.
Гуляет и ластится Аральское море,
Самое синее из морей... [1: Т. 1, с. 132]

Синий цвет Аральского моря подчёркивает его неохватность и небесную чистоту, недаром его прежнее русское название — Синее море, которое северные купцы уважительно именовали «Синего», как Онежское озеро, — «Онего» [4].

Сегодня трудно добраться до Аральского моря: оно «убежало» от людей, т. е. обмелело из-за того, что воды впадавших в него рек Амударья и Сырдарья отвели на орошение. В 1930-е годы люди гордились масштабным строительством в Приаралье оросительных каналов, а в 1990-е годы они ужаснулись впечатляющему результату — иссушению целого моря.

Васильев предчувствовал эту экологическую катастрофу, хотя попал на Арал до начала его обмеления. Известно, что молодой поэт в поисках заработка обходил редакции московских газет и журналов, предлагая им свои стихотворения и очерки. Ему повезло в газете «Голос рыбака», освещавшей производственную деятельность рыбацких артелей. Редакция немедленно зачислила в штат поэта, который поэтично рассказал о Казахстане и Сибири, о бухте Золотой Рог и Селемджинских золотых приисках. Главный редактор почувствовал, что он «озолотит» газету, делает интересной для читателей. Васильев предложил в газету очерк «В золотой разведке» о работе старателей: «Свирепствовал 50-градусный мороз. Ослепительное багровое солнце медленно поджигало тайгу. Отшлифованный непрерывными ветрами снег лоснился голубым цветом. Якуты приехали на трёх упряжках собак. Они хохотали и хлопали в ладоши, здороваясь с охотниками племени манегра, и хвалили их оленей» [1: Т. 2, с. 402]. У читателя возникает мощное эмоциональное впечатление, которое достигается, по мнению исследователя К.О. Миттельман, «логичным построением композиции произведения и подбором адекватных художественных средств» [3: с. 92].

Весной 1930 года Васильев уехал специальным корреспондентом на Каспий, затем на Арал, выходил в море с рыбаками, тянул вместе с ними сети и рассказал об этом в очерках «Бригады», «Арал», «Вовлечение рыбаков в лов по-большевистски» и др. [2]. Так, в очерке «Люди на путине» он нарисовал море, «кипевшее» рыбой, и людей у моря, кормивших всю страну: «Прямо от дверей Казарсо видны паруса шхун и длинные ряды жердей, увешанные чешуйчатыми мечами “усачей” — вкуснейшей рыбы, которая водится на Арале в изобилии. Шумные, по горло занятые работой, люди кругом: люди в жирно смазанных дёгтем броднях и просолённых спецовках, люди в малахаях и халатах, люди в сюртуках, в пенсне, наспех одетых на нос, люди в гимнастёрках с зелёными нашивками, люди в коротких юбочках с красными от кармина губами и носами, чуть тронутыми пудрой... Люди, люди, люди... От этих людей зависит дело, развернувшееся у берега казахстанского моря...» [1: Т. 2, с. 401].

Поэт писал для газеты и стихотворения («Промысла», «Прошли четыре путины, и вот...»), «Рыбацкая песня», «Путинная весна»), в которых звучит искренняя вера лирического героя в достижение прекрасного будущего благодаря неистощимым богатствам Аральского моря. Васильев в стихотворении «Путинна на Арале» победу «большевистской путины» передаёт через изображение борьбы человека со своими пороками, в которой ему помогает природа:

Ветром горячим рассей туман.
Социализм грядет сквозь туманы.
Большевистская путина
Есть контрольный план.
Плюс перевыполнение плана.
<...>
По морю, по синему
Шхуны вынес
Ветер ударничества и рванул.

<...>

Это по ветру флаг Октября распущен,
Это надвое треснул
Обугленный мир.
Это взявшие новый редут отстающих,
Призывая сурово, берут на буксир,
Каждый центнер — ядро в неприятельский лагерь,
Каждый центнер — ложится в фундамент зажат,
Одеваясь гранитом. В бушующей влаге
Осетринные шипы — подобье гранат. [1: Т. 1, с. 131–132]

Поэт обнаруживает особое экологическое сознание, раскрывая взаимосвязь природного и человеческого миров. Люди понимают, что в стране идёт война с голодом и разрухой, они организовались «в ряды, в батальоны пролетариев», «в стрелковые цепи рабочих бригад» и готовы к бою: «Удар на удар. Не ударим мимо». Но и природа «врагу скрытому... занесшему костлявый кулак» ответит по-своему: «Тонны и тонны рыбы в ответ» [1: Т. 1, с. 132].

В своих произведениях Васильев использовал рыбацкий «подъязык» («лов иваси», «ивасёвая чешуя», «засольные сараи», «полные шаланды», «рыба глубоко идёт» и др.), подчёркивающий неизменные, из года в год повторяющиеся заботы рыбаков во время путин. Такого рода «подъязык», по утверждению Е.К. Целыховой, «фактически не меняется, играя роль своего рода лингвистического музея», сохраняющего традиции его носителей [6: с. 113]. Действительно, и в XXI веке рыбаки на Арале продолжают говорить на том же языке, что и переселённые уральские казаки, впервые организовавшие здесь рыбацкие союзы ещё в XVIII веке. Васильев не сомневался, что рыболовство на Арале будет развиваться и что возможно «перевыполнить план» путины без угрозы истощения запасов рыбы:

Как кровь горячи казахские зори.
Торопят ветры: быстрей, быстрей.
Сделаем наше Аральское море
Самым ударным из морей. [1: Т. 1, с. 132]

«Ветер ударничества» достиг цели. На побережье Аральского моря в XX веке появились оживлённые портовые города. Здесь туристы, наслаждаясь синим морем и солнцем, отдыхали на пляжах. У местного населения была работа: 6 рыбозаводов, 45 приёмных пунктов рыбы.

Сегодня в результате обмеления Аральское море превратилось в «рассол», что вызвало вымирание рыбы, гибель портов — Аральска, Муйнака, Казахдарьи, исчезновение островов Возрождение, Барсакельмес, Кокарал; распространение пылевых и солевых буранов, высыхание небольших пресноводных озёр, колодцев, у жителей Приаралья — безработицу и болезни вследствие неблагоприятной экологической обстановки.

Самая крупная водная экологическая катастрофа волнует наших современников. О трагедии Аральского моря рассказали писатель Дж. Абдуллаханов в романе «Барсакельмес», кинорежиссёр Б. Худойназаров в фильме «В ожидании моря» и др. Специалисты не видят пути восстановления уровня

моря. Арал сегодня служит лишь наглядным уроком уязвимости экосистемы, а человечество должно сделать правильные выводы и отказаться от нерационального использования природных богатств.

Самое синее в мире Аральское море осталось бушевать живительной, творческой, спасительной силой в произведениях Васильева. Его вечный Арал призывает человечество к охране и защите нашей планеты.

Библиографический список

Источники

1. *Васильев П.Н.* Собр. соч.: в 2 т. / Сост. Л.С. Кашина, З.С. Мерц. Алматы: Дом-музей Павла Васильева, 2009. Т. 1. Стихотворения. 444 с.; Т. 2. Поэмы. Проза. Письма. 498 с.

Литература

2. Голос рыбака: Орган Главрыбы, ЦК Союза рабочих рыбной и зверобойной промышленности и Рыбакколхозцентра. 1931. № 1–96. 1932. № 1–88.

3. *Миттельман К.О.* Короткий рассказ как объект лингвистического и литературоведческого анализа // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2008. № 2 (27). С. 91–97.

4. *Никольский А.* Рыболовство на Арале // Известия Императорского русского географического общества. СПб., 1887. С. 657.

5. *Соколова Р.А.* Принципы целостности бытия в творчестве М. Пришвина // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С.А. Есенина. № 2 (27). Рязань, 2010. С. 62–68.

6. *Целыхова Е.К.* Особенности отражения языковой картины мира в охотничьем подъязыке // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 1 (3). С. 113–119.

References

Istochniki

1. *Vasil'ev P.N.* Sobr. soch: v 2 t. / Sost. L.S. Kashin, Z.S. Mercz. Almaty': Dom-muzej Vasil'eva, 2009. T. 1. Stixotvoreniya. 444 s.; T. 2. Poemy'. Proza. Pis'ma. 498 s.

Literatura

2. Golos ry'baka: Organ Glavry'by', CK Soyuzra rabochix ry'bnoj i zverobojnoj promy'shlennosti i Ry'bakkolxozcentra. 1931. № 1–96. 1932. № 1–88.

3. *Mittel'man K.O.* Korotkij rasskaz kak ob'ekt lingvisticheskogo i literaturovedcheskogo analiza // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2008. № 2 (27). S. 91–97.

4. *Nicol'skij A.* Ry'bolovstvo na Arale // Izvestiya Imperatorskogo russkogo geografigheskogo obshhhestva. SPb., 1887. S. 657.

5. *Sokolova R.A.* Principy' celostnosti by'tiya v tvorchestve M. Prishvina // Vestnik Ryzanskogo gos. un-ta im. S.A. Esenina. 2010. № 2 (27). S. 62–68.

6. *Cely'xova E.K.* Osobennosti otrazheniya yazy'kovoj kartiny' mira v ohotnich'em pod'yazy'ke // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2009. № 1 (3). S. 113–119.

Н.Э. Кутеева

Соотношение «биологического» и «культурного» в творчестве Фрэнка Норриса

В статье рассматривается творчество Ф. Норриса в аспекте соотношения биологического и культурного начал. Специфический «биологизм», присущий произведениям писателя, был обусловлен влиянием эволюционизма и позитивизма. Свойственный Норрису детерминистский подход к культуре в сочетании с моралистическими взглядами, подчёркивающими порочность животного начала, исследуется на примере романов «Вэндовер и зверь» и «Мактиг». Изображение цивилизации, культивирующей в человеке порочные наклонности, свидетельствует о критическом взгляде писателя на духовные основания современной культуры.

The article studies F. Norris's literary work in terms of correlation between biological and cultural principles. The specific «biologism» peculiar of the writer's works is caused by the influence of evolutionism and positivism. The analysis of Norris's deterministic approach to culture combined with his moralistic viewpoints is based on the writer's novels «Vandover and the Brute» and «McTeague». The description of the civilization bringing up the vicious liabilities in man proves the writer's critical attitude to the moral framework of contemporary culture.

Ключевые слова: натурализм; эволюционизм; позитивизм; биологизм; культура.
Keywords: naturalism; evolutionism; positivism; biologism; culture.

Фрэнк Норрис (1870–1902) — писатель, сыгравший ключевую роль в процессе формирования американского натурализма. Рассматривая обычную для натурализма проблему взаимоотношения человека и среды, писатель был склонен объединять закономерности общественной и природной жизни. Специфический «биологизм», присущий произведениям писателя, обусловлен влиянием эволюционизма и позитивизма.

Мировоззрение Ф. Норриса сформировалось под влиянием теории биологической эволюции Ч. Дарвина, концепции всеобщего развития Г. Спенсера и творчества Э. Золя. Норрис, отмечая, что «Дарвин взял взрослые мужские и женские особи человека и проследил все их эмоции, импульсы, свойства и настроения» [1: р.115] (здесь и далее перевод наш. — *Н.К.*), использовал сходную методологию, что позволило Р.Э. Спиллеру характеризовать его как одного из тех писателей, которые стремились «применить к искусству методологию физики и биологии» [9: с. 102].

Увлечение американских писателей эволюционизмом и позитивизмом вело к определённым крайностям. В частности, Ю.В. Ковалёв справедливо утверждал, что они «соблазнялись простотой и лёгкостью разрешения всех вопросов

посредством приложения биологических законов к жизни общества. Дарвиновская эволюционная теория, концепция происхождения видов, идеи борьбы за существование и выживание наиболее приспособленных как основы эволюционного процесса — всё это... без затруднений объясняло любые явления и процессы, совершавшиеся в социальной истории людей» [7: с. 656]. Действительно, в трактовке идей Спенсера и Дарвина американскими писателями присутствовал некий «поверхностный взгляд», когда эволюционные концепции «воспринимались и интерпретировались в чрезмерно буквалистском духе» [6: с. 61]. Преувеличение роли биологического начала в человеке во многом стало почвой для формирования натуралистической концепции личности как «беспомощной жертвы существующего положения вещей» [10: с. 253] и собственной природы.

Интерес писателей к Дарвину, Спенсеру и «социальному биологизму», на наш взгляд, свидетельствовал о меняющемся направлении цивилизации и культуры. Мир создаваемой человеком рукотворной культуры перестал быть провинциальным и благопристойным. Урбанистическая цивилизация, по сути своей сходная с дикой природой, обретая черты неуправляемой стихии, была враждебна человеку, затравленному в каменных джунглях огромного города. Подобный взгляд на культуру продемонстрировал и Э.Д. Хоуэллс, говоря, в связи с выходом «Мактига» Норриса, что пора «распахнуть врата нашей литературы навстречу тому неуспокоенному, brutальному миру, который со всех сторон охватывает то, что мы привычно называем цивилизацией» (цит. по: [6: с. 71]).

Детерминистский взгляд на культуру, свойственный натуралистам, был достаточно близок спенсеровской философско-культурологической теории, ратовавшей за тотальную связанность и всеобщую обусловленность всех вещей в мироздании. Изображение писателями-натуралистами (С. Крейн, Ф. Норрис, Д. Лондон, Т. Драйзер) частной реакции личности на среду является следствием общей убеждённости «в существовании детерминированной вселенной» [10: с. 402]. Свойственная «социальному биологизму» линия унификации природы и общества стала весьма плодотворной в натуралистической литературе США.

Ф. Норрис изображал характеры, строго детерминированные средой и наследственностью, которые приобретали в произведениях писателя облик непостижимой, фатальной силы. Он полагал, что «анализ характеров мужчин и женщин, составляющих общество», осуществляемый в литературе, ведёт к раскрытию «общественных тенденций» в абстрактной форме. В заметке «Роман с “целью”» («The Novel with a “Purpose”», 1902) он утверждал, что писатель, говоря о частностях, подразумевает некие обобщения, которые составляют сущность культуры: «стихийные силы, побуждения, волнующие целые народы» [3: р. 26–27]. Картины жизни частных людей становятся для него маленьким сколком огромной вселенской картины культуры человечества в данное мгновение и во все времена.

Изображению соотношения «биологического» и «культурного» начал посвящены романы Норриса «Вэндовер и зверь» («Vandover and the Brute», 1914) и «Мактиг» («McTeague», 1899). Оба романа писались почти одновременно в годы учёбы в университете Беркли (1895–1899), где Норрис посещал, в числе других занятий, лекции профессора Дж. Леконта (1823–1901),

геолога, горячего сторонника учения Дарвина и популяризатора теории эволюции, что, несомненно, отразилось на интересе писателя к проблемам взаимодействия животного и человеческого начал.

Натуралистическое изображение биологического в человеке, уподобление человеческого мира животному встречалось и у С. Крейна [8], и у Д. Лондона, но образ «человека-зверя» как амбивалентного конгломерата биологических и культурных черт, берущих своё начало в одноименном романе Золя («Человек-зверь», 1890), в американской литературе впервые появился в романе Норриса «Вэндовер и зверь».

Следует отметить ряд особенностей, присущих норрисовской трактовке данного образа. Его «человек-зверь» отличается от «лютого зверя» (*Abysmal Brute*) Д. Лондона: в нём нет той притягательной brutальной силы и обаяния мужественности, которая присутствует в героях Лондона. У персонажей Норриса есть только животные инстинкты и порочные наклонности. Вэндовер и Мактиг сильны физически, но слабы умственно и неуравновешенны психически. Их мужественность исключительно внешняя, а не внутренняя. Если Лондон связывает человека с животным с позиций физиологических (выносливость, приспособляемость, быстрота реакции), то для Норриса животное начало прежде всего связано с моральными изъянами (слабость характера, порочные наклонности, патология).

«Желание порока, — говорится в романе о Вэндовере, — слепое, безрассудное желание самца, выросло на нём» (*As the desire of vice, the blind, reckless desire of the male, grew upon him*) [4: p. 21]. Вопреки натуралистическому требованию объективности и беспристрастности, Норрис даёт моральную оценку своим персонажам. Выражение «порочное злое животное» (*the perverse evil brute*) [4: p. 21] звучит как приговор. Стремление персонажа к удовлетворению чувственных потребностей писатель характеризует как слабость и склонность к пороку: «Вэндовер потакал своим желаниям — он любил эти чувственные удовольствия, он любил вкусную еду, любил быть в тепле, любил спать» (*Vandover was self-indulgent — he loved these sensuous pleasures, he loved to eat good things, he loved to be warm, he loved to sleep*) [4: p. 24].

Биологическое и культурное начала сталкиваются, чтобы победило животное, а значит, низменное, порочное. Подобная трактовка brutальности далека от теории «естественности», здесь принадлежность к миру природы понимается автором почти в экзистенциальном ключе, как принадлежность к враждебной, чуждой субстанции, находящейся вне пределов человеческой культуры. Символична сцена, изображающая обнажённого, стоящего на четвереньках и лающего Вэндовера, в которой в аллегорической форме выражается животная сущность человека. «Для натуралистов, — писал М. Каули, — почти вовсе не существовало эволюции от низшего качества жизни к высшему; регресс, упадок, деградация — вот излюбленные мотивы их произведений» [6: с. 78]. Если у Лондона обретение животного состояния не означает регресса, а, напротив, символизирует возвращение к истокам, «корням», то «человек-зверь» Норриса — результат обратного направления эволюции. Вэндовер выступает у писателя как жертва средового детерминизма, «страшной

и грязной действительности» [10: с. 405], слабое существо, не способное противостоять давлению среды.

А.М. Зверев подчёркивал, что в «Вэндовере» и «Мактиге» «биология оказалась намного сильнее разума и воли, персонажи капитулировали перед инстинктом и выглядели прежде всего жертвами своей природы — моральная сторона становилась несущественной» [5: с. 21]. На наш взгляд, основной проблемой, находящейся в центре внимания Норриса, в данном случае является не столько соотношение биологического и социального, сколько биологического и культурного начал, ибо оценка роли биологического зависит от понимания оснований человеческой культуры: религиозно-этических (Норрис, Крейн) либо ницшеанско-позитивистских (Лондон).

Учитывая, что «Вэндовер» был напечатан только после смерти писателя, исследователи отмечают, что весь гнев публики достался на долю «Мактига», в котором Норрис изображал синтез противоборствующих начал (биологического и культурного), с преобладанием биологической его ипостаси. Здесь вновь представлен комплекс натуралистических детерминант: «фактор среды» и «фактор крови». Так же как и в Вэндовере, в Мактиге под личиной большого и медлительного человека кроется дикий зверь, готовый вырваться наружу.

Норрис создает облик гигантского, неуклюжего (*a clumsy giant*), медлительного (*slowly, ponderously*) человека-животного, обладающего «огромной силой» (*enormous strength*). Фиксируя внимание на огромных красных руках, покрытых жёсткой жёлтой шерстью, на большой квадратной голове с выдающейся, как у хищника, челюстью (*like that of the carnivora*), Норрис всячески подчёркивает биологические черты во внешности персонажа. Говоря об умственных способностях Мактига, писатель отмечает, что ум его, как и тело, был «тяжёлым, медлительным, вялым» (*heavy, slow to act, sluggish*). «Тем не менее, — подытоживает автор, — не было ничего порочного в этом человеке. В целом он напоминал тяжеловоза, очень сильного, тупого, послушного, покорного» (*Yet there was nothing vicious about the man. Altogether he suggested the draught horse, immensely strong, stupid, docile, obedient*) [2: p. 264]. Пока герой спокоен, он не представляет собой опасности и напоминает «гигантского, добродушного сенбернара» (*gigantic, good-natured Saint Bernard*), издающего одобрительное рычание (*approving by a growl*). Под воздействием алкоголя герой становится уже не таким безобидным, а в гневе и вовсе теряет человеческий облик, он издаёт звуки, напоминающие «ужасающий вопль ослеплённого болью зверя, визг раненого слона»: «Он не произносил слов; в суматохе пронзительных звуков, которые вылетали из его широко открытого рта, не было ничего членораздельного. В нём больше не было ничего человеческого; это было скорее эхом из джунглей» (*He framed no words; in the rush of high-pitched sound that issued from his wide-open mouth there was nothing articulate. It was something no longer human; it was rather an echo from the jungle*) [2: p. 428].

По мнению Норриса, биологическое и культурное начала слиты воедино и в то же время находятся в вечном противоборстве. Животное может долгое время находиться в спячке, но под влиянием каких-либо обстоятельств оно может пробудиться, и тогда последствия будут катастрофическими для человека: «Внезапно в человеке зашевелился и проснулся зверь; дурные инстинкты, что

были так близко к поверхности, ожили, крича и требуя» (*Suddenly the animal in the man stirred and woke; the evil instincts that in him were so close to the surface leaped to life, shouting and clamoring*) [2: p. 283]. В данном случае «спячку» нарушила любовь или, скорее, сексуальное влечение: «Мужественное желание самца с опозданием проснулось, пробудилось само, сильное и жестокое. Это было нечто непреодолимое, неожиданное, что нельзя было сразу взять под уздцы» (*The male virile desire in him tardily awakened, aroused itself, strong and a brutal. It was resistless, untrained, a thing not to be held in leash an instant*) [2: p. 281].

Первоначально Мактиг испытывает потрясение от проявлений своего второго «я» и, «движимый беспричинным инстинктом сопротивления» [2: p. 283], пытается бороться. «Хороший Мактиг» ведёт «страшную борьбу» со зверем внутри себя, не желая сдаваться без боя. «Это была старая битва, старая как мир, огромная как мир» [2: p. 284], — пишет Норрис, тем самым универсализируя уникальную ситуацию, делая душу убийцы аренной борьбы вечных начал: культурного и биологического. «Лучшая часть» Мактига «хватает монстра», «душит его, стремится затолкать его обратно вниз» (*that grips the monster; that fights to strangle it, to thrust it down and back*) [2: p. 284]. Однако в Мактиге, как и в Вэндовере, побеждает зверь. Человеческое начало оказывается полностью подчинённым животному и подавленным им.

Сходным образом изображает Норрис и жену Мактига Трину — внешне привлекательную, аккуратную женщину, внутри которой тоже сидит алчное животное, методично делающее запасы. Первоначальное желание Трины выбраться из нищеты постепенно затмевается патологической страстью к деньгам. «Ах, милые денежки, милые денежки, — шептала она. — Я так люблю вас! Вы — мои, каждый пенни! Никто никогда, никогда не заберет вас!» (*Ah, the dear money, the dear money», she would whisper. «I love you so! Ah mine, every penny of it. No one shall ever, ever get you»*) [2: p. 478]. Социальный аспект сменяется физиологическим. Норрис говорит о «сужении» эмоций Трины в процессе «сужения» её жизни, о сведении в конечном счёте её жизни к двум страстям: «страсти к деньгам и её извращённой любви к мужу» (*They reduced themselves at last to but two, her passion for her money and her perverted love for her husband when he was brutal*) [2: p. 479]. Трина не всегда была такой, её маленький алчный зверёк прежде находился в спячке, она даже пыталась возвысить Мактига над «тупой животной жизнью, к которой он привык» (*to raise him from the stupid animal life to which he had been accustomed*) [2: p. 397]. Но после бурных семейных баталий она оставила попытки изменить мужа, погрузилась в бездну бессознательного порока и в конечном счёте погибла, став жертвой «естественной войны» [11: с. 87] полов.

Пытаясь доискаться до причин патологической неспособности героев сопротивляться зверю внутри себя, Норрис приходит к логичному для последователя Дарвина выводу о врождённых наклонностях. «Под тонкой тканью всего того, что было в нём доброго, тек грязный поток наследственной порочности, подобный сточной канаве, — пишет автор о Мактиге. — Пороки и грехи его отца и отца его отца лежали на нём позорным грузом. Грязная кровь всей его породы текла в его жилах. Но почему же? <...> Была ли в том его вина?» [2: p. 285]. По сути, Мактиг испытывает двойное давление: среды, которая диктует определённые

культурные паттерны; и инстинкта, желаний, которым он не в силах противостоять. В отличие от героев Крейна, также испытывающих давление со стороны «супер-эго» (З. Фрейд), персонажи Норриса имеют определённые духовные устремления и в результате осознания своих грехов приходят к положительному («Алый знак доблести») либо отрицательному («Мэгги, уличная девчонка») результату. Вэндовер и Мактиг не испытывают угрызений совести и становятся исключительно жертвами средового детерминизма и патологических факторов.

С научных позиций человек как часть органического мира обладает всеми физиологическими признаками других представителей животного мира, но, с позиций господствующей морали и религии, биологическое начало греховно, порочно и, следовательно, достойно осуждения. Биологический детерминизм, свойственный поведению животного, нормален для последователя «социального биологизма», но для моралиста, каковым, по мнению В.Л. Паррингтона, позиционирует себя Норрис, проявление инстинкта считается греховным.

Норрис демонстрирует существующую в то время тенденцию двойственного восприятия биологической ипостаси человека, связанную с распространением позитивизма и эволюционизма. Возникшая философско-психологическая дилемма, еще не разрешённая З. Фрейдом (первые труды Фрейда по психоанализу появились в 1900 г.), рассматривалась писателем в традиционно-моралистическом ключе: биологическое в человеке признавалось как греховное и порочное, которое следовало подавлять, так как развитие его могло привести к деградации личности. Изображение Норрисом цивилизации, культивирующей животное начало в человеке, позволяет сделать вывод о критическом взгляде писателя на духовные основания современной культуры. Амбивалентность мировоззрения писателя проявляется в следовании, с одной стороны, детерминистской картине мира, с другой, в понимании человеческого прежде всего как духовно-этического начала, и чётком отделении его от инстинктивного. Впоследствии З. Фрейд выскажет противоположную точку зрения, согласно которой игнорирование инстинктов пагубно сказывается на психическом здоровье личности. К определённому равновесию в этом вопросе пришёл Д. Лондон, в творчестве которого «лютый зверь» не всегда существо морально уродливое и порочное. Его персонажи (силачи, моряки, золотоискатели, различного рода «сыновья волка») потому и более жизнеспособны, что соединяют в себе черты духовной личности с качествами «здорового животного».

В творчестве Ф. Норриса поднимается важная для американского натурализма проблема соотношения «биологического» и «культурного» начал, в решении которой писатель склоняется на сторону «культурного», так как приоритет биологического фактора, по его мнению, ведёт к моральной деградации и гибели личности.

Библиографический список

Источники

1. *Norris F. Child Stories for Adult // Norris F. The Responsibilities of Novelist and Other Literary Essays. L.: Grant Richards, 1903. P. 109–116.*

2. *Norris F. McTeague // Norris F. Novels and Essays. N.Y.: Library Classics of United States, Inc., 1986. P. 261–572.*

3. *Norris F. The Novel with a «Purpose»* // Norris F. *The Responsibilities of Novelist and Other Literary Essays*. L.: Grant Richards, 1903. P. 23–34.
4. *Norris F. Vandover and the Brute* // Norris F. *Novels and Essays*. N.Y.: Library Classics of United States, Inc., 1986. P. 1–260.

Литература

5. *Зверев А.М. Художники перехода* // Крейн С. *Алый знак доблести*; Норрис Ф. *Спрут*: пер. с англ. М.: Худож. лит., 1989. С. 4–24.
6. *Каули М. Дом со многими окнами*: пер. с англ. М.: Прогресс, 1973. 327 с.
7. *Ковалев Ю.В. Финал* // Драйзер Т. *Стоик*. Оплот. Л.: Лениздат, 1989. С. 652–670.
8. *Кутеева Н.Э. Проблема соотношения биологического и социального в повести Стивена Крейна «Мэгги, уличная девчонка»* // Известия Уральского ГУ. Сер. 1. «Проблемы образования, науки и культуры». 2010. № 6 (85). Ч. 2. С. 194–200.
9. *Литературная история Соединенных Штатов Америки*: в 3 т.: пер. с англ. / Под ред. Р. Спиллера и др. М.: Прогресс, 1979. Т. 3. 639 с.
10. *Паррингтон В.Л. Основные течения американской мысли. Американская литература со времени её возникновения до 1920 года*: в 3 т.: пер. с англ. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. Т. 3. 603 с.
11. *Чеснокова Т.Г. Мотив «супружеской войны» в английской комедии от Шекспира до Шеридана* // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2013. № 1 (10). С. 83–90.

References

Istochniki

1. *Norris F. Child Stories for Adult* // Norris F. *The Responsibilities of Novelist and Other Literary Essays*. L.: Grant Richards, 1903. P. 109–116.
2. *Norris F. McTeague* // Norris F. *Novels and Essays*. N.Y.: Library Classics of United States, Inc., 1986. P. 261–572.
3. *Norris F. The Novel with a «Purpose»* // Norris F. *The Responsibilities of Novelist and Other Literary Essays*. L.: Grant Richards, 1903. P. 23–34.
4. *Norris F. Vandover and the Brute* // Norris F. *Novels and Essays*. N.Y.: Library Classics of United States, Inc., 1986. P. 1–260.

Literatura

5. *Zverev A.M. Xudozhniki perexoda* // Krejn S. *Aly'j znak dobresti*; Norris F. *Sprut*: per. s angl. M.: Xudozh. lit., 1989. S. 4–24.
6. *Kauli M. Dom so mnogimi oknami*: per. s angl. M.: Progress, 1973. 327 s.
7. *Kovalev Yu.V. Final* // Drajzer T. *Stoik*. Oplot. L.: Lenizdat, 1989. S. 652–670.
8. *Kuteeva N.E'. Problema sootnosheniya biologicheskogo i social'nogo v povesti Stivena Krejna «Meggi, ulichnaya devchonka»* // Izvestiya Ural'skogo GU. Ser. 1. «Problemy' obrazovaniya, nauki i kul'tury'». 2010. № 6 (85). Ch. 2. S. 194–200.
9. *Literaturnaya istoriya Soedinenny'x Shtatov Ameriki*: v 3 t.: per. s angl. / Pod red. R. Spillera i dr. M.: Progress, 1979. T. 3. 639 s.
10. *Parrington V.L. Osnovny'e techeniya amerikanskoj my'sli. Amerikanskaya literatura so vremeni ejo vzniknoveniya do 1920 goda*: v 3 t.: per. s angl. M.: Izd-vo inostranoj literatury', 1963. T. 3. 603 s.
11. *Chesnokova T.G. Motiv «supruzheskoj vojny'» v anglijskoj komedii ot Shekspira do Sheridanana* // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2013. № 1 (10). S. 83–90.

И.А. Бубнова

Эволюция русской языковой личности

Статья посвящена характерным для настоящего времени трансформациям содержания структуры русской языковой личности. Приводимые в работе примеры подтверждают, что сегодня направление развития русской языковой личности в значительной степени определяется процессом заимствования, обуславливающим эволюцию словарного состава языка и наполнение когнитивной базы носителей русского лингвокультурного сообщества.

The article examines the modern typical transformations of the Russian language personality's structural content. The given examples taken together confirm that nowadays the direction of the Russian language personality's development is to a considerable degree determined by the process of borrowings causing the evolution of the lexicon and filling up the Russian lingo-cultural community's cognitive base.

Ключевые слова: содержание структуры русской языковой личности; трансформации; линия развития; заимствования; эволюция.

Keywords: Russian language personality's structural content; transformations; the line of development; borrowings; evolution.

Введение: к постановке проблемы

За прошедшие с момента распада СССР годы русский язык подвергся значительным изменениям, коснувшимся не только условий его использования, но и его лексической и грамматической систем. Эти изменения сегодня осознаются как профессионалами, так и обычными носителями языка, однако если последние, особенно представители поколения, выросшего уже на постсоветском пространстве, объясняют произошедшие перемены увеличившимся в связи с научно-техническим прогрессом и углублением контактов между народами потоком информации, то специалисты предпочитают говорить об адаптации языка к социокультурной эволюции, связанной с процессами глобализации и взаимопроникновением культур.

Безусловно, вариативность — это процесс исторический, она присуща языкам по самой их природе, более того, языки «не просто изменяются, они, можно сказать, единственные системы знаков, изменчивость которых несомненна, засвидетельствована и хорошо изучена» [1: с. 262]. Однако безусловно

и другое: несмотря на объективно существующую разницу между скоростями социального и лингвистического времени, в определённые периоды развития страны скорость изменений в языке увеличивается, и этот факт обусловлен, скорее, скоординированными, но не всегда видимыми и осознаваемыми большинством усилиями, чем спонтанным развитием.

То, что язык есть достояние политики и политиков («тот, кто полностью владеет языком, удерживает в своих руках большую власть, чем тот, кто владеет им нетвёрдо» [1: с. 192], а «любая языковая политика проводится в интересах власти и укрепляет её, составляя одну из надёжных её опор» [1: с. 192]), известно со времён Платона. Причём знания эти не только теоретические, они подтверждены опытом развития самых разных стран, в том числе и недавним (с точки зрения исторической перспективы) опытом России. Только в XX веке русский язык и русская культура дважды подвергалась «перестройке». Сначала это произошло в 1920-е годы, когда «пирамида культуры полностью перевернулась, язык низа, почти бессознательной массы, оказался стандартным, «нормальным» языком» [4: с. 159], в значительной степени переформатировав окружающую людей реальность. Однако при этом, на наш взгляд, в своей основе он всё-таки остался русским, что и позволило сохраниться константам русской культуры, тем духовным ценностям, которые являются основополагающими для народа и составляют инвариантную часть русской языковой личности. В конце XX века, несмотря на внешнее сходство ситуаций: исчезновение целого пласта лексики, вышедшей из употребления, переименование городов, улиц, станций метро, снос памятников и т. д., — внутренняя структура изменений стала иной. Произошло нечто гораздо большее, чем просто появление новых понятий, связанных с новой экономической и социально-политической реальностью и обусловленных способностью языка к означиванию и продуцированию новых смыслов. В русский язык потоком хлынула заимствованная лексика, причём чужие термины не только появлялись и продолжают появляться в тех сферах, которые стали интенсивно развиваться уже в конце прошлого столетия и для которых не было эквивалентов в русском языке. Они пришли на место привычных названий профессий, должностей, учреждений, ими стали заменять слова, которые имели свой, в том числе и культурный, смысл. И этот процесс вряд ли можно считать случайным, если не забывать о нескольких фактах:

1) лексика значительно легче поддаётся изменениям, не только спонтанным, но и скоординированным, а эволюция словаря, изменение смыслового поля значений достигается, среди прочего, добавлением к первичному смыслу (денотативному значению, приводимому в словарях) коннотативного значения, которое, с течением времени, может выдвигаться в ядро;

2) лексика была и остаётся хранилищем определённой идеологии [1: с. 260];

3) национальная самобытность формируется и поддерживается символическими процессами: чувством преемственности со стороны поколений данной культурной группы населения, общими воспоминаниями о ранних событиях и периодах в истории этой группы, понятиями, которые принимало во внимание каждое поколение, и коллективной судьбой его единства и культуры [5: р. 25];

4) язык представляет собой метод анализа действительности и, таким образом, «оказывается тем самым существенным фактором формирования личности, будь то индивид с момента его рождения или человеческий вид на протяжении его истории [1: с. 247].

Иначе говоря, родной язык является не просто главным хранителем культуры и истории народа, его ценностей и моделей поведения, только его существование обеспечивает существование общерусского (и любого иного) языкового типа. А в силу этого очевидно, что изменения на уровне семантики, исчезновение имён-символов, смена поведенческих моделей и т. д. ведут к исчезновению инвариантной части в структуре языковой личности, «которая является на деле продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенной передачи опыта» [3: с. 42].

Современный русский язык и эволюция русской языковой личности

Говоря о современной русской языковой личности и её эволюции, мы опираемся на взгляды Ю.Н. Караулова, подчёркивающего, что «трактовка языковой личности вообще, независимо от специфики её языка, с неизбежностью остаётся схематичной и редуccionистской» [3: с. 8]. При этом собственно национальная языковая личность проявляется только на высших уровнях — уровнях, отражающих иерархию смыслов и ценностей в картине мира человека, которые непосредственно связаны не просто с ординарной языковой семантикой, но с индивидуальными интеллектуальными силами. Именно здесь уже проявляется субъективность, которая, становясь при определённых условиях тенденцией, может обуславливать дальнейшее направление развития не только индивидуальности, но и своеобразия национального характера [2; 3: с. 36].

Однако, как нам представляется, в настоящее время трансформируются не только высшие, но и нулевой вербально-семантический уровень. Практика показывает: даже стандартные для русского языка словосочетания и простые предложения, употребляемые в различных видах дискурсивных практик и составляющие необходимую предпосылку становления и функционирования языковой личности, претерпевают значительные изменения и уже далеко не всегда отвечают нормам русского языка.

Для проверки гипотезы о несоответствии содержания уровней языковой личности стандартам, обязательным для общенационального русского типа, был проведён эксперимент, участниками которого выступили школьники (возраст 16–17 лет, количество — 60 человек).

Респондентам были даны несколько предложений с заданием, во-первых, отметить те, которые не соответствуют стандартным словосочетаниям, характерным для обывденного русского языка, и, во-вторых, в случае выявления такого несоответствия перефразировать ту же мысль, используя фразы с учётом ситуации. Несколько примеров использованных предложений приведены ниже.

Натуральный мейкап уместен в любой ситуации: в театре и в офисе, в спортзале и на пикнике.

Предметом культа хипстеров, или инди-кидов, является не действие, а антураж: вещи, аксессуары, модные тренды... Но некоторые утверждают, что хипстеры сегодня — это уже мейнстрим.

Но как добиться того, чтобы ребята предоставляли откровенный фидбек?

В экспериментальный список были включены типичные сегодня фразы со следующими словами: *аудит, мониторинг, миссия, мейкап, флешмоб, гаджет, новый лук, мейнстрим, рейтинг, форс-мажор, имплементация, тренд, антураж, харизма.*

После обработки полученных данных оказалось, что в 28 % случаев предложенные варианты были оценены как нормативные и не требующие никаких замен.

При этом в дальнейшей беседе выяснилось, что нормативное, по мнению респондентов, предложение *Первый Всероссийский флешмоб, в котором участвовал В.И. Ленин, был организован большевиками 1 мая 1920 года*, интерпретируется ими следующим образом: *первая демонстрация, революция, митинг, движения, выступление, съезд, мероприятие* (подчеркнём, что слово *субботник* не встретилось ни разу).

Помимо этого выяснилось, что ни один участник эксперимента не знает слова *имплементация*; 80 % не понимают значение слова *мониторинг*, при этом большинство опрошенных полагает, что предложение *В рамках аудита мы проводим мониторинг учащихся* соответствует всем существующим нормам русского языка и употребляется в ситуации, когда говорящий обращается к аудитории с просьбой заполнить какие-либо анкеты.

Не вызвали неприятия предложения *Этот стилист способен создать совершенно новый лук* или *Вам следует сменить имидж*, причём замена выделенных слов, проведённая по нашей просьбе, показала, что в сознании носителей русского языка предложенные словосочетания связаны только с внешним видом, тогда как ядерными компонентами данных понятий являются соответственно *чувство стиля* и *искусственный образ, формируемый в общественном или индивидуальном сознании средствами массовой коммуникации и психологического воздействия с целью выработки определённого отношения к тому или иному объекту.*

85 % опрошенных респондентов считают, что *харизма* (дар, исключительная одаренность от природы) — это *оригинальность*, полным синонимом *рейтинга* (степень популярности) является *успех*, а *мейнстрим* (идеи и методы, типичные в обществе) трактуется ими как *предмет для подражания.*

Таким образом, полученные результаты могут свидетельствовать о двух основных чертах, характерных для современной русской языковой личности: с одной стороны, это неясное, неотчётливое представление о значении употребляемых словосочетаний с иностранными словами, постоянно встречающихся в самых разных типах дискурсивных практик; с другой, бедный словарный запас родного языка и, как следствие, не просто неспособность подобрать соответствующий английскому слову русский эквивалент, но и неготовность воспринимать продуцируемые другими тексты.

Не менее значимые изменения, непосредственно связанные с тенденцией замены слов русского языка на иностранные, происходят в тезаурусе и тесно

связанном с ним прагматиконе языковой личности. Остановимся лишь на нескольких примерах.

В ходе интервью, проведённого после эксперимента, выяснилось, что в сознании языковой личности начинают исчезать различия между смысловым содержанием русских и английских лексем, называющих одинаковые феномены, однако отличающихся иерархией, а часто и набором входящих в значение компонентов. Так, слово *tolerance* соотносится сегодня как с *терпимостью*, так и с *терпением*. В ряде случаев отмечается, что *терпение* и *толерантность* — разные понятия, но носители русского языка не могут объяснить главного отличия — наличия компонента *неравнодушие*, отсутствующего в поле *толерантности*. 75 % не отметило разницы в смысловом содержании русского слова *друг* (качество) и английской лексемы *friend* (количество и категории), считая их идентичными.

Привлекает внимание трансформация смыслового поля слова *честь*, где происходит реструктурирование иерархии компонентов с выдвиганием в ядро периферийных ранее значений, причём данный процесс коснулся изначально английского, а сегодня уже и русского языка, следовательно, и соответствующих культур. Так, в начале XX столетия значение английской лексемы *honour* определялось как *Esteem due or paid to worth; high estimation; high moral worth; virtue; nobleness* [11]. Практически так же ещё в последней трети XX века в нашей стране толковалось значение слова *честь* в Малом академическом словаре: *честь* — *совокупность высших морально-этических принципов личности* [7] или в Толковом словаре Ожегова [10]. Сегодня для большинства наших респондентов *честь* оказалась синонимом понятия *достоинство*, что совпадает с определением данного понятия как в современных английских, так и русских толковых словарях: *Честь* — *моральное, профессиональное, социальное и т. п. достоинство, вызывающее уважение к самому себе или со стороны окружающих* [9]; *деловая репутация (правовая защита)* [6].

Изменения в смысловом поле слова *честь*, как и в подобных ему понятиях, отражающих качества, высоко оцениваемые в культуре: *достоинство, самоотверженность, преданность, успех, невежество, трагедия* и т. п. — ярко проявляются на уровне прецедентных феноменов, которые не просто составляют центральную часть индивидуального и коллективного когнитивного пространства, их знание отражает **взаимосвязь людей в рамках одного культурного сообщества** в определённый период [3] (выделено нами. — И.Б.).

Сегодня прослеживается и тенденция к снижению готовности оперировать национальным ономастикомом, замена его на интернациональный. Результаты экспериментов, проведённых нашей аспиранткой, показывают, что для современной русской языковой личности символом *достоинства* и *чести* являются *мать Тереза* и *Мерлин Монро*, *Дон Кихот* и *Жанна Д'Арк* соответственно. Олицетворением *предательства* в сознании молодёжи являются *Иуда* и *Павлик Морозов*, *невежества* — *Pussy Riot* и *Ксения Собчак* (исчезли *Митрофанушка*, *Шариков* и т. д.). Но самое примечательное, на наш взгляд, что прецедентным именем — знаком трагедии в коллективном когнитивном пространстве **носителей русской лингвокультуры**, её молодого поколения, стали *баини-близнецы* в Нью-Йорке,

но не *Норд-Ост*, *Чернобыль* или *Хатынь*. И на этом фоне уже совершенно не удивляет, что *Билл Гейтс* (*Роман Абрамович* оказался с большим отрывом на втором месте) стал воплощением *успеха*, а *Хатико* — *преданности*.

Одним из ярких примеров того, как уничтожается культурная составляющая в структуре русской языковой личности, является направленное конструирование нового смыслового поля понятий *образования* и *воспитания*, где ядерные компоненты *развития* и *саморазвития личности, связанные с овладением социально значимым опытом человечества, воплощённым в знаниях, умениях, творческой деятельности и эмоционально-ценностном отношении к миру*, заменяются понятиями *миссий, компетенций, отчуждаемых продуктов*, с помощью которых эти компетенции проверяются, *бесконтактной нагрузки* и т. п. И неважно, что подвиг Януша Корчака, ставшего в мировой истории символом высоты духа и любви к детям или деятельность Антона Макаренко, посвятившего всю свою жизнь воспитанию подростков и определившего своими работами развитие педагогической мысли в XX веке, не имеет ничего общего с *миссией* — понятием, относящимся к коммерческой организации, включающей в себя её собственников, нацеленных на извлечение прибыли (см.: *Миссия — смысл существования компании с позиции удовлетворения потребностей клиентов, реализации конкурентных преимуществ, мотивации сотрудников фирмы* [6]). Главное, что именно таким образом можно добавить коннотативные компоненты к основному содержанию значения слова *образование*, причём компоненты, подразумевающие именно обслуживание, а значит, и подстройку под потребности тех, кто рассматривает себя как *клиента*. Далее цепочка очевидна: клиент всегда прав, клиент может предъявлять любые требования, но это уже совершенно иная сфера, не имеющая ничего общего с пониманием смысла профессии учителя великими мыслителями, считавшими, что:

«Учитель прикасается к вечности: никто не может сказать, где кончается его влияние» (Г. Адамс),

«Ученики должны искать одобрения учителя, а не учитель — одобрения учеников...» (М. Квинтилиан),

«...лишь чтя наставника, сможешь перенять его правду. И лишь перенимая правду, народ способен почитать науки...» (Конфуций) [8].

Так, путём вытеснения и замещения одних элементов другими, изменяется содержание когнитивной базы русского лингвокультурного сообщества и традиционные для русской культуры модели поведения.

Выводы

В целом, вышеописанные трансформации позволяют утверждать, что на всех уровнях русской языковой личности происходят сдвиги, которые в значительной степени спровоцированы современным состоянием русского языка и направленным изменением смыслового поля понятий, важных для русской культуры.

Библиографический список

Литература

1. *Ажеж К.* Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / Пер. с фр. Б.П. Нарумова. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2006. 304 с.
2. *Бубнова И.А., Красных В.В.* Человек и его образ мира как объект и предмет современных интегративных исследований: традиции и новации // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 4 (16). С.80–89.
3. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.
4. *Мамардашвили М.* Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. М.: Логос, 2004. 272 с.
5. *Smith A.D.* National Identity. London: Penguin, 1991. 226 p.

Справочные и информационные издания

6. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 30.04.2015).
7. Малый академический словарь / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/mas/> (дата обращения: 30.04.2015).
8. Профессия «Учитель». Высказывания мыслителей и педагогов о роли учителя. URL: <http://music-fantasy.ru/materials/professiya-uchitel-vyskazyvaniya-mysliteley-i-pedagogov-o-rol-i-uchitelya> (дата обращения: 02.05.2015).
9. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Под ред. Н. Абрамова. М.: Русские словари, 1999. 433 с.
10. Толковый словарь Ожегова. URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 30.04.2015).
11. Webster Dictionary, 1913. URL: <http://diskart.ru/Honor.html> (дата обращения: 30.04.2015).

References

Literatura

1. *Azhezh K.* Chelovek govoryashhij: Vklad lingvistiki v gumanitarny'e nauki / Per. s fr. B.P. Narumova. 2-e izd., stereotip. M.: Editorial URSS, 2006. 304 s.
2. *Bubnova I.A., Krasny'x V.V.* Chelovek i ego obraz mira kak ob'ekt i predmet sovremenny'x integrativny'x issledovanij: tradicii i novacii // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 4 (16). S. 80–89.
3. *Karaulov Yu.N.* Russkij yazy'k i yazy'kovaya lichnost'. M.: Izd-vo LKI, 2007. 264 s.
4. *Mamardashvili M.* Soznanie i civilizaciya. Teksty' i besedy'. M.: Logos, 2004. 272 s.
5. *Smith A.D.* National Identity. London: Penguin, 1991. 226 p.

Spravochny'e i informatsionny'e izdaniya

6. *Efremova T.F.* Novy'j slovar' russkogo yazy'ka. Tolkovo-slovoobrazovatel'ny'j. M.: Russkij yazy'k, 2000. URL: <http://www.efremova.info/> (data obrashheniya: 30.04.2015).
7. Maly'j akademicheskij slovar' / Pod red. A.P. Evgen'evoj. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Russkij yazy'k, 1981–1984. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/mas/> (data obrashheniya: 30.04.2015).

8. Professiya «Uchitel'» Vy'skazyvaniya my'slitelej i pedagogov o roli uchitelya. URL: <http://music-fantasy.ru/materials/professiya-uchitel-vyskazyvaniya-mysliteley-i-pedagogov-o-rol-i-uchitelya> (data obrashheniya: 02.05.2015).
9. Slovar' russkix sinonimov i sxodny'x po smy'slu vy'razhenij / Pod red. N. Abramova. M.: Russkie slovari, 1999. 433 s.
10. Tolkovy'j slovar' Ozhegova. URL: <http://slovarozhegova.ru/> (data obrashheniya: 30.04.2015).
11. Webster Dictionary, 1913. URL: <http://diskart.ru/Honor.html> (data obrashheniya: 30.04.2015).

Л.Г. Викулова,
Н.В. Новиков

Формирование негативного образа политика в массмедийном дискурсе: предметная сфера *спорт*

В статье рассматривается манипулятивное использование стратегий дискредитации образа российского политика во французском массмедийном дискурсе. Для иллюстрации дискурсивных процессов, затрагивающих предметную сферу *спорт*, представлены примеры из электронных СМИ.

The article deals with the manipulative use of strategies to discredit the image of a Russian politician in the French mass-media discourse. Various examples from the electronic media sources are represented to illustrate the discursive processes affecting the subject area of *sport*.

Ключевые слова: массмедийный дискурс; инаковость; дискредитация; событийное лицо; предметная сфера *спорт*.

Keywords: mass-media discourse; otherness; defamation; newsmaker; subject area of *sport*.

Вербальное моделирование, позволяющее при определённых условиях воздействовать на пользователей СМИ и регулировать их отношение к происходящим событиям, основано на важнейшей функции языка — функции воздействия, или манипулятивной функции. В лингвистике такая ситуация чётко определяется как «игры в слова», или «манипулятивные операции в текстах СМИ» [3]. При этом «словесная обработка» читательской аудитории основывается на идее относительности ценностных ориентиров [3: с. 6]. В частности, в текстах электронных франкоязычных СМИ различной социально-политической направленности всё чаще прослеживается негативная оценочность политических деятелей, событий, так или иначе связанных с предметной сферой *спорт*.

Вместе с тем одним из международных принципов профессиональной этики в журналистике, выработанных в ходе Четвёртой консультативной встречи международных и региональных журналистских организаций в Париже 20 ноября 1983 года, является «объективное освещение событий». Только в случае соблюдения такого принципа «общественность имеет возможность формирования картины реально происходящих событий через доступ к достоверной информации, в которой корни и природа событий, процесс развития и нынешнее состояние фактов отражены максимально объективно» [11].

Однако, затрагивая спортивную проблематику, касающуюся проведения Олимпийских игр в Сочи, зарубежные журналисты избегают объективного

освещения событий, нарушая тем самым принципы журналистской этики и политкорректности, а их статьи несут прагматический потенциал негативной оценки, поскольку содержат информационные выпады против статусных политиков. Такой подход заключается в использовании *стратегии дискредитации* в массмедийном дискурсе. Мишенью дискредитации становятся ведущие политики, при этом активно используется *тактика персонификации критики* с целью снижения политического имиджа как лидера государства, так и страны в целом.

В дискурсе зарубежных СМИ формируется новое языковое поле — «агрессивный дискурс», который определяется как «фрагмент конкретной этноспецифической лингвокультурной реальности, демонстрирующий возможные и реальные фреймы и сценарии поведения, направленного на других лиц с непосредственной *интенцией причинить вред*» (курсив наш. — Л.В., Н.Н.) [8: с. 64.]. Такие явления особенно заметны при радикальных политических трансформациях, когда глобальная геополитическая картина отражает стремление к однополярному миру. Так, повышение политической активности РФ на мировой арене сопровождается ужесточением позиции ряда европейских стран и США в отношении не только экономического сектора России, но и в отношении личности её президента. Наиболее ярко данная стратегия проявляется при политизации предметной сферы *спорт* в СМИ, в рамках которой действует главный спортивный принцип — соревнование, состязание, соперничество и моральная ответственность, символизирующие гуманистическую, воспитательную ценности [5].

Однако в зарубежных СМИ стремятся придать «аксиологическую диффузность» ценностным ориентирам в данной предметной сфере путём «словесной обработки социума», формируя идеологические фантомы за счёт статей, обладающих «обличительным» зарядом. Цель адресанта-журналиста — дискредитировать не только такую спортивную ценность, как *моральная ответственность*, но и прецедентное явление (в частности, Олимпийские игры) или прецедентную личность (президента РФ). Для западных СМИ (для французских СМИ в том числе) В.В. Путин является воплощением образа современной России, — страны, якобы «чуждой» европейским ценностям, символом новой опасности — «русской угрозы» (*фр. Menace Russe*).

Термин «русская угроза» уходит корнями в период политической напряжённости второй половины XX века, получивший в мировой истории наименование «холодная война». Именно тогда в американской политической реальности появилось понятие «красная угроза» (*англ. Red Scare*) [13]. Опираясь на данную историческим источником справку, можно заключить, что этот термин обозначал в дискурсе американских и европейских политологов в широком смысле угрозу наступления мирового коммунизма, в узком — доминирование Советского Союза на мировой политической арене, вытеснение США с лидирующих позиций в мире. После распада СССР термин утратил актуальность и стал «историческим». В настоящее время термин *Red scare* начинает обретать новые коннотации, изменив определение слова *угроза* — «русская угроза» (*Menace Russe*). Фактически можно говорить, что обновляется инструментарий пропагандистского штампа. Проведению подобной политики в значительной мере способствовал переломный момент

в истории геополитических и макроэкономических международных отношений 2014 года. Впервые после распада СССР, по сути обозначившего конец периода холодной войны, а вместе с ним и мирового порядка старого времени, в американском и европейском сознании вновь зазвучала идея «угрозы».

Обращение зарубежных СМИ к термину «русская угроза» является ярким примером стратегии моделирования образа врага и соответственно его дискредитации в современном политическом дискурсе. Дискредитация политических образов и событийных лиц в массовом сознании является одной из доминирующих стратегий дискурса политики.

Дискредитация образа политика чужого государства неразрывно связана с понятием «чуждости». Чужая культура, чужие ценности подаются как непонятные, а потому потенциально враждебные. «Чуждость», «инаковость» в массовом сознании всегда неразрывно связана с потенциальной угрозой: «инаковость может восприниматься как угроза, а *Другой* — представляться врагом. В данном случае речь идёт... о потенциальном противительном отношении к *Другому*»¹. Политический лидер страны в данном случае представляет элиту круга «чужих», собирательный образ потенциального врага.

Дискредитация образа В.В. Путина основана на том, что президент является «лицом событийным», в определении Т.Г. Игнатъевой, поскольку он — «носитель событийной ситуации, её эпицентр, оно всегда “в кадре” события, присутствует в нём эксплицитно или имплицитно» [7: с. 10–11]. При подготовке Игр президент встречался с волонтерами, лично контролировал подготовку олимпийских объектов, давал интервью отечественным и зарубежным журналистам, открывал и закрывал торжественную церемонию Игр и т. д. Тем самым руководитель страны-хозяйки Игр стал, используя современную медийную терминологию, *нюсмейкером* в силу своих должностных обязанностей и личных качеств, а его деятельность предполагает публичность, вызывая устойчивый интерес СМИ.

Для создания негативного образа российского политика и закрепления такого образа в сознании читателя во французских СМИ используются различные приёмы *диффамации личности*: инвектива как номинация, наклеивание ярлыков, метафора. Для реализации данных приёмов авторы статей концентрируют в тексте эмоционально-оценочные и устойчивые сочетания с негативной коннотацией. При этом используются такие речевые тактики, как навешивание ярлыков и ироничные сравнения. Под данными тактиками понимается речевое воздействие с целью формирования у потенциального адресата отрицательного мнения о той или иной политической личности, а также о стране и её политическом курсе, руководстве страны или отдельном политике [10].

Обратимся к статьям франкоязычных электронных СМИ, посвящённых Играм в Сочи, где представлены такие номинации «лица событийного», как *tsar, imperator, maître*:

(1) *Au matin de la cérémonie d'ouverture des JO de Sotchi, les éditorialistes n'évoquent pas ou peu le sport, vendredi 7 février, ils voient dans la 'démésure'*

¹ Несколько разновидностей восприятия инаковости выделяет Ж.-Ф. Рей, цит. по: [4: с. 36].

de ces Jeux d'hiver des 'caprices de tsar', les 'Jeux Poutine' imaginés par 'Poutine imperator' (Наупро после церемонии открытия Олимпийских игр в Сочи, 7 февраля в пятницу, издатели мало или вообще не упоминают о спорте, они рассматривают «отсутствие чувства меры» в этих зимних Играх как проявление «царских капризов», сами Игры как «Путинские игрища», задуманные «императором Путиным»)² [1].

(2) *Rarement jeux Olympiques auront été à ce point personifiés et démesurés. Vladimir Poutine, le tsar du Kremlin, a oeuvré tout seul au destin de Sotchi. Sans se soucier des coûts faramineux ou des droits de l'homme bafoués (Редко когда Олимпийские игры были до такой степени персонифицированы и обесценены. Владимир Путин, кремлёвский царь, лично позаботился об организации Сочинских игр, не беспокоясь ни о головокружительной стоимости, ни о поруганных человеческих правах) [1].*

Событийное лицо названо именем собственным *Poutine*. При этом семантическая широта номинаций со значением социального положения персонажа направлена на создание у читательской аудитории негативного комплекса представлений о российском руководителе. Происходит намеренное искажение журналистом статуса российского президента. Налицо стремление изменить идентичность главы государства путём приписывания ему негативно-оценочного статуса обладателя верховной самодержавной власти — *кремлёвский царь (le tsar du Kremlin), император Путин (Poutine imperator)*, что явно нарушает хронологическую приуроченность этих монархических титулов к президентскому правлению. Употребление терминов устаревшей официальной титулатуры России — *tsar, imperator* — используется в отрыве от культурно-исторического и политического контекста, отражая попытку малоуместной иронии. В приведённых примерах обозначенные номинации приобретают негативную окрашенность и становятся отрицательно оценочными за счёт их аллюзивного потенциала указывать на тоталитарную власть.

Согласимся с мнением А.Д. Васильева в том, что интерпретация семантики слов, например актуального для той или иной эпохи политического лексикона, может быть отягощена коннотациями, возникающими в зависимости от различных экстралингвистических факторов — социального статуса, культурно-образовательного уровня и иных характеристик адресата [3: с. 23]. Журналист создаёт у массовой аудитории образ диктатора, врага ценностей европейского либерализма. В частности, лексема *царь* потенциально может вызвать у граждан французского государства, построенного на идеях лозунга «Свобода, равенство и братство», негативные представления о президенте России.

Применяя такие мифологемы тоталитаризма, как единоличное руководство при подготовке Игр (*oeuvré tout seul*), безмерные траты (*Sans se soucier des coûts faramineux*) и попрание прав человека (*des droits de l'homme bafoués*), журналисты в одну корзину помещают то, что с позиции «цивилизованных государств» несовместимо с идеями олимпийского движения. При этом обличительный тон

² Здесь и далее перевод наш. — Л.В., Н.Н.

статей направлен на формирование негативного европейского «общественного мнения», переориентацию аксиологических установок французского социума путём вербально выраженных стереотипов тоталитаризма, несовместимых со «свободным миром» и предметной сферой *спорт*.

Подобная игра в слова несёт ироничный подтекст. Сами Олимпийские игры представляются журналистами как личное торжество президента путём использования притяжательного детерминатива (посессива) *ses*:

(3) *Poutine va ouvrir 'ses' Jeux (Путин открывает «свои» Игры)* [2].

Ироничность заключается в том, что происходит переосмысление посессива. Обозначая отношение принадлежности к личной сфере субъекта, посессив может выражать заинтересованность говорящего в данном объекте, что позволяет передавать различные положительные или отрицательные экспрессивные оттенки [6: с. 202]. Наличие отрицательной окраски у слова *Jeux* (Игры) создаётся за счёт посессива (пример 3) или за счёт определения *de Poutine* в примере 1.

Журналист конструирует образ политика, провоцируя читательскую аудиторию демократической европейской общественности на негативную эмоциональную реакцию в отношении действий российского президента, обозначенных метафорическим словосочетанием *Jeux de Poutine* («Игры Путина»):

(4) *Poutine, le maître des Jeux* [2].

С одной стороны, имеется в виду значимость Игр для удовлетворения «имперских» амбиций президента, с другой — новый ход, с точки зрения журналиста, в политической игре по укреплению позиций РФ на мировой арене. Ярлык «хозяин Игр» — *le maître des Jeux* — дискредитирует в глазах французского адресата российского президента.

Таким образом, во французском массмедийном дискурсе формируются два образа Олимпийских игр: Игры, проходящие в обычном режиме, по европейскому образцу, т. е., по мнению адресанта, неполитизированные, и, «редкий случай», — политизированные Олимпийские игры, «персонифицированные» и «неумеренные», игры «царя».

Само спортивное событие намеренно отодвигается адресантом на второй план. Подменяя понятия, журналист стремится продемонстрировать, что полномочия президента якобы идут вразрез с демократической формой правления. Олимпийские игры – 2014 превратились для французских спортивных журналистов в арену манипулирования политическим сознанием французских граждан. Олимпийские игры тенденциозно увязываются с событиями на Украине (*des événements en Ukraine*) и определяются как «апофеоз царствования» (*l'apothéose de son règne*) российского президента:

(5) *Poutine est doublement ulcéré par la collision des événements en Ukraine avec les JO de Sotchi, préparés comme l'apothéose de son règne (Путин вдовое уязвлен столкновением событий на Украине с Олимпийскими играми в Сочи, организованными как апофеоз его царствования)* [3].

Определение президентского руководства страной неуместной лексемой *règne* (царствование), обозначающей абсолютную единоличную власть (*pouvoir absolu d'une personne*) [13: р. 1132], заведомо рассчитано на отсутствие «идентичности

языкового опыта» зарубежного читателя, а также «семиотической памяти культуры» [3: с. 23]. Журналист, используя «вербальные ярлыки» [3: с. 19], фактически намекает, что руководитель страны попирает не только спортивные, но и демократические ценности, преобразовав политический режим страны из демократического в авторитарный. Цель статьи — вызвать у западного читателя отторжение, неприятие не только российского лидера, но и российского спортивного события, России в целом.

Интерпретация коннотаций глубинных смыслов позволяет говорить о том, что во французских СМИ для создания метафорического образа российского президента важными факторами являются приписывание стране и её руководителю в качестве идеологической доминанты неразвитости демократической системы, ограничения гражданских прав. Концепты РОССИЯ, ПОЛИТИКА РОССИИ и ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ обозначаются лексемами, которые журналист намеренно соотносит с идеей монархии, игрой личных интересов руководства страны. В этих моделях актуализируются технология дискредитации российского руководства.

Навешивание ярлыков, обладающих суггестивным потенциалом, используется в политическом дискурсе французских СМИ для интерпретации через призму концептосферы *спорт* тех или иных политических событий, касающихся России, и формирования негативного общественного мнения. Ярлык создаёт яркий образ у читателя, апеллируя к глубинным уровням подсознания, что облегчает манипулирование сознанием адресанта и способствует реализации стратегии дискредитации. *Манипулятивная стратегия* реализуется в основном с помощью приёмов подсознательного стимулирования, маскировочных техник, выстраивания новой модели мира. В результате обозначенные информационные выпады как манипулятивный акт коммуникации, становясь «импульсами и стимуляторами» [3: с. 26], побуждают читателей к негативной оценке представленных событий.

Подводя итог, отметим, что ценностная составляющая образа политика в лице российского президента в политизированном медиадискурсе в рамках предметной сферы *спорт* представлена признаками «антидемократия», «ограничение гражданских прав», «опасность», выраженными, по сути, ключевой лексической единицей «царь», соединяющей в своём значении все эти признаки в сознании французских читателей.

Библиографический список

Источники

1. Le Nouvel Observateur. URL: <http://tempsreel.nouvelobs.com> (режим доступа свободный).
2. Le Parisien. URL: <http://www.leparisien.fr>. (режим доступа свободный).

Литература

3. Васильев А.Д. Игры в слова: манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб.: Златоуст, 2013. 660 с.

4. *Викуллова Л.Г., Кулагина О.А.* Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции «свои» – «чужие» во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака «Чёрная тетрадь») // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2013. № 2 (12). С. 33–42.
5. *Волошин С.* Спасём гуманистические ценности спорта!: (Спорт и воспитание) [Let's Save Humanistic Sports Values: sports and education] / Пер. В.И. Столярова // Спорт, духовные ценности, культура. М., 1997. Вып. 3. С. 14–19. URL: <http://lib.sportedu.ru/GetText.idc?TtxtID=792>.
6. *Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.
7. *Игнатъева Т.Г.* Номинация персонажей в старофранцузском художественном тексте: монография. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2013. 184 с.
8. *Радченко О.А.* Исследование агрессивного дискурса: проблемы и перспективы // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 1 (3). С. 60–66.
9. *Хабекирова З.С.* Стратегия дискредитации и приёмы её реализации в политическом дискурсе демократической оппозиции. URL: www.vestnik.adygnet.ru/files/2011.3/1358/khabekirova2011_3.pdf (режим доступа свободный).
10. *Хазиева Р.Р.* Дискурсивные стратегии и тактики, реализующие интенцию речевой агрессии в политическом дискурсе СМИ. URL: www.work.vegu.ru/vegu/vestnik/DocLib/192-198_Хазиева.pdf (режим доступа свободный).

Справочные и информационные издания

11. Медиаспрут. URL: <http://www.mediasprut.ru/info/pravo/moral.shtml#prinzip> (режим доступа свободный).
12. History by Topic. URL: <http://www.history.com/topics> (режим доступа свободный).
13. Le Robert Micro. Paris.: L.E.G.O S.p.A, 2010. 1493 p.

References

Istochniki

1. Le Nouvel Observateur. URL: <http://tempsreel.nouvelobs.com> (режим доступа свободный').
2. Le Parisien. URL: <http://www.leparisien.fr> (режим доступа свободный').

Literatura

3. *Vasil'ev A.D.* Igr'y v slova: manipulyativny'e operacii v tekstax SMI. SPb.: Zlatoust, 2013. 660 s.
4. *Vikulova L.G., Kulagina O.A.* Nacional'naya identichnost' v kontekste inakovosti: yazy'kovaya reprezentaciya oppozicii «svoi» – «chuzhie» vo francuzskoj literature XX veka (na materiale sbornika e'sse F. Moriaka «Chyornaya tetrad'») // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2013. № 2(12). S. 33–42.
5. *Voloshin S.* Spasyom gumanisticheskie cennosti sporta!: (Sport i vospitanie) [Let's Save Humanistic Sports Values: sports and education] / Per. V.I. Stolyarova // Sport, duxovny'e cennosti, kul'tura. M., 1997. Vy'p. 3. S. 14–19. URL: <http://lib.sportedu.ru/GetText.idc?TtxtID=792>.
6. *Gak V.G.* Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazy'ka. M.: Dobrosvet, 2000. 832 s.

7. *Ignat'eva T.G.* Nominaciya personazhej v starofrancuzskom xudozhestvennom tekste: monografiya. Krasnoyarsk: KGPU im. V.P. Astaf'eva, 2013. 184 s.

8. *Radchenko O.A.* Issledovanie agressivnogo diskursa: problemy' i perspektivy' // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2009. № 1 (3). S. 60–66.

9. *Xabekirova Z.S.* Strategiya diskreditacii i principy' eyo realizacii v politicheskom diskurse demokraticeskoy oppozicii. URL: www.vestnik.adygnet.ru/files/2011.3/1358/khabekirova2011_3.pdf (rezhim dostupa svobodny'j).

10. *Xazieva R.R.* Diskursivny'e strategii i taktiki, realizuyushhie intenciyu rechevoj agressii v politicheskom diskurse SMI. URL: www.work.vegu.ru/vegu/vestnik/DocLib/192-198_Hazieva.pdf (rezhim dostupa svobodny'j).

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

11. Mediasprut. URL: <http://www.mediasprut.ru/info/pravo/moral.shtml#prinzip> (rezhim dostupa svobodny'j).

12. History by Topic. URL: <http://www.history.com/topics> (rezhim dostupa svobodny'j).

13. Le Robert Micro. Paris.: L.E.G.O S.p.A, 2010. 1493 p.

**О.Г. Чупрына,
И.А. Жуков**

Мотивы номинации астрономических терминов с колоронимом в современном английском языке

Статья посвящена проблеме мотивированности астрономических терминов с колоронимом в современном английском языке. Внимание уделено той роли, которую объективируемая в колорониме цветовая составляющая играет в образовании нового термина.

The article deals with the problem of motivation of astronomical terms comprising a colour term. The attention is paid to the role which the colour categorized in a colour term plays in the production of an astronomical term.

Ключевые слова: термин; мотивированность; мотив номинации; колороним; астрономический термин.

Keywords: term; motivation; motive of naming; colour term; astronomical term.

Колоронимы привлекают внимание специалистов различных областей — лингвистов, культурологов, литературоведов и проч. Цветообозначения издавна используются в качестве средства ментальной и языковой репрезентации сложных понятий [6: с. 40]. Наиболее изученными можно считать базовые термины цвета. Справедливо подчёркивается, что они обладают разветвлённой семантической структурой, в которой содержится многослойная информация — от этимологической до ссылок на возможные фреймы [5: с. 48]. Астрономические термины английского языка, содержащие в своём составе колороним, на сегодняшний день являются малоисследованной областью. Данная статья имеет своей целью представить результаты анализа отдельных астрономических терминов и, таким образом, в определённой степени восполнить существующий пробел. Анализ терминов сосредоточен на определении мотивов терминологической номинации и установлении степени мотивированности рассматриваемых единиц.

Под мотивированностью термина в современной лингвистике принято понимать его семантическую прозрачность, свойство его формы давать представление о называемом термином понятии [2: с. 173]. Помимо этого полагают, что мотивированность слов как языковое явление есть акт отражения одного или нескольких признаков предмета в его названии средствами языка [3: с. 33–34]. Считается, что в наименовании, как правило, требуется выбрать лишь один определённый признак [8: с. 19]. Часто выбор мотивирующей основы для нового понятия диктуется специфически национальными внутренними и внешними языковыми факторами, которые выступают во взаимной обусловленности [1: с. 21]. В литературе

принято выделять морфологическую, словообразовательную, семантическую мотивированность терминов. Также выделяют лексико-синтаксическую мотивированность [7: с. 153]. В данной статье под мотивом номинации понимается отношение между содержанием и выражением, «объясняющее использование знака в качестве наименования некоторой сущности» [10: с. 63].

Анализируемые астрономические термины можно сгруппировать следующим образом:

1) термины, заимствованные из других терминологий: *black widow pulsar*, *black widow nebula*;

2) термины, в основу номинации которых положен признак «излучение». Сюда включены термины: *yellow subgiant*, *orange dwarf*, *black dwarf*, *blue dwarf*, *blue giant*, *blue supergiant*, *red dwarf*, *red giant*, *red supergiant*, *white giant*, *white supergiant*, *white dwarf*, *yellow giant*, *yellow supergiant*, *yellow dwarf*, *yellow hypergiant*, *brown dwarf*, *orange giant*, *sub-brown dwarf*.

Относительно первой группы терминов следует обратить внимание на следующие экстралингвистические факторы, повлиявшие на выбор имени. В природе существует род паука, имеющий название *black widow*. Именование этого рода происходит на основе двух признаков: цвета и характерного действия. Что касается цвета, то окраска этих пауков может быть различной, их отличительной особенностью являются блестящие чёрные (*black*) конечности. Другая характерная особенность состоит в действии насекомого — пожирании самкой самца после спаривания. Справедливо предположить, что исходно оба признака — цвет и действие — составили основу номинации этого насекомого. Слово сочетание *black widow* подверглось частичному переосмыслению, в результате которого появилась фразеологическая единица (далее — ФЕ) со значением «а *black widow spider*» («паук Чёрная вдова»), вошедшая в энтомологическую терминологию. ФЕ *black widow* мотивирована, поскольку не произошло «полного разрыва между значением ФЕ и буквальным значением её компонентов, которое в своё время явилось основой для переосмысления. Этот разрыв не зависит от субъективного восприятия, а обусловлен внеязыковыми факторами, т. е. объективной действительностью, находящей своё отражение в мышлении, которое реализуется в языке» [4: с. 16].

Заимствованию терминологической единицы в астрономическую терминологию предшествует её вторичное переосмысление. В результате происходит такой смысловой сдвиг, благодаря которому колоронимический компонент ФЕ утрачивает своё собственное значение, а у компонента *widow* пропадают половой и матримониальный признаки. У всей ФЕ исчезает прежняя предметная соотнесённость, и, как следствие, она лишается мотивированности. Вместе с тем ФЕ приобретает семантический признак «уничтожение чего-то близко находящегося». Этот признак определяет основу номинации видового астрономического термина *black widow pulsar*, поскольку отличительным свойством пульсара является уничтожение звезды, которая движется вместе с ним по орбите, подобно тому как самка паука уничтожает самца после спаривания.

Другой термин в первой группе *black widow nebula* частично мотивирован. В названии этого вида туманности сохраняется связь между формой небесного тела и фразеологическим значением *black widow*, поскольку внешне туманность похожа на паука Чёрная вдова. Однако в самой туманности преобладают розовый и белый цвета, колороним *black* утрачивает своё значение и семантическую самостоятельность.

Характер мотивов номинации у рассмотренных терминов разный. Общим является то обстоятельство, что колороним лишён своего собственного значения.

В основе колоронимической номинации терминов второй группы лежит признак «излучение». В этой группе термины представляют собой словосочетания с ведущими компонентами *giant* и *dwarf*, которые являются гипонимами по отношению к гиперониму *star*. С лингвистической точки зрения, терминологические словосочетания с колоронимическим компонентом в этой группе выступают в качестве гипонимов по отношению к *giant* и *dwarf*, поскольку отражают видовую характеристику звёзд-гигантов и звёзд-карликов, связанную с их светимостью. Как звёзды-гиганты, так и звёзды-карлики обнаруживаются по линиям поглощения в электромагнитном спектре.

Использование колоронимов в составе астрономических терминов имеет следующую особенность. Утверждается, что цвет — субъективная качественная характеристика видимого диапазона электромагнитного излучения, которая определяется на основе зрительных ощущений. В астрономии цвет звезды определяется по спектру излучаемой электромагнитной энергии. Исследуя звёзды, астрономы используют фильтры, которые сужают поступающее излучение до определённой длины волны, и таким образом получают сведения о спектре излучения (в голубом, жёлто-зелёном и других диапазонах). Интенсивность излучения меняется вместе с длиной волны, и наблюдения свидетельствуют, что, например, горячая звезда излучает больше энергии в голубом спектре (*blue dwarf / giant / supergiant*), тогда как пики излучения холодной звезды находятся в красном спектре (*red dwarf / giant / supergiant*) [9]. Хотя цвет небесных тел, обозначенных составными терминами, не является результатом физиологического ощущения, можно объективно установить диапазон их излучения, который соотносится с определённым отрезком электромагнитного спектра. Исходя из этого, логично утверждать, что использование колоронимов *blue, yellow, orange* и *red* частично мотивировано, поскольку в терминологических словосочетаниях сохраняется связь между объективным свойством объекта и его отражением в соответствующей языковой форме.

Остывшие и переставшие испускать излучение звёзды получили название *black dwarf*. Любопытно заметить, что это название небесных тел, существование которых только предполагается, поскольку их представляют как конечную стадию дегенерации звёзд под названием *white dwarf*. *White dwarf*, в свою очередь, — это звезда с чрезвычайно слабым электромагнитным излучением. Можно предположить, что колоронимы *white* и *black* в составе

рассматриваемых терминов лишены значения субъективного зрительного ощущения, т. е. использованы не для обозначения цвета объектов, а для характеристики такого их свойства, как слабое или отсутствующее электромагнитное излучение. Таким образом, в составе данных терминов белый и чёрный не являются цветами в чистом их понимании. Когда были открыты небесные тела, представляющие собой нечто среднее между планетой и звездой и отличающиеся очень слабым свечением, обнаруживаемым только в инфракрасном диапазоне, для них был создан термин *brown dwarf*. Известно, что коричневый — это неспектральный, т. е. не имеющий своего отдельного положения в спектре электромагнитного излучения, цвет. Следовательно, использование колоронима *brown* произвольно или немотивированно, поскольку данная лексема не отражает связи между свойством объекта (инфракрасное излучение) и значением рассматриваемой лексемы.

Необходимо отметить, что в астрономии разработан цветовой индекс (*color index*), в соответствии с которым определяется величина излучения в пределах спектра от *blue* до *visual* и осуществляется классификация небесных тел [9]. Таким образом, использование колоронима во второй группе терминов как бы подгоняется под объект в соответствии с существующей классификацией и с целью облегчения запоминания терминов и их использования.

Библиографический список

Литература

1. Володина М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. 112 с.
2. Гринёв С.В. Введение в терминоведение. М.: Московский Лицей, 1993. 309 с.
3. Кияк Т.Р. Лингвистические аспекты терминоведения: учеб. пособие. Киев: УМК ВО, 1989. 104 с.
4. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. М.: Международные отношения, 1972. 288 с.
5. Мичугина С.В. Существительные-конверсивы от терминов цвета в современном английском языке // Вестник МГПУ. Сер.: «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2008. № 1 (18). С. 48–52.
6. Чупрына О.Г. Эволюция языковой репрезентации понятия «судьба» в английском языке // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 2 (10). С. 36–43.
7. Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2003. 280 с.
8. Шкатова Л.А. Ономаσιологические проблемы русской терминологии: учеб. пособие по спецкурсу. Челябинск, 1982. 87 с.
9. Australia Telescope National Facility. URL: http://www.atnf.csiro.au/outreach/education/senior/astrophysics/photometry_colour.html (режим доступа свободный).

Справочные и информационные издания

10. Васильева Н.В., Виноградов В.А. и др. Краткий словарь лингвистических терминов. М.: Русский язык, 2003. 212 с.

References

Literatura

1. *Volodina M.N.* Nacional'noe i internacional'noe v processe terminologicheskoi nominacii. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1993. 112 s.
2. *Grinyov S.V.* Vvedenie v terminovedenie. M.: Moskovskij Licej, 1993. 309 s.
3. *Kiyak T.R.* Lingvisticheskie aspekty' terminovedeniya: ucheb. posobie. Kiev: UMK VO, 1989. 104 s.
4. *Kunin A.V.* Frazeologiya sovremennogo anglijskogo yazy'ka. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1972. 288 s.
5. *Michugina S.V.* Sushhestvitel'ny'e-konversivy' ot terminov czveta v sovremennom anglijskom yazy'ke // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2008. № 1 (18). S. 48–52.
6. *Chupry'na O.G.* E'voluciya yazy'kovoij reprezentacii ponyatiya «sud'ba» v anglijskom yazy'ke // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2012. № 2 (10). S. 36–43.
7. *Shelov S.D.* Termin. Terminologichnost'. Terminologicheskie opredeleniya. SPb.: Filologicheskij fak-t SPbGU, 2003. 280 s.
8. *Shkatova L.A.* Onomasiologicheskie problemy' russkoj terminologii: ucheb. posobie po speczkursu. Chelyabinsk, 1982. 87 s.
9. Australia Telescope National Facility. URL: http://www.atnf.csiro.au/outreach/education/senior/astrophysics/photometry_colour.html (rezhim dostupa svobodny'j).

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

10. *Vasil'eva N.V., Vinogradov V.A.* i dr. Kratkij slovar' lingvisticheskix terminov. M.: Russkij yazy'k, 2003. 212 s.

В.В. Шаповал

Причины ошибок в русских словарях

В статье рассмотрены причины возникновения ошибок в русских словарях. Автор выявляет такие их виды, как *лексикографическая инерция*: устаревшее слово остаётся в словаре; *цензура и политкорректность* заставляют исключать некоторые известные грубые выражения; *недостаток профессиональной компетенции*; *экзотизация*, когда общеизвестное, но искажённое слово воспринимается как заимствование; *народная этимология*, когда новые отношения производности приводят к выделению в неизвестном слове ложного корня и проч.

The article considers reasons of error emergence in dictionaries. The author identifies the following types of mistakes: *lexicographic inertia* when an obsolete term remains in a dictionary; *ensorship and political correctness* which make a lexicographer eliminate some well-known rude expressions; *lack of professional competence*; *exotisation* when a commonly known but corrupted word is wrongly recognized as a borrowing; *popular etymology* when new derivative links make a lexicographer define a false stem in an unknown word, etc.

Ключевые слова: ошибки в русских словарях; критика источников.

Keywords: errors in Russian dictionaries; source criticism.

Никто, как правило, не стремится вносить в словарь ошибочные описания. Редкий случай целенаправленной фальсификации по злому умыслу или равнодушию оставим за скобками. Выделим как социальные, так и лингвистические причины, по которым в словарях возникают и сохраняются неполные и неточные описания некоторых слов. Ошибки эти нередко вызываются комплексом причин, но полезно выделить наиболее важные. Примеры частично взяты из словарей, составленных не лингвистами, а литераторами [4–5], криминологами [2]. Некритическое заимствование материала из этих и подобных словарей в академические издания вынуждает обращаться к непрофессиональным словарям в поисках истоков ошибок.

1. *Лексикографическая инерция*. Полемически заостряя проблему критериев истины в языкознании, В. Маньчак показывает лингвистическую специфику проверки гипотезы на истинность при опоре на мнение авторитетов [14: с. 75–76], с чем связано и запоздалое отражение словарями изменений в лексике. Эффект лексикографической инерции можно наблюдать и в словарях жаргона, хотя в них правильность описания менее известного слова приходится проверять иными, часто более сложными, способами, чем в литературном языке. Например, наименование *железный нос* ‘политический заключённый’, повторявшееся в жаргонных словарях XX века и дошедшее до наших дней с толкованием ‘лицо, осуждённое за преступление против порядка управления’ [2: с. 63], восходит к неправильно понятым свидетельствам Ф.М. Достоевского, которого каторжное простонародье без всякого сочувствия именовало «железным носом», как и любого другого

бывшего дворянина, вне зависимости от статьи в приговоре [10: с. 107–108]. Тюркизм в речи конных барышников «**Капчук** — сторублевый кредитный билет» [3: с. 65] отражается до сих пор, хотя конной торговли в прежнем виде не существует уже много десятилетий. При этом в 2001 году слово повторяется уже с половиной неправильно опознанных букв, что делает использование словарной статьи совершенно невероятным: «**КАЙГУН** (устар.) — сто рублей» [2: с. 60].

Однако и в словарях литературного языка встречаются анахронизмы, иногда оправдываемые борьбой за культуру речи, например: десятилетиями навязываемое слову *абитуриент* устаревшее значение ‘выпускник школы’, а не актуальное — ‘поступающий в вуз’, многократно обсуждавшееся ударение *йогурт*, не связанное с историей этого заимствования. Принципиальным для корректной работы со слабо документированным словом является точное цитирование источника и запрет на неоговариваемые исправления. Инерция проявляется и в правке записи диалектного слова по нормам литературного языка. Так, калужское *занемогнуть* ‘заболеть’ было ошибочно прочитано как *заницогнуть*, а затем орфографически «исправлено» в *заницёгнуть*, что затруднило настоящее исправление ошибки [9: с. 177]. Инерция обуславливает отсутствие непредвзятого взгляда на печатное свидетельство, авторитет которого абсолютизируется ещё до проведения критической оценки и тем самым увеличивает опасность принятия ошибки.

2. *Цензура, или политкорректность, в обработке источника.* Неопределённость границ и причин запрета на то или иное слово приводят к тому, что на полноте словаря могут сказываться табу разного рода. Границы эти расплывчаты и варьируются от абсолютного запрета в письменной речи (нарушаемого порой в пространстве публичной коммуникации) до стилистических и эстетических ограничений. Отдельные слова, как бранные, так и просто неприличные, не пропускались в словари. Нарушение этого запрета обусловило популярность словаря А. Флегона, порой заполнявшего белые пятна официальных словарей не очень качественно, а иногда и добавляя иллюзорной табуированности: фантомное слово *польтисрак* «штатский» (уст<арелое>) [5: с. 258] следует читать как **польтафан*, семантика «штатский» возникает на основе метафоры из «одетый в пальто».

В случае полного запрета в словаре нет следов слова вообще, а в случае частичных ограничений словарь отражает скорее данные письменной речи. Этот дисбаланс создаёт трудности при лексикографировании и изучении табуированных слов и формул, например: [11: с. 510–513] и др. Игнорировать этот пласт в научном описании лексики нельзя, потому что «грамматика» типизированных нарушений табу является необходимым компонентом коммуникативного кода социума, составной частью «*когнитивно-дискурсивной парадигмы*» [12: с. 110].

3. *Качества профессиональной компетенции.* В.В. Виноградов в связи с осмыслением проблем исторической лексикографии сформулировал требования к профессиональной компетенции составителя словаря: «Составление древнерусского словаря требует основательной историко-литературной подготовки, глубокого знакомства с исторической лексикологией и семасиологией и широкого этимологического кругозора» [7: с. 22]. Все эти требования, *mutatis mutandis*, применимы и ко всякой иной области лексикографии.

Поучительны в этом отношении наблюдения над продукцией зарубежных коллег. Так, у уже упомянутого А. Флегона читаем: «КАКА-НИКАКА — как-никак: Кака-никака, а своя изба, *Ф. Панферов*» [5: с. 136]. Диалектная форма местоимения именительного падежа единственного числа женского рода со стяжением в окончании **какая-никакая* трактуется как наречие.

Иногда можно подозревать ошибку, вызванную догадкой. Причиной ошибки при описании редкого или малоизвестного слова может быть и неоправданная аналогия, но в следующем случае словарь-иностранец, который не знал, как поставить ударение, выставил его по интуиции и промахнулся: *бабóнька* «женщина, девушка (обычно крестьянка)» [5: с. 26]. Разумеется, это *ба́бонька*. Догадка лексикографа неверна, поскольку в русском языке слов с ударением на суффиксе *-оньк* нет, а с *-еньк* очень мало: *деревенька, сиренька, ступенька*. Но в принципе догадки допустимы и необходимы, поскольку любая гипотеза — это догадка. Проблема возникает на уровне систематической проверки рабочих гипотез. Д.С. Лихачёв писал: «Умение сопоставлять, объединять явления, объяснять один ряд явлений другим, принадлежащим другой области изучения человека и человеческого общества, становится всё более и более необходимым» [8: с. 36]. В этом лексикографу должен помочь и систематизированный опыт исправления ошибок. В частности, на его основе возможным оказывается применение лингвистического эксперимента, как и в других сферах науки о языке, например, в синтаксисе [13]. Чрезвычайно эффективен экспериментальный подход в области исправления словарных записей. Он был обоснован и практически применён В.И. Далем, который старался подобрать осмысленное чтение, перебирая все возможные варианты чтения для записи, восстанавливаемой на основе печатного свидетельства, см.: [9: с. 163].

4. *Интерпретационные установки лексикографа*. Среди интерпретационных установок (не только лексикографических) мы выделяем две противоположные. По одной из них при встрече с незнакомым словом сознание воспринимающего стремится «упростить» ситуацию и увидеть на месте незнакомого что-либо привычное. По другой — наоборот, выбирается «усложнённое» объяснение. Процессы первого типа хорошо известны в лингвистике, например, под названием «народная этимология», для процессов второго типа термин «экзотизация» позаимствован из теории перевода.

Экзотизация как интерпретационная установка может выходить из-под контроля в том случае, когда лексикограф описывает культуру «другого». Порой ошибка вызвана завышенным ожиданием экзотичности, поэтому некритично принимается необычное написание. В олонецком плаче невесты: «Пропиваеть онь <отец невесты> мою вольну-ту волюшку | Что на винную ту чáрому*), | На хмѣльные на напитокки...»; «*) Чáрома – чарка, рюмка» [1: с. 33]. Скорее всего, экзотическое *чарома* усмотрено в тривиальном для контекста свадебной песни слове *чарочка*. Группа *чк* прочитана как *м* О.Х. Агреновой-Славянской.

Экзотизация, думается, проявилась и при цитировании толкования жаргонного слова неясного происхождения: «**Подлачить** – подметить» [3: с. 121]. В позднем издании толкование приводится с опечаткой, по-видимому, неслучайно усиливающей «криминальный» компонент семантики: «**ПОДЛАЧИТЬ** – подменить» [2: с. 126].

Тенденция к усилению экзотичности глубоко закономерна. Она касается не только диалектной лексики в восприятии носителя «городской», статусно доминирующей культуры или жаргонной лексики в восприятии противника жаргона, но и прямо связана с интерпретацией культуры «другого». Противоположностью экзотизации является натурализация, механизмы усвоения, освоения и адаптации, включая народную этимологию.

5. *Народная этимология и сходные интерпретационные установки лексикографа.* Исследование народноэтимологических трансформаций столь же важно, как и научная этимология, поскольку это составная часть реальной истории диалектного слова. Например, изучаются «мотивирующие контексты, данные носителями народной топонимики» [6: с. 91]. Так, народная этимология при освоении гречизмов в традиции славянской книжности отмечалась В.В. Виноградовым на примере славянских слов, созвучных с греческими эквивалентами: *полоумный* (*παλαβόμενος* ‘сумасшедший, дурашливый’), *проныра* (*πονηρός* ‘злой, лукавый’) [7: с. 18, 20].

Выбор стандартного написания предполагает выяснение морфемного состава слова, однако в этой сфере практические решения порой далеки от науки. Ограничимся одним примером. От итальянского названия сумки *borsa* и уменьшительного *borsetta* произведено русск. *борсетка* (103 тыс. в Яндексe), однако более популярно написание *барсетка* (1 млн), подкрепляемое как будто мифической связью с *барсом*. Именно такое написание, отражающее произношение, выбрано в «народном» любительском словаре писателя Б.П. Прибытова: «**БАРСЕТКА** [от *лат.* *bursa* — кошелёк] — небольшая мужская сумка» [4: с. 7], отсылка к «дальнему» латинскому источнику корректна, но не объясняет, почему не **бурсетка*.

Примечательно, что автором народной этимологии может выступать и лексикограф. В жаргонном словаре читаем: «**ПОКИДАТЬ** – подслушать» [2: с. 128], за которым стоит глагол из старого сленга русских хиппи *похидать* ‘слушать’, образованный от формы прошедшего времени английского глагола *heard* ‘слышал’.

Как видно из анализа причин ошибок, среди них нет каких-либо «чисто» лингвистических: ни одна ошибка не появляется в словаре без участия человека. Таким образом, «человеческий фактор» оказывается решающим, и задача подготовки современного лексикографа выдвигается на первый план. Источниковедческая подготовка в обучении словарному делу должна включать формирование таких установок, как критическое отношение к любым (первичным или вторичным) источникам словаря, понимание культурной значимости лексикографической работы и исторической ответственности учёного за результаты своей деятельности.

Библиографический список**Источники**

1. *Агренева-Славянская О.Х.* Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными. Ч. II. Тверь: Типо-Литография Ф.С. Муравьева, 1887. 124 с.
2. *Дубягина О.П., Смирнов Г.Ф.* Современный русский жаргон уголовного мира: словарь-справочник. М.: Юриспруденция, 2001. 352 с.
3. *Потапов С.М.* Словарь жаргона преступников (блатная музыка) / Сост. по новейшим данным С.М. Потапов. М.: [без изд-ва], 1927. 196 с.
4. *Прибытов Б.П.* Язык нашего времени: [неформал. толковник рус. яз.: словарь]. Челябинск: [без изд-ва], 2008. 100 с.
5. *Флегон А.* За пределами русских словарей = Beyond the Russian Dictionary. 3-е изд. London: Flegon Press, [1973]. 408 с.

Литература

6. *Березович Е.Л.* О современных задачах семантико-мотивационной реконструкции народной топонимии // Вопросы языкознания. 2014. № 2. С. 89–109.
7. *Виноградов В.В.* Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // Вопросы языкознания. 1968. № 1. С. 3–22.
8. *Лихачёв Д.С.,* при участии А.А. Алексеева и А.Г. Боброва. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). СПб.: Алетейя, 2001. 759 с.
9. *Шаповал В.В.* В.И. Даль и критика словарей: заглавное слово со знаком вопроса // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1 (17). С. 158–181.
10. *Шаповал В.В.* Железюкной и железные носы // Русская речь. 2010. № 1. С. 107–112.
11. *Шаповал В.В.* Проблемы выявления полонизмов в русском жаргоне // Słowo. Tekst. Czas. T. IX. Człowiek w przestrzeni słownika i tekstu. Szczecin: Print group Sp. z o. o., 2008. S. 507–514.
12. *Шевченко И.С.* Концепты коммуникативного поведения в когнитивно-дискурсивной парадигме // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 1 (13). С. 110–120.
13. *Ярыгина Е.С.* Ещё раз о «коммуникативном подходе» к сложному предложению (к вопросу о возможностях лингвистического эксперимента) // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 52–62.
14. *Mańczak W.* O kryteriach prawdy w językoznawstwie // Prawda – prawdy – mity – fałsze w językoznawstwie / Red. naukowa Witold Mańczak i Jan Wawrzyńczyk. Warszawa: Takt, 2009. S. 75–85.

References**Istochniki**

1. *Agreneva-Slavyanskaya O.X.* Opisanie russoj krest'yanskoj svad'by' s tekstem i pesnyami: obryadovy'mi, golosil'ny'mi, prichital'ny'mi i zavuy'val'ny'mi. Ch. II. Tver': Tipo-Litografiya F.S. Murav'eva, 1887. 124 s.
2. *Dubyagina O.P., Smirnov G.F.* Sovremenny'j russkij zhargon ugolovnogo mira: slovar'-spravochnik. M.: Yurisprudenciya, 2001. 352 s.

3. *Potapov S.M.* Slovar' zhargona prestupnikov (blatnaya muzy'ka) / Sost. po novejshim dannym S.M. Potapov. M.: [bez izd-va], 1927. 196 s.
4. *Priby'tov B.P.* Yazy'k nashego vremeni: [neformal. tolkovnik rus. yaz.: slovar']. Chelyabinsk: [bez izd-va], 2008. 100 s.
5. *Flegon A.* Za predelami russkix slovarej = Beyond the Russian Dictionary. 3-e izd. London: Flegon Press, [1973]. 408 s.

Literatura

6. *Berezovich E.L.* O sovremenny'x zadachax semantiko-motivacionnoj rekonstrukcii narodnoj toponimii // *Voprosy' yazy'koznaniya*. 2014. № 2. S. 89–109.
7. *Vinogradov V.V.* Chtenie drevnerusskogo teksta i istoriko-e'timologicheskie kalambury' // *Voprosy' yazy'koznaniya*. 1968. № 1. C. 3–22.
8. *Lixachyov D.S., pri uchastii A.A. Alekseeva i A.G. Bobrova.* Tekstologiya (na materiale russkoj literatury' X–XVII vv.). SPb.: Aletejya, 2001. 759 s.
9. *Shapoval V.V.* V.I. Dal' i kritika slovarej: zaglavnoe slovo so znakom voprosa // *Russkij yazy'k v nauchnom osveshhenii*. 2009. № 1 (17). S. 158–181.
10. *Shapoval V.V.* Zhelezoklyuj i zhelezny'e nosy' // *Russkaya rech'*. 2010. № 1. S. 107–112.
11. *Shapoval V.V.* Problemy' vy'yavleniya polonizmov v russkom zhargone // *Słowo. Tekst. Czas. T. IX. Człowiek w przestrzeni słownika i tekstu*. Szczecin: Print group Sp. z o. o., 2008. S. 507–514.
12. *Shevchenko I.S.* Koncepty' kommunikativnogo povedeniya v kognitivno-diskursivnoj paradigme // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2014. № 1 (13). S. 110–120.
13. *Yary'gina E.S.* Eshhyo raz o «kommunikativnom podxode» k slozhnomu predlozheniyu (k voprosu o vozmozhnostyax lingvisticheskogo e'ksperimenta) // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2014. № 3 (15). S. 52–62.
14. *Mańczak W.* O kryteriach prawdy w językoznawstwie // *Prawda – prawdy – mity – fałsze w językoznawstwie / Red. naukowa Witold Mańczak i Jan Wawrzyńczyk*. Warszawa: Takt, 2009. S. 75–85.

**ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Л.И. Осипова

**К вопросу
о сущности языка в философском
и собственно лингвистическом понимании**

В статье рассматривается понимание сущности языка на разных этапах развития лингвистической мысли: от античности до наших дней. Дается описание трёх основных направлений в истолковании сущности языка: натуралистическая концепция, психолингвистическое направление, общественная природа языка.

The paper dwells on the comprehension of essence of language at different stages of the development of linguistic thought from ancestry till present day. The author gives description to three basic directions in understanding of language essence: naturalistic concept, psycholinguistic direction, public nature.

Ключевые слова: сущность языка; онтология; антиномия; натуралистическая концепция; психологизм; младограмматики; социальные факторы.

Keywords: essence of language; ontology; antinomy; naturalistic concept; psychologism, neogrammarians, social factors.

Что такое *сущность*? В философии сущность понимается как «смысл данной вещи, то, что она есть сама по себе, в отличие от всех других вещей и в отличие от изменчивых состояний вещи под влиянием тех или иных обстоятельств... Сущность имеет место не вне вещей, а в них и через них, как их общее свойство, как их закон» [4: с. 469].

Каким было понимание природы и сущности языка на разных этапах развития лингвистической мысли? В понимании наших далёких предков *слово являлось неотъемлемой частью называемой им вещи*. Поэтому во многих культурах наблюдается феномен табуирования — запрета на употребление тех или иных слов, выражений или собственных имён, если это представляло угрозу для отдельного человека или целого коллектива. Явление табу было связано с верой в возможность непосредственного воздействия на окружающий мир при помощи языка, т. е. язык наделялся магической функцией. Интересно отметить, что общиндоевропейское название медведя (являющегося объектом охоты) в большинстве индоевропейских языков заменялось описательным. Так, в языке славян возникает слово медведь («ядущий мед»); литовцы медведя называли иногда klokis —

«курчавый» (чаще *locus*); немецкое *Vār* родственно литовскому *bė'gas* и латышскому *bērs* — «гнедой».

Греческие мыслители усомнились в справедливости трактовки слова как естественной части называемого предмета. В Древней Греции произошёл коренной переворот во взгляде на суть имени, спор «о природном или условном» характере слов разделил древнегреческих мыслителей на два враждующих лагеря. В результате дискуссии о правильности имён язык стал рассматриваться как *орудие, позволяющее мысли раскрывать природу вещей*.

Отметим, что внимание обращено на суть вещей, а природа самого орудия — слова — не рассматривалась.

В Средние века язык начал осознаваться не только как *совокупность имён*, но и как *творческая способность человека создавать эти имена*, как *средство, позволяющее открывать другому человеку свои мысли*.

В грамматике философов-схоластов (XIII в.) язык впервые получает статус *системного объекта*, в котором указываются составляющие его элементы и специфические связи между ними, т. е. основой языка становится не слово, а отношение: язык ставится в зависимость от мысли, познание вторично по отношению к объектам внешнего мира.

Таким образом, в построенной греками триаде «предмет – мысль – слово» средневековые философы смещают акцент с раскрытия природы предмета на объяснение устройства самого языка.

В XVII веке учёные отвлеклись от онтологии (природы внешнего мира) и обратились к логике, стремясь объяснить функционирование языка закономерностями работы разума человека, что нашло своё отражение в универсальной грамматике Пор-Рояль (1660 г.).

Конечно, известная соотносительность логических и грамматических категорий не подлежит сомнению, однако ставить знак равенства между ними нельзя. Так, в каждом языке имеются слова, которые не отражают чувств, одно и то же логическое понятие может быть выражено целым рядом синонимов, например, *весть* (известие, сообщение, информация и т. п.).

Подмена лингвистического подхода к языку логическим анализом игнорирует специфику грамматики конкретного языка.

Итак, на протяжении тысячи лет язык рассматривался как средство выражения мысли.

Совершенно иной взгляд на сущность языка высказал французский мыслитель Э.Б. де Кондильяк (XVII в.), который, отвлекаясь от логических и языковых универсалий, обратил внимание на разнообразие языков, а также на то, что специфика языков в какой-то мере определяет само восприятие мира. Эти идеи получили наиболее систематическое изложение в начале XIX века в работах выдающегося немецкого мыслителя В. фон Гумбольдта (1767–1835). По мнению В. Гумбольдта, «сущность языка состоит в том, чтобы отливать в форму мыслей материю мира вещей и явлений» [2: с. 315]. Так из пассивного орудия внешнего представления мысли язык становится «органом, образующим мысль». Вспомним прежние трактовки сущности языка: язык — образование, зависящее

от онтологических свойств предметного мира; язык — образование, функционирующее по логическим законам мышления. У В. Гумбольдта язык превращается в особый мир, «лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [2: с. 304]. И в самом деле, ведь мы воспринимаем окружающий мир через «сетку» языка. Язык образует мысль и, следовательно, начинает трактоваться как *орудие формирования человека*. «Человек... живет с предметами так, как их преподносит ему язык» [2: с. 80]. Другими словами, язык становится у В. Гумбольдта *орудием построения человеческого бытия*.

По В. Гумбольдту, язык есть деятельность духа, мышления; вопрос о духе (духовном начале) рассматривается им в связи с попыткой объяснить природу языка и соотношение языка как вида человеческой деятельности и всего многообразия языков. Формой выражения народного духа является язык народа, нации.

«Строение языков у человеческого рода различно, потому что различными являются и духовные особенности народов» [3: с. 72].

В философии XIX века под «народным духом» понималась вся совокупность духовных и интеллектуальных ценностей, мыслей и чувств народа. Эти ценности, согласно лингвистической концепции В. Гумбольдта, изначально присущи обществу, именно они определяют индивидуальность культуры того или иного народа.

В работах В. Гумбольдта произошёл переход от формальной логики к логике диалектической, что проявилось в сформулированных учёным антиномиях языка как диалектическом выражении его (языка) сущности.

Антиномией в философских концепциях называют противоречие между двумя взаимоисключающими предметами или качествами, закономерность каждого из которых рационально доказуема.

Назовем некоторые из языковых антиномий, раскрытых Гумбольдтом: *антиномия объективного и субъективного, антиномия целого и единичного, антиномия языка как деятельности и как продукта деятельности*.

Сформулированные В. Гумбольдтом антиномии способствовали дальнейшему уточнению сущностных сторон языка, но происходило это уже в рамках языкознания как сформировавшейся в XIX веке самостоятельной науки.

В языкознании XIX века следует выделить три основных направления в истолковании сущности языка:

- «биологическая» теория языка (натуралистическая концепция А. Шлейхера середины XIX века, который понимал язык как живой организм);
- психологическое направление (концепция Г. Штейнталя);
- язык — общественное явление.

Натуралистическая (фр. *naturalisme* от лат. *natura* «природа») концепция в языкознании возникла под влиянием естественных наук, получивших бурное развитие в Европе в середине XIX века. Это направление связано в первую очередь с именем немецкого языковеда А. Шлейхера (1821–1868), хотя элементы натуралистического подхода к языку можно встретить уже у представителей сравнительно-исторического языкознания. В. Гумбольдт и Ф. Бопп, опираясь на философские понятия первой половины XIX века, применяют

термин «организм» по отношению к языку. Представители натуралистического направления рассматривают язык как «естественный организм», полагая, что язык — явление врождённое, наследственное.

Наиболее отчётливо натуралистическая философия языка Шлейхера сформулирована в таких его работах, как «Теория Дарвина и наука о языке», «Значение языка для естественной истории человека».

«Законы, установленные Дарвином для видов животных и растений, — утверждал Шлейхер в работе «Теория Дарвина и наука о языке», — применимы, по крайней мере, в главных чертах своих и к организмам языков» [3: с. 98].

Языки, или «языковые организмы», по Шлейхеру, возникли естественным путём, независимо от человеческой воли, что роднит их (языки) с другими порождениями природы — растениями и животными.

Как и все живые организмы, язык «имеет период роста от простейших структур к более сложным формам и период старения...» [3: с. 96].

Безусловно, биологические организмы растут, развиваются, дряхлеют и умирают. Языки, конечно, тоже возникают, развиваются и иногда умирают (латинский, древнегреческий). Но эта смерть имеет не биологический, а социально-исторический характер. Язык умирает вместе с исчезновением говорившего на нём общества. Поэтому нельзя так буквально переносить на язык законы, царящие в природе.

Натуралистический подход Шлейхера к языку нашёл своё отражение в его теории о праязыке и родословном древе индоевропейских языков, которая оказала огромное влияние на сравнительно-историческое языкознание и легла в основу генеалогической и типологической классификаций языков.

В XX веке натуралистическое понимание языка нашло своеобразное отражение в популярной теории известного американского учёного Н. Хомского о биологической «врождённости» языка. Констатируя тот факт, что ребёнок в немыслимо короткий срок — от полутора до двух с половиной лет — практически овладевает всеми формами речевых высказываний, учёный объясняет это тем, что ребёнок усваивает лишь основные грамматические структуры, которые служат образцами для создания различных форм речевого общения. По мнению учёного, в организации речевого высказывания необходимо различать два уровня — «глубинные грамматические структуры» и «поверхностные грамматические структуры» языка. Глубинные грамматические структуры Н. Хомский считает врождёнными и поэтому универсальными, именно они — суть языковой компетенции человека, т. е. его *языковой способности*. Однако реализовать языковую способность, овладеть речью ребёнок, движимый естественной потребностью общения, а позже — и самовыражения, сможет лишь в том случае, если он с рождения помещён в языковую среду, окружён родными и близкими людьми (ср. феномен Маугли).

Завершая рассмотрение биологической теории врождённой языковой способности, небезосновательно подвергаемой строгой критике, отметим, что некоторые положения этой теории в наше время используются в психолингвистике, в теории порождения речи и нейролингвистике.

Натуралистическая концепция Шлейхера оказалась односторонней и вызывала протест, принципы логической грамматики тоже подвергались критике, особенно после появления работ В. Гумбольдта, который понимал язык как непрерывный процесс, как творческую деятельность. Не все идеи, высказанные В. Гумбольдтом, получили своё развитие, в частности, понятие «языковой деятельности» свелось к рассмотрению языка как одной из функций организма. При таком подходе неизбежно отождествление сущности языка с понятием психологических процессов, осуществляемых в индивидуальном процессе речи. Таким образом, основой языкознания могла стать или физиология, или психология. Преобладающей во второй половине XIX века стала психологическая трактовка сущности и процессов развития языка. Психологическая и натуралистическая концепции языка некоторое время сосуществуют, оказывая взаимодополняющее влияние на сравнительно-исторический метод. Психологическое осмысление некоторых лингвистических положений можно встретить уже в работах В. Гумбольдта. Психологизм В. Гумбольдта носил универсальный характер и основывался на концепции общечеловеческого разума, мышления, духа.

Под психологией языка (правильнее — речи) понимается анализ психологических процессов, связанных с речевыми актами. По убеждению представителей психологического направления, язык должен рассматриваться как: 1) особая деятельность индивидуальной психики (учёт фактора человеческой личности) или 2) как специфическое проявление психологии народа.

В лингвистике XIX–XX веков появилось три направления лингвистического психологизма: социально-психологическое, индивидуально-психологическое и психолингвистическое.

Наиболее известным представителем социально-психологического направления в языкознании 2-й половины XIX века был последователь В. Гумбольдта — немецкий языковед-теоретик Г. Штейнталь (1823–1899).

В России идеи В. Гумбольдта о языке как выражении народного духа нашли оригинальное развитие в трудах А.А. Потебни.

На рубеже XX века большую известность приобрели работы В. Вундта, который отмечал социальный характер языка, но был ярко выраженным психологистом.

Сущность языка, по мнению названных учёных, скрывается в психологии народа, различные изменения в языке отражают психические законы мышления. Так, например, явления метафоры, метонимии, синекдохи, процессы словообразования они объясняли законами ассоциации и аналогии.

Штейнталь считал, что «язык является самосознанием, мировоззрением и логикой духа народа». В. Вундт, в свою очередь, в работе «Проблемы психологии народов» (1900) приходит к следующим выводам:

- объектом психологии народов (или социальной психологии) являются язык, мифы и обычаи, которые соответствуют трём видам психологических процессов: представлениям, чувствам и воле;
- язык содержит в себе общую форму живущих в духе народа представлений, их законы, их связи [1: с. 340–352].

Однако общая социальная направленность психологической системы Вундта — коллективный психологизм — мало чем отличается от индивидуальной психологии Штейнтала. И в том и в другом случае язык рассматривается не как средство общения людей, а только как орудие выражения мысли.

Таким образом, в борьбе двух основных направлений общего языкознания — сторонников теории, согласно которой язык есть физическое, естественное явление, и их противников, утверждавших, что язык есть психическое явление, — на время победило последнее.

Однако в последней трети XIX века, на рубеже 70–80-х годов, примерно через полвека после основания сравнительно-исторического языкознания, возникла так называемая школа младограмматиков (*Junggrammatiker*, как иронически назвал её один из германистов). Младограмматики, отталкиваясь от своих предшественников, заявили, что до них языкознание слишком много занималось языком и слишком мало человеком, *говорящим человеком*.

Так появилось *индивидуально-психологическое направление*, теоретиками которого стали учёные лейпцигской школы языкознания К. Бругманн, А. Лескин, Г. Остгоф, Г. Пауль, Б. Дельбрюк и др.

В России идеи младограмматиков нашли своё развитие в работах представителей Московской (Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов) и Казанской (И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.А. Богородицкий) школ.

Младограмматики считали, что язык существует только в сознании отдельного говорящего индивида, а язык народа вообще как проявление его духа — миф. При этом они не отрицали, что существует общий язык как нечто среднее, суммарное от индивидуальных языков (узус).

Признавая, что механизм человеческой речи имеет две стороны: психическую и физическую — младограмматики протестовали против исключительного внимания к физической стороне и требовали уделять должное внимание психической стороне.

Источником психической деятельности является сам индивид. Говорящий индивид — вот исходный пункт и объект изучения младограмматиков. При этом младограмматики не отрицали, что индивидуальная речь является конкретным выражением речи общенародной. Однако они делали ошибку, когда исследование явлений языка полностью сводили к исследованию индивидуальной речи.

Отметим наиболее важные, основополагающие общетеоретические положения младограмматиков:

- язык — продукт психофизической деятельности;
- психологизм — принцип подхода к языку, первая часть методологии младограмматизма; язык в процессе эволюции подчиняется психическим законам ассоциации и аналогии;
- историзм — вторая часть методологии, единственно научный принцип лингвистического анализа;
- от изучения древних языков необходимо перейти к изучению живых языков, которые дают гораздо больше фактического материала для установления закономерностей развития языка.

Оба направления психологизма в лингвистике — социально-психологическое и индивидуально-психологическое — оказали плодотворное влияние на становление современной психолингвистики, сформировавшейся в середине XX века, главный предмет которой — речевая деятельность, а её конечная цель — описание психофизиологических механизмов порождения речи.

В заключение отметим, что на основании биологического и психологического подходов к сущности языка непротиворечивого объяснения природы языка получено не было. Лингвисты пришли к выводу, что необходимо рассматривать язык и как явление общественное.

Язык по природе своей социален. Казалось бы, это утверждение не требует доказательств. Язык — исключительно человеческое свойство, по своим характеристикам он в принципе отличается от так называемого «языка животных». Хотя именно наличие «языка» не только человеческого, но и в мире животных использовалось в качестве аргумента его биологической природы (тезис о врождённости языка, связь между спецификой языка и определённой расой). Однако нельзя проводить параллель между человеческим языком и врождёнными сигнальными системами, обеспечивающими коммуникацию животных. По наблюдениям биологов, своеобразными способами «общения» обладают все животные, включая насекомых. Однако сигналы, издаваемые животными, можно называть языком лишь условно, «язык животных» имеет исключительно биологическую природу. Он является врождённым свойством, ему не учатся, это дар природы.

«Язык животных» связан с инстинктом и как врожденное свойство передаётся вместе с генетическим кодом. Язык человека социален по своей природе и происхождению, так как он возник в силу общественной потребности в средстве общения.

Вопрос о сущности языка остаётся дискуссионным, учитывая то, что он, с одной стороны, обслуживает самые разные сферы деятельности человека, а с другой — сам является важнейшим видом этой деятельности. При истолковании сущности языка нужно иметь в виду, что в языке находят отражение различные стороны человеческой природы — логическая, психическая и социальная, т. е. язык имеет многокачественную природу.

Сущность языка может быть раскрыта лишь в процессе познания речевого онтогенеза человека (в частности, изучения детской речи), используя данные генетики, психофизиологии, нейропсихологии.

Тесным взаимодействием биологических, психологических и социальных факторов можно объяснить многие процессы, происходящие в современном языке: экономия речевых (и мускульных) усилий, стремление облегчить произношение (ассимиляция, диссимиляция, упрощение групп согласных), действие законов ассоциации и аналогии (в семантике, лексикологии, грамматике). И, наконец, в языке действуют внутренние законы (изменения в фонетике, морфологии), не зависящие от внеязыковых факторов.

Библиографический список*Литература*

1. *Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В.* История языкознания. М.: Академия, 2008. 670 с.
2. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
3. *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях: в 2 ч. Ч. 1. М.: Учпедгиз, 1960. 466 с.
4. *Философский энциклопедический словарь.* М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.

References*Literatura*

1. *Amirova T.A., Ol'xovikov B.A., Rozhdestvenskij Yu.V.* Istoriya yazy'koznaniya. M.: Akademiya, 2008. 670 s.
2. *Gumbol'dt V.* Izbranny'e trudy' po yazy'koznaniyu. M.: Progress, 1984. 400 s.
3. *Zvegincev V.A.* Istoriya yazy'koznaniya XIX–XX vv. v ocherkax i izvlecheniyax: v 2 ch. Ch. 1. M.: Uchpedgiz, 1960. 466 s.
4. *Filosofskij e'nciklopedicheski slovar'.* M.: Sov. e'nciklopediya, 1983. 840 s.

О.А. Сулейманова

Семантическая роль имплицитного наблюдателя в модели предложения

К 90-летию И-Э.С. Рахманкуловой

В статье рассматривается разрабатываемая в трудах И-Э.С. Рахманкуловой концепция модели предложения и определяется статус элементов структурной схемы (модели) предложения. Описывается семантическая роль наблюдателя и его роль в реализации структурной схемы предложения. Концепт наблюдателя соотнесён со сходными, но не тождественными семантическими ролями — повествователь (говорящий), эксперименцер. Предлагается типология наблюдателя.

The paper focuses on the concept of sentence model which is promoted in I.-E.S. Rakhmankulova's works, with the special focus on the semantic role *Observer*, when it is not explicitly introduced into the sentence structure but implicitly present. This role is related to similar semantic agents such as *Experiencer*, speaker, etc. Types of *Observers* are distinguished.

Ключевые слова: имплицитный наблюдатель; безличное предложение; структурная схема предложения; семантическая роль; эксперименцер.

Keywords: implicit observer; impersonal sentence; sentence model; experiencer.

В работах И.-Э.С. Рахманкуловой (см., например: [9–10]) последовательно разрабатывается структурно-функциональный подход к синтаксису и соответственно интерпретация модели предложения, в составе которой выделяются как обязательные элементы, так и распространители структурной схемы (модели). В статье рассматривается обязательный элемент структурной схемы предложения, не имеющий эксплицитного выражения, однако обязательно присутствующий в концептуализации денотативной ситуации. Вывод о его наличии делается на основе структурно-функционального анализа всей модели предложения. Речь идёт о семантической роли наблюдателя.

1. История вопроса

Широко декларируемая в последнее время антропоцентричность языка как господствующая парадигма современного языкознания получает всё новые подтверждения — так, теория метафоры убедительно демонстрирует то, как человек моделирует мир по своему подобию, во многих работах вводится фигура наблюдателя, с позиции которого и описывается мир.

Нужно сказать, что на роль наблюдателя в процессе познания мира обращалось внимание уже давно — например, в области естественных наук поправки на наблюдателя вводились всегда. Концепт наблюдателя получил

развитие и в области когнитивных наук (см., например: [6: с. 98, 129]. В лингвистике понятие наблюдателя получило хождение относительно недавно, несмотря на то, что отдельные указания и замечания встречаются в лингвистической литературе уже давно — например, убедительное описание значения предлога *за* с опорой на представление о наблюдателе находим уже у А.М. Пешковского. Для описания различий в семантике предикатов *seem* и *appear* [4: с. 103–104], глаголов зрения также вводится наблюдатель.

Ю.Д. Апресян приводит точку зрения Ч. Пирса, который, размышляя над чисто физическими параметрами *тяжёлый, твёрдый, прочный*, допускал, что в значения данных слов может входить представление о человеке, с точки зрения которого предметам и приписываются данные характеристики. Ю.Д. Апресян выделяет группы слов, значения которых содержат ссылку на наблюдателя («лицо, постороннее по отношению к непосредственным участникам описываемой ситуации» [2: с. 68–69]), например, в высказывании с предлогом *из-за*: *Мальчик вышел из-за ширмы* отчётливо осознаётся, что в ситуации присутствует некто, относительно кого ориентировано описание. Ср., напротив, *Мальчик вышел из дома*, где такого представления нет (примеры Ю.Д. Апресяна). Автор выделяет такие глаголы, как *любоваться, заглядеться, засмотреться, силиться* (в отличие от *пытаться*). Ср. также толкование следующей пары предложений, в одном из которых встроено указание на наблюдателя: *Дорога кончалась около леса* и *Дорога кончилась около леса*, во втором из которых «говорящий мыслит наблюдателя... сознание которого зарегистрировало этот факт» [2: с. 60]. На эффект сопричастия говорящего-наблюдателя в высказываниях с глаголами типа *белеть(ся), синеть, краснеть(ся)*, а также *реять, уплетать* указывала Т.В. Булыгина [3: с. 15, 29]. Е.С. Яковлева отмечает, что в семантику наречий *рядом, вблизи, поблизости* встроено указание на наблюдателя (в отличие от наречий *неподалеку, недалеко, вблизи и вдалеке*) [12: с. 39]. Ср. также интерпретацию высказываний типа *В избе было темно* через «потенциального субъекта» [5: с. 91].

С введением данного концепта связан ряд проблем, а именно: прежде всего его нужно соотнести с такими понятиями, как *говорящий, экспериенцер, точка зрения* и др.; необходимо также выявить типы наблюдателя и, наконец, выявить корпус языковых средств и условий, способствующих его появлению.

2. Наблюдатель, экспериенцер, говорящий (повествователь)

Разграничим сходные, но не тождественные метатермины, которые в ряде случаев используются недифференцированно, однако не сводимы друг к другу, а именно: *наблюдатель (потенциальный наблюдатель), экспериенцер, говорящий, субъект (агенса)*.

Семантическая роль экспериенцера, выделяемая во многих работах, реализуется обычно при предикатах, выражающих процесс (а не действие) — например, в высказываниях *Мне холодно; Он грустный почему-то сегодня* носитель предикативного признака представлен как экспериенцер (ср. семантическую роль пациента — *Меня послали за хлебом*, или агенса — *Я пошёл за хлебом*).

Более того, в данных случаях экспериенцер эксплицирован, тогда как наблюдатель не эксплицирован (эксплицированный наблюдатель, представленный, например, в предложении *Я наблюдал за ним последние полчаса*, трактуется как агенс, реализующий действие *наблюдать*).

Наблюдатель (как семантическая роль) может быть не вербализован — в таких высказываниях, как *Он наблюдал за нами всё утро*, реализуется семантическая роль агенса, который выполнял действие *наблюдать*. Иначе говоря, информация о том, что агенс именно наблюдатель, содержится только в лексическом значении глагола.

Потенциальный наблюдатель может быть определён как «некий возможный объект-лицо, на органы чувств которого... мог бы воздействовать во-ображаемый субъект» [8: с. 148]. Как представляется, в данное определение необходимо ввести указание на обязательную принадлежность наблюдателя фабульному пространству. И в этой связи не совсем точной кажется интерпретация Ю.Д. Апресяном высказывания *Мальчик вышел из-за ширмы* как такового, где наблюдатель «лицо, постороннее по отношению к непосредственным участникам описываемой ситуации» [2: с. 68–69]. Наблюдатель — не постороннее лицо, он участник ситуации, хотя и в особом смысле — он регистрирует событие Р, и без его регистрации оно не имеет места. Иначе было бы трудно говорить об осуществлении Р без того, чтобы оно не было передано через восприятие наблюдателя. В этом смысле можно сказать, что в данном случае наблюдатель представлен как параметр, образующий само событие Р.

Таким образом, семантическую роль наблюдателя можно определить как одушевлённый объект Х, с точки зрения которого подаётся событие Р, соответственно наблюдаемость — это свойство Р характеризоваться с точки зрения Х-а, при обязательной принадлежности Х-а фабульному пространству. Подчёркнём, что речь необязательно идёт о реальном «физическом» присутствии Х-а в описываемой ситуации — это может быть потенциальный наблюдатель, как, например, в высказывании *Когда приходишь в класс, сразу видно, кто из студентов не готов к занятию*. В предложениях с таким потенциальным наблюдателем сообщается не о том, что происходит с Х-ом, а о том, что имеет место вокруг него и воспринимается его рецепторами.

Таким образом, в высказывании *Мне тепло* сообщается о том, что делается с Х-ом, он экспериенцер, субъект своего состояния. Напротив, в высказывании *В комнате тепло* Х воспринимает и регистрирует состояние окружающей среды, он присутствует только в том смысле, что ситуация подаётся с точки зрения его восприятия, тогда как событие Р происходит необязательно с ним.

Таким образом, если Х — потенциальный наблюдатель, он только регистрирует состояние окружающего пространства, при этом он может быть не тождествен экспериенцеру и необязательно тождественен говорящему. Иногда он совпадает с говорящим: *Я вошёл в комнату. Пахло хвоей*; с героем повествования: *Он вошёл в комнату. Пахло хвоей*; с нереперентным субъектом: *Осенью в лесу всегда пахнет сыростью и гнилью*. В одном случае несовпадение наблюдателя с говорящим будет императивным, а именно в случае с предикатами

зрительного восприятия. Например, нельзя совместить говорящего и наблюдателя в высказывании **Я показался из-за угла* (если речь идёт о непосредственном восприятии, а не рассказе о прошедшем событии *И тут я показался из-за угла, подбежал к ней...*) — ср. правильное *Он показался из-за угла*. И для этого случая утверждение Ю.А. Пупынина о том, что, когда «позиция наблюдателя в высказывании не выражена, говорящий выступает как имплицитный наблюдатель» [8: с. 151], не представляется точным.

Повествователь (как фигура нарратива и соответственно метатермин интерпретации событий фабульного пространства художественного произведения) или говорящий, от лица которых ведётся повествование, могут получать разнообразные семантические роли, одной из которых может быть также имплицитный наблюдатель — *Вдалеке показался отряд*, или экспериенцер — *В комнате тепло*. В последнем высказывании совмещены роли экспериенцера и имплицитного наблюдателя. Ср., однако, высказывание — *Я видел, что в комнате тепло — дети одеты легко*, где говорящий во фразе *в комнате тепло* не реализует функцию экспериенцера — о температурном режиме он судит по визуально воспринимаемым параметрам.

Можно предположить, что в таких типах дискурса, как художественный нарратив, должна реализоваться тенденция к включённости реципиента в фабульное пространство нарратива — что предполагает предпочтительность безличных высказываний с имплицитным наблюдателем. Действительно, если сравнить высказывания с эксплицитным наблюдателем-экспериенцером *Мне / ему холодно* имеет место отстранённое от реципиента повествование, констатирующее восприятие героя. Напротив, в предложении *(На улице) было очень холодно*, с одной стороны, не описано восприятие героя, с другой — читатель / реципиент включается в фабульное пространство, что усиливает иллюкутивную силу речевого произведения.

2.1. Типология наблюдателя

Рассмотрим возможные типы наблюдателя, представленные в русских безличных моделях (см. [11]). Типология имплицитного наблюдателя в таких случаях определяется модальностью восприятия наблюдателя. Так, в высказывании *В небе гудело* или *В комнате было шумно* наблюдатель слушающий. Ср.: *Потом — об этом Брежнев рассказывал в моём присутствии год-полтора спустя — Гречко приезжал извиняться и признал, что был не прав. На что Брежнев ему — так, во всяком случае, он рассказывал — заявил: «Ты меня обвинил в том, что я пренебрегаю интересами безопасности страны, на Политбюро в присутствии многих людей, а извиняешься теперь с глаза на глаз, приехав в Завидово». Во время визита Д. Форда в СССР в конце 1974 года, когда обсуждались общие рамки Договора ОСВ-2, Брежнев тоже имел длинный, очень острый и громкий спор с военным руководством по телесвязи ВЧ. Об этом я знаю как от наших участников, так и от американцев, рассказывавших, что в решающий момент беседы советский лидер выставил всех из кабинета и чуть ли не час говорил по телефону, да так громко и эмоционально, что было*

слышно даже через стены и закрытые двери. Но, в общем, это не меняет ситуации, военному ведомству дозволялось очень многое. Особенно во второй половине семидесятых — начале восьмидесятых годов. И оно этим пользовалось (Георгий Арбатов. Человек системы) [1].

В высказывании *В комнате дурно пахло* это ольфакторно воспринимающий человек. Ср. также примеры высказываний из «Театрального романа» М. Булгакова *Из кухни пахло жареной бараниной, в коридоре стоял вечный, хорошо известный мне туман, в нём тускло горела под потолком лампочка. Здесь была вечная мудрая ночь, здесь пахло кожей, сигарой, духами. Пахло мятой и ещё какой-то приятной травой* — здесь создаётся образ пространства через ольфакторную модальность наблюдателя.

В предложении *На улице светало / светло* — это визуальный наблюдатель, он находится в фабульном пространстве — именно с его позиции подаётся описываемое событие. Понятно при этом, что это необязательно говорящий — ср. *Он сказал мне, что было видно следы взлома*.

Ср. также примеры из «Театрального романа»: *Как бы коробочка, и в ней сквозь строчки видно: горит свет и движутся в ней те самые фигурки, что описаны в романе. И по страдальческим глазам Демьяна Кузьмича видно было, что он чист, никакой интриги не подводил и вообще интригами не занимается. В открытую дверь было видно, как на цыпочках проходили иногда какие-то пожилые женщины, сухонького вида, пронося груды крахмальных юбок*.

Отметим особо, что при предикатах, выраженных словами категории состояния, описывающих состояния героев и события в их ментальном пространстве — типа *Мне понятно, Так жалко, что...*, несмотря на имплицитность экспериенцера, в высказывании не содержится семантическая роль наблюдателя. В таких случаях говорящий — экспериенцер (он может быть эксплицирован / имплицирован), он в центре фабульного пространства, а не просто наблюдатель.

Таким образом, появлению семантической роли потенциального / имплицитного наблюдателя регулярно способствуют предикаты чувственного восприятия, реализуемые в безличных предложениях.

2.2. Языковые средства

Языковые средства, привносящие представление о присутствии наблюдателя, разнообразны. Это могут быть лексические средства, в семантику которых встроено указание на присутствие наблюдателя — например, частицы *вот* и *вон* (см. [2: с. 615]). Ср. использование частицы *вот* в зачине романа М.А. Булгакова: *И вот: на мне кафтан с громадными карманами, а в руке моей не стальное, а гусиное перо. Передо мной горят восковые свечи, и мозг мой воспалён. — Сударыня! — говорю я* [1]. Здесь автор приводит воображаемый разговор с повитухой, принимавшей роды у матери Мольера. Для создания у читателя ощущения присутствия при таком важном событии повествователя вводится частица *вот*, которая сразу помещает читателя в гушу описываемых событий. Это также семантика слов типа *показаться, виднеться* [2; 7], равно как и их английский коррелят *emerge*. Наличие имплицитного наблюдателя подтверждается, как убедительно

показано в работе [2], невозможностью эксплицировать фигуру наблюдателя — например, нельзя сказать **И тут вдалеке показался я*. Данное высказывание становится возможным не в актуальном общении, а в описании прошедших событий, участником которых был говорящий.

Такое указание на наблюдателя, как отмечалось выше, также встроено в значение ряда пространственных предлогов, когда положение объекта относительно релятума определяется индивидом, наблюдающим за соотношением объектов, — например, в значении предлога *за* или английского *behind* содержится такое указание на наблюдателя.

Данная семантическая роль может получить выражение на синтаксическом уровне — в том смысле, что сама лексическая единица, например глагол, обязательно предполагает имплицитного наблюдателя — наблюдатель может иметь формальное выражение. При этом лексическое значение глагола чаще всего связано с концептуализацией процессов и результатов восприятия внеязыковой действительности — это глаголы типа *видеть, слышать, чувствовать*. Эти глаголы реализуют свой потенциал имплицитно наблюдать в определённых синтаксических моделях, например, в безличных моделях. В большинстве случаев в безличных предложениях имеет место совпадение роли наблюдателя и говорящего, особенно в изобразительном стиле. Понятно, что роль говорящего в таком случае заключается не только в том, что он говорит, он ещё и наблюдает и трактует положение дел. Можно сказать, что в таком случае он выступает в роли «сверхнаблюдателя», и в этом смысле выполняет роль, сходную с ролью «всеведущего» автора в литературоведческой интерпретации.

Таким образом, при интерпретации содержания высказывания учёт роли и типа имплицитного наблюдателя позволяет получить более точное описание семантики высказывания и является определяющим для реализации структурной схемы.

Библиографический список

Источники

1. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (режим доступа свободный).

Литература

2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 766 с.

3. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7–85.

4. Ильчук Е.В. Семантика английских глаголов мышления *believe, think* // Интеграция лингвистического и экстралингвистического знания: сб. науч. тр. МГЛУ. Вып. 434. М., 1996. С. 25–34.

5. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М.: Высшая школа, 1986. 176 с.

6. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1995.

С. 95–143.

7. *Падучева Е.В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

8. *Пупынин Ю.А.* Субъектность и актуализационные категории предиката // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определённость / неопределённость. СПб.: Наука, 1992. С. 141–167.

9. *Рахманкулова И.-Э.С.* Теоретическая функциональная грамматика немецкого языка. Глагол. М.: НВИ-Тезаурус, 2006. 204 с.

10. *Рахманкулова И.-Э.С.* Структурно-функциональный подход к исследованию немецких фразеологизмов // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 1 (3). С. 28–35.

11. *Сулейманова О.А.* Проблемы русского синтаксиса. Семантика безличных предложений. М.: Диалог-МГУ, 1999. 222 с.

12. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

References

Istochniki

1. Nacional'ny'j korpus russkogo yazy'ka. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (rezhim dostupa svobodny'j).

Literatura

2. *Apresyan Y.D.* Izbranny'e trudy'. T. 2. Integral'noe opisanie yazy'ka i sistemnaya leksikografiya. M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 1995. 766 s.

3. *Buly'gina T.V.* K postroeniyu tipologii predikatov v russkom yazy'ke // Semanticheskie tipy' predikatov. M.: Nauka, 1982. S. 7–85.

4. *Il'chuk E.V.* Semantika anglijskix glagolov my'shleniya *believe, think* // Integraciya lingvisticheskogo i e'kstralingvisticheskogo znaniya: sb. nauch. tr. MGLU. Vy'p. 434. M., 1996. S. 25–34.

5. *Lekant P.A.* Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazy'ke. M.: Vy'sshaya shkola, 1986. 176 s.

6. *Maturana U.* Biologiya poznaniya // Yazy'k i intellekt. M.: Progress, 1995. S. 95–143.

7. *Paducheva E.V.* Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v ruskom yazy'ke. Semantika narrativa. M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 1996. 464 s.

8. *Pupy'nin Y.A.* Sub''ektnost' i aktualizacionny'e kategorii predikata // Teoriya funkcional'noj grammatiki: Sub''ektnost'. Ob''ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vy'skazy'vaniya. Opredelyonnost' / neopredelyonnost'. SPb.: Nauka, 1992. S. 141–167.

9. *Raxmankulova I.-E'.S.* Teoreticheskaya funkcional'naya grammatika nemeczkogo yazy'ka. Glagol. M.: NVI-Tezaurus, 2006. 204 s.

10. *Raxmankulova I.-E'.S.* Strukturno-funkcional'ny'j podxod k issledovaniyu nemeczkix frazeologizmov // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2009. № 1 (3). S. 28–35.

11. *Sulejmanova O.A.* Problemy' russkogo sintaksisa. Semantika bezlichny'x predlozhenij. M.: Dialog-MGU, 1999. 222 s.

12. *Yakovleva E.S.* Fragmenty' russkoj yazy'kovoj kartiny' mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatija). M.: Gnozis, 1994. 344 s.

Тао Юань

Создание и использование параллельного корпуса русского и китайского языков

В данной работе мы представляем сведения об общей структуре параллельного корпуса, даём характеристику отобранных текстов, рассматриваем процесс создания корпуса и его использования. Кроме того, мы описываем метаданные и поиск словоизменяемых парадигм, в том числе падежных форм существительных, прилагательных и спрягаемых форм глаголов, также представляем автоматическую генерацию словника терминов. Создание корпуса тесно связано с его назначением, поэтому в работе представлены примеры лингвистического анализа на основе корпуса.

This article introduces the parallel corpora general structure, characterizes the selected texts and dwells on the corpora construction procedure. Besides, it describes the metadata and retrieval of inflectional paradigms including nominal and adjectival inclination forms and verbal conjugation forms. The article also pays special attention to automatic term base generation. Given that corpora design and its research purpose are closely related, this article also displays the samples of linguistic analysis on the basis of the corpora.

Ключевые слова: параллельный корпус русского и китайского языков; разработка корпуса; генерация словника терминов; поиск.

Keywords: parallel Russian-Chinese corpora; corpus construction; term-base generation; intersection retrieval.

1. Введение

Статья посвящена изучению процесса разработки параллельного корпуса русского и китайского языков и возможного направления исследований на его основе. Это первый параллельный и компаративный корпус русского и китайского языков, который предназначен для анализа переводов, поэтому разработка дизайна корпуса, формирование коллекции текстов, проведение предварительной обработки, создание поисковой системы и метаданных — всё это сформировало целую цепь сложных задач.

1.1. Существующие корпуса

Ещё в 1897 году немецким лингвистом Кэйдингом был составлен первый корпус текстов для сравнения частоты распределения букв в словах и определения их последовательности [4–5]. Однако результаты исследования нельзя было назвать многообещающими в силу того, что без применения технических средств ни один человек не смог бы проанализировать такое большое собрание текстов самостоятельно.

Появление компьютеров позволило частично решить эту проблему. Последующие разработки программного обеспечения для работы с корпусами текстов увенчались созданием программ-конкордансеров [6].

Центральное место в корпусной лингвистике занимает электронный корпус текстов. Один из вариантов определения этого ресурса был предложен С. Лавиоза, которая высказала мнение, что под электронным корпусом текстов следует понимать тексты и фрагменты текстов, отобранные по определённом принципу, размеченные и упорядоченные для поиска необходимой лингвистической информации [2: с. 31].

В данной статье мы ставим целью рассмотреть, как необходимо структурировать параллельный корпус, предназначенный для анализа переводов. Стоит отметить, что эта проблема уже рассматривалась Н.В. Владимовым [1: с. 24], однако для исследования он использовал Национальный корпус британского варианта английского языка — British National Corpus (BNC). В Китае [8] составлен параллельный корпус русского и китайского языков, но только для военных текстов. Обзор специализированных корпусов для русского языка даёт В.П. Захаровым [3; 7], но параллельных русско-китайских тематических корпусов и там не зарегистрировано.

Наш корпус отличается от существующих большим масштабом (5 млн словоупотреблений) и использованием универсальных принципов перевода и сопоставления двух языков. В нашем случае мы опираемся на специально составленные нами корпусы оригинальных текстов по (1) политике и международным отношениям; (2) лингвистике; (3) литературоведению; (4) переводоведению. Для составления конкорданса использовалась программа-конкордансер ParaConc: для согласования и создания конкордансов параллельных текстов (перевод) в ней параллельно могут быть проанализированы до 4-х языков.

2. Структурирование и создание корпуса

Цель разработки корпуса — создать платформу для обучения переводу и его исследования. Поэтому порядок создания должен быть следующим: постановка задачи → создание корпуса → выбор программного инструмента (e.g. WordSmith) → статистический анализ корпусных данных → использование корпуса. В соответствии с указанной целью были приняты следующие проектные решения.

2.1. Структурирование корпуса: общая структура и отбор текстов

Наш корпус — специальный и гомогенный [9], в него были включены только тексты гуманитарной области. Причина выбора этого типа текстов состоит в следующем:

1) с точки зрения направленности практики перевода: в прошлом веке в Китае большинство переводных произведений — художественные тексты, а в этом веке быстро развивается и перевод научных текстов, что требует выявления специфики перевода в данной области;

2) с точки зрения стиля языка: научный стиль имеет ряд общих черт, что даёт возможность говорить о специфике стиля в целом. Научный стиль характеризуется логической последовательностью изложения, упорядоченной системой связи между частями высказывания, стремлением авторов к точности, сжатости, однозначности при сохранении насыщенности содержания. Стремлением к информационной насыщенности обусловливается отбор наиболее ёмких и компактных синтаксических конструкций.

2.2. Структура и объём корпуса

Корпус состоит из двух частей: параллельный корпус текстов на русском языке и их переводов на китайский язык (parallel corpora — PC) и сопоставимый корпус (comparable corpus — CC) из тематических текстов на китайском языке. На начальном этапе объём параллельного корпуса — 5 млн слов, а сопоставимого — 1 млн. Оба подкорпуса будут открытыми и динамическими. Корпус будет увеличиваться каждые два года, и техника разметки будет улучшаться.

Параллельный корпус (PC) включает в себя 14 монографий в области политики, международных отношений, лингвистики, литературоведения и перевода на русском языке и их переводы на китайский. В этих монографиях представлены тексты на современном русском языке, они переведены в последние тридцать лет. Сравнительный корпус (CC) включает в себя 10 монографий на китайском языке из тех же предметных областей. Совпадение стиля текстов параллельного и сравнительного корпусов обеспечивает сопоставимость особенностей переводного и оригинального китайского языка.

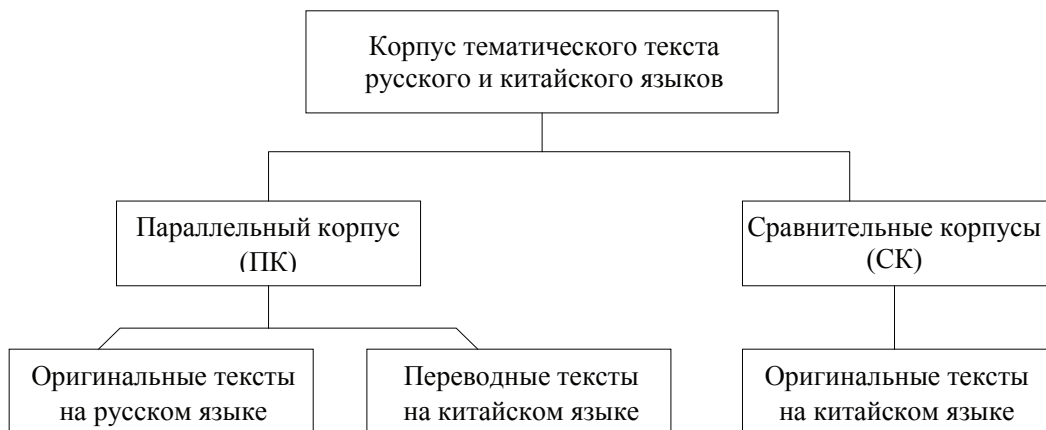

Рис. 1. Структура тематического корпуса русского и китайского языков

Переводной китайский язык сопоставляется не только с оригинальным русским языком в параллельном корпусе, но и с оригинальным китайским языком в сравнительном корпусе. Оригинал и перевод каждой монографии параллельного корпуса создают свой подкорпус, и оригинал каждой монографии сравнительного корпуса создаёт соответствующий подкорпус. Так, мы получаем PC1, PC2, PC3... и CC1, CC2, CC3... Таким образом, сопоставление

и количественный анализ идёт не только между корпусами, но и между парами подкорпусов. Для увеличения надёжности исследования мы обращаем внимание на баланс количества слов между подкорпусами.

Таблица 1

Объём тематических корпусов русского и китайского языков

	РС			СС	
	Кол-во слов (русский)	Кол-во слов (китайский)	Кол-во текстов	Китайский (слова)	Кол-во текстов
Политика и международные отношения	418 100	710 856	4	303 718	2
Лингвистика	568 738	855 326	3	335 546	2
Литературоведение	208 643	315 258	5	316 328	2
Переводоведение	401 223	598 816	2	287 914	2
Всего:	1 596 704	2 480 256	14	1 243 496	8

2.3. Метаданные

Метаданные тематического корпуса включают следующую информацию: язык (language), тип (type), автор (author), переводчик (translator), время издания (time) и название (title).

В метаданных мы указываем два языка — русский и китайский, четыре типа: политика и международные отношения, лингвистика, литературоведение и переводоведение, два вида времени издания — год публикации оригинала и перевода, название на двух языках — русском и китайском.

2.4. Процедуры обработки текстов при создании корпуса:

1) заполнение текстовых таблиц. Импорт данных таблицы в параллельный корпус;

2) выравнивание. На первом этапе выравнивание корпуса выполняется автоматически с использованием Paraconс (точность выравнивания 60–70 %).

На втором этапе ошибки выравнивания исправляются в ручном режиме (100 %).

1. Загрузка. Загрузка выровненных текстов выполняется автоматически на платформе Paraconс. На платформе нажмём file – export – export corpus files, и загрузка осуществится. Загруженный файл должен быть сохранён вместе с микрософтом Paraconс, иначе файл не открывается.

2. Поиск в корпусе. Морфологическая нормализация для русского языка не делается. Поиск осуществляется на основе языка регулярных выражений (regular expressions).

Приведём пример такого поиска. Введя регулярное выражение <[Кк]отор*>, мы получим все словоизменительные парадигмы лексемы *который*. [Кк] включает большие и маленькие буквы «к», а звездочка «*» включает в себя все возможные формы окончаний.

Так как целью создания нашего корпуса является исследование переводов, то основной режим поиска — поиск на платформе Paraconc. Результат поиска <[Кк]отор*> на платформе Paraconc.

Кроме того, мы создаём платформу поиска в Интернете. Там будет реализован поиск по лексическим единицам/словоформам с добавлением элементов метаданных (retrieval intersection). Например, мы ищем контексты для слова «стратегия» в текстах по политике, по конкретному автору или переводчику.

3. Генерация словника терминов. Материал корпуса — специальные тексты гуманитарного направления, и, естественно, в оригиналах и переводах много терминов, перевод которых является приоритетным в нашем исследовании, поэтому создание словника или базы данных терминов — одна из целей нашей работы.

На первом этапе мы в ручном режиме ищем термины из текстов на русском языке и их переводов в текстах на китайском языке и выравниваем их. Выровненные термины составляют новый текст (в формате txt).

На втором этапе мы импортируем выровненные тексты по строчке (с помощью инструмента (eclipse и java) в базу данных (database) и выполняем генерацию словника терминов по данным корпуса.

4. Разработка сайта корпуса. Мы разработали сайт корпуса, через веб-интерфейс которого реализуются поиск морфологических форм, поиск с добавлением элементов метаданных и поиск терминов.

3. Возможные виды лингвистического анализа на основе корпуса

Морфологическая разница между китайским и русским языками очевидна [12]: морфология русского языка богата, а в китайском языке морфологические формы фактически отсутствуют. Одна из особенностей синтаксиса китайского языка заключается в отсутствии подчинительного способа соединения слов в словосочетании и предложении, сравнимого с русским языком. Современные китайские учёные в связи с этим утверждают, что «семантика занимает центральное место» и «семантика определяет грамматику» [10; 13].

Мы предлагаем опыт составления корпуса этих двух языков, будучи уверенными, что китайский язык в переводах с русского обнаруживает как типологию соответствий, так и своеобразие своей природы.

Параллельный корпус переводов с русского языка на китайский позволяет решать различные лингвистические, переводческие и образовательные задачи. Приведём примеры некоторых таких задач.

1. Исследование универсальных принципов перевода на китайский язык на основе анализа перевода неопределённых местоимений и неопределённых наречий, например, перевод лексем *кто-то*, *кто-нибудь*, *кое-кто*, *что-то*, *что-нибудь*, *когда-нибудь*, *кое-когда*, *где-то*, *где-нибудь*, *кое-где* и т. д.

2. Исследование универсальных принципов перевода на китайский язык, основанных на анализе перевода пассивного залога, в том числе страдательных причастий и глаголов с постфиксом *-ся* и т. д.

3. Исследование норм перевода сложноподчинённых предложений с русского языка на китайский. В частности, при переводе сложноподчинённых

предложений с союзом *чтобы* существует четыре вида нормы — экспликация и импликация, упрощение-осложнение, нормализация и отчуждение, с использованием и без использования идиом.

4. Определение основной переводной единицы на основе корпуса. Анализ производится в аспекте прагматики. Мы выдвинули предположение, что высказывание является основной единицей перевода по классической теории о высказывании. На основе корпуса мы показали, что:

- а) значение слова *узел* (node) неопределённо, значение его уточняется только в контексте;
 - б) соответствие перевода осуществляется только на уровне высказывания [11].
5. Практическое исследование перевода на основе корпуса:
- а) перевода дискурсивных маркеров, в том числе таких, как *речь идёт о..., как указывалось, как отмечалось, согласно этому, в результате, следовательно, ввиду этого, в зависимости от этого, в связи с чем..., рассмотрим, перейдём к рассмотрению..., иначе говоря, из этого следует...;*
 - б) правил трансформации предложений с союзными словами и союзами *который, так как* и т. д.

4. Выводы

В данной работе мы описали цели, специфику и процесс создания параллельного корпуса русского и китайского языков.

Способы разработки параллельного корпуса русского и китайского языков несовершенны, и мы предлагаем внести определённые изменения и корректировки в данный корпус. В частности, намечено разработать дополнительные программы предварительной обработки текстов. Также планируется автоматическая лемматизация слов в текстах русскоязычной части корпуса. Кроме того, предстоит преодолеть немало трудностей в части поиска и генерации корпуса терминов и т. д. Решение этих задач позволит оптимизировать последующую работу по расширению параллельного корпуса и по его использованию.

В настоящее время в теории принятия решений существует два подхода: нормативный и дескриптивный. Создание данного корпуса позволяет анализировать перевод с русского языка на китайский в аспекте дескриптивного подхода. На платформе корпуса возможно проведение не только качественного, но и количественного исследования, не только осуществление оценки (плюсы и минусы) переводных текстов, но и исследование природы и универсальности переводного языка.

Библиографический список

Литература

1. Владимов Н.В. Корпусный подход к решению переводческих проблем: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2005. 198 с.
2. Захаров В.П. Корпусная лингвистика. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 48 с.

3. Захаров В.П. Корпусный менеджер как поисковая система. URL: http://download.yandex.ru/class/zakharov/CL_L7.ppt (дата обращения: 12.10.2014).
4. Adolphs S. et al. Clinical Linguistics and Corpus Linguistics in Health Care Settings // CHLR. 1998. P. 5.
5. Francis N.W. Language corpora B.C. // Directions in Corpus Linguistics / Ed. J. Svartvik. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992. P. 17–32.
6. Laviosa S. Corpora and Translation: the Methods and Theories of Corpus Work in Translation. Manchester, 2003. P. 3.
7. Zakharov V. Corpora of the Russian Language // Text, Speech and Dialogue: Proceedings of the 16th International Conference, TSD 2013, Plzen, Czech Republic, September 1–5, 2013. (Lecture Notes in Artificial Intelligence, 8082) / Ivan Habernal, Václav Matoušek (Eds.). Springer-Verlag, Berlin Heidelberg, 2013. P. 1–13.
8. 崔卫/张岚. 俄汉翻译平行语料库及其应用研究 // 解放军外国语学院学报. 2014. 1. P. 81 – 87.
9. 黄昌宁. 语料库语言学 // 北京: 商务印书馆. 2002. P. 35.
10. 陆俭明. 词的具体意义对句子意思理解的影响 // 汉语学习. 2004. P. 1 – 5.
11. 陶源. 基于俄汉平行语料库的翻译单位研究 // 外语教学. 2015. 1.
12. 赵敏善. 俄汉语对比研究 // 上海译文出版社. 1994. P. 68.
13. 赵世举. 试论词汇语义对语法的决定作用. 武汉大学学报 // 2008. 2. P. 173 – 179.

References

Literatura

1. Vladimov N.V. Korpusny'j podxod k resheniyu perevodcheskix problem: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. M., 2005. 198 s.
2. Zaxarov V.P. Korpusnaya lingvistika. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2005. 48 s.
3. Zaxarov V.P. Korpusny'j menedzher kak poiskovaya sistema. URL: http://download.yandex.ru/class/zakharov/CL_L7.ppt (data obrasheniya: 12.10.2014).
4. Adolphs S. et al. Clinical Linguistics and Corpus Linguistics in Health Care Settings // CHLR. 1998. P. 5.
5. Francis N.W. Language corpora B.C. // Directions in Corpus Linguistics / Ed. J. Svartvik. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992. P. 17–32.
6. Laviosa S. Corpora and Translation: the Methods and Theories of Corpus Work in Translation. Manchester. 2003. P. 3.
7. Zakharov V. Corpora of the Russian Language // Text, Speech and Dialogue: Proceedings of the 16th International Conference, TSD 2013, Plzen, Czech Republic, September 1–5, 2013. (Lecture Notes in Artificial Intelligence, 8082) / Ivan Habernal, Václav Matoušek (Eds.). Springer-Verlag, Berlin Heidelberg, 2013. P. 1–13.
8. 崔卫/张岚. 俄汉翻译平行语料库及其应用研究 // 解放军外国语学院学报. 2014. 1. P. 81 – 87.
9. 黄昌宁. 语料库语言学 // 北京: 商务印书馆. 2002. P. 35.
10. 陆俭明. 词的具体意义对句子意思理解的影响 // 汉语学习. 2004. P. 1 – 5.
11. 陶源. 基于俄汉平行语料库的翻译单位研究 // 外语教学. 2015. 1.
12. 赵敏善. 俄汉语对比研究 // 上海译文出版社. 1994. P. 68.
13. 赵世举. 试论词汇语义对语法的决定作用. 武汉大学学报 // 2008. 2. P. 173 – 179.

А.В. Алексеев

Лексикологические аспекты изучения концептов

Концепт рассматривается как понятие, применимое в различных гуманитарных дисциплинах. Для корректного использования термина «концепт» необходимо учитывать методологические принципы лингвистики. На уровне лексикологии описание концептов наиболее продуктивно за счёт анализа лексико-семантических полей, при учёте структурно-семантического подхода. Полное описание концепта возможно при понимании его диахронической сущности.

The concept is regarded as a applicable in different humanities. For the correct application of the term «concept», it is necessary to consider the methodological principles of linguistics. At the level of lexicology, the concept description is most productive through the analysis of lexico-semantic fields, taking into account the structural-semantic approach. A full description of the concept is possible with understanding of its diachronic essence.

Ключевые слова: концепт; лексикология; культура; семиотика.

Keywords: concept; lexicology; culture; semiotics.

Концепт как интегральный объект гуманитарного знания традиционно рассматривается в рамках различных научных дисциплин и тем самым даёт основания воспринимать его как «зонтиковый термин» [7: с. 5]. При описании концепта на лексическом уровне есть основания считать его более современным соответствием классическому термину «слово» (*логос*). В этом случае для исследования концепта не требуется создания какой-либо новой дисциплины: русское слово изучается синхронно-современной и исторической лексикологией, в них используются сравнительно-исторический и структурный методы, а в последние десятилетия — анализ «глубинной» семантики.

В связи с развитием концептологических исследований новую актуальность приобретает вопрос о том, какой подход к изучению слова обладает большей продуктивностью, синхронный или диахронический. Высокая значимость исторической лексикологии опирается в этом случае на авторитет В. фон Гумбольдта, который утверждал, что «язык есть не продукт деятельности (*Ergon*), а деятельность (*Energieia*). Его истинное определение может быть поэтому только генетическим» [9: с. 70]. Но, к сожалению, до сих пор нет общего мнения о том, насколько с позиций сравнительно-исторического метода могут быть актуальны и востребованы исследования *культурного* концепта и в целом феноменов культуры. Между тем именно В. фон Гумбольдт, указав на исторический характер языка, отмечал, что «язык и духовные силы развиваются не отдельно друг от друга... а составляют нераздельную деятельность интеллектуальных способностей» [9: с. 67].

Необходимость культуроведческого измерения исторической лексикологии находит всё более широкое понимание в последних работах историков языка. Отмечается, что при изучении семантической эволюции слова должны учитываться различные экстралингвистические факторы: «данные фольклора, мифологии, поэзии и т. д.» [4: с. 68]. И наоборот, лексикологический анализ способствует изучению культуры, «расшифровке того, что называют культурными и социальными кодами цивилизации» [5: с. 5]. Таким образом, сегодня основная цель исторической лексикологии — соотнести семантику слова и особенности его употребления «с той картиной мира, которая формируется в сознании человека определённой исторической эпохи» [10: с. 19]. В частности, если речь идёт о древнерусской эпохе, необходимо учитывать православное вероучение, например: [1: с. 46; 3: с. 50].

Лексикологические методы описания концепта используются и в особых интегральных дисциплинах, одной из которых признается лингвокультурология. Предметом исследования этой науки считается так называемый культурный концепт, который, однако, тесно соотносится с концептом-словом (лексическим концептом). В рамках лингвокультурологии выделяется не менее четырёх направлений (лингвокультурологических школ) [11: с. 30]. В соответствии с заявляемыми задачами и предметом исследования можно разграничить широкую лингвокультурологию — которая скорее культурология, нежели лингвистика — и узкую лингвокультурологию, которая пытается опираться на лингвистическую методологию. К первому направлению следует относить исследовательские алгоритмы, предложенные Ю.С. Степановым и В.В. Воробьевым, ко второму — методику анализа концепта, разработанную В.Н. Телия. Однако любое из этих направлений представляет несомненный интерес, так как во всех случаях предметом изучения признаётся языковая семантика, «которая формируется при взаимодействии двух разных кодов — языка и культуры» [11: с. 30].

В широкой лингвокультурологии основным предметом исследования признаются прежде всего культурные объекты. У Ю.С. Степанова это концепт, определяемый как «сгусток культуры в сознании человека» [13: с. 40], у В.В. Воробьева — лингвокультурема как своего рода ячейка культурного смысла. Признётся, что это единица межуровневая и содержательно более глубокая по сравнению со словом. Такая глубина создаётся за счёт диалектического объединения «лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания» [8: с. 45]. Чтобы определить отношение широкой лингвокультурологии к лексикологическим методам исследования, необходимо вспомнить известное разграничение ономаσιологического и семасиологического подходов.

Ономаσιологический подход рассматривает семиотические факты по направлению от предметов и понятий к средствам их обозначения, в то время как семасиология в большей степени интересуется структурами и механизмами взаимодействия самих значений. Историческая лексикология — дисциплина прежде всего семасиологическая: в ней обычно рассматриваются языковые формы (лексические единицы) и выясняется, каким образом этими формами эксплицируются те или иные ментальные сущности, каким образом

происходит семантическое взаимодействие таких форм (распределение значений, смысловая филиация и т. п.).

Широкая лингвокультурология избирает своим предметом предварительно выделенный ментальный объект — понятие, концепт, смысл (конкретное название не существенно) — и рассматривает по возможности максимально полный список языковых средств, выражающих этот объект. Такая последовательность соответствует ономаσιологическому подходу. Можно предположить, что в современной науке фактически происходит распределение ономаσιологии и семасиологии по самостоятельным дисциплинарным областям, что соответствует магистральному направлению на углубление и дробление гуманитарных исследований.

Ономаσιологические интересы широкой лингвокультурологии выводят её за пределы русистики. Как показывает содержание цитируемых работ, для характеристики концептов привлекаются самые различные их номинации и средства репрезентации. При этом предметные границы тех или иных лингвистических дисциплин — лексикологии, фразеологии и т. п. — соблюдаются в слабой степени. В монографии Ю.С. Степанова рассматриваются признаки концептов, вычлениваемые из достаточно разнообразных, не сводимых к единой области источников. Например, при анализе концепта «Буратино» рассматриваются следующие культурные источники: социально-личностный контекст написания сказки [13: с. 699]; общемировые истоки основных мотивов сказки [13: с. 700]; стихотворение М.Ю. Лермонтова [13: с. 701]; античные религиозные обряды, связанные с жертвоприношением [13: с. 702] и т. д. Несмотря на богатство и содержательность собранного материала, релевантность выявленных подобным образом разнородных признаков русскому культурному концепту (и тем более лексическому концепту, то есть русскому слову) в ряде случаев вызывает сомнения.

В монографии В.В. Воробьева ставится масштабная задача реконструкции русской национальной личности, исследования «загадки» «русской культуры и цивилизации» [8: с. 9]. Для решения этой задачи и должна, по мнению автора, использоваться лингвокультурология, которая рассматривается как «новая исследовательская парадигма движения научно-культурной мысли о языке и культуре» [8: с. 37]. Для решения задачи привлекаются в качестве материала исследования ряда русских мыслителей — философов и публицистов. Однако уже на этом этапе возникают вопросы о предметных границах лингвокультурологии и о критериях отбора материала. Остаётся неясным, все ли высказывания философов по указанной проблематике представлены в работе, не противоречат ли друг другу высказывания различных философов, как проводился отбор литераторов, достойных, по мнению автора, свидетельствовать о русском национальном характере. В целом, в цитируемой работе исследуются не лингвистические факты, а результаты мировоззренческой рефлексии произвольно отобранной группы литераторов (под литературой мы здесь подразумеваем весь национальный корпус культурно значимых текстов). Это усиливает не научную, а скорее, публицистическую составляющую цитируемой работы. Материалом собственно лингвистического анализа в работе оказываются только разнородные словари.

Таким образом, в указанных сочинениях лингвистическая, в частности лексикологическая, методология реализуется в недостаточной степени. Это объясняется тем, что предмет исследования широкой лингвокультурологии не определён с достаточной четкостью. Лингвокультурологию интересуют различные речевые и ментальные единицы: мифы, обычаи, привычки, легенды, обряды, ритуалы, символы, поэзия, художественная проза, архетипы, мифологемы, паремии, метафоры, модели речевого поведения и т. д. [11: с. 23, 36].

Между тем при выборе предмета исследования необходимо последовательно соблюдать семиотический принцип описания. Изучаемая единица должна быть знаком и иметь синтаксическое измерение, то есть принадлежать к определённой знаковой системе или подсистеме. Затруднительно изучать семантику языкового знака путём анализа архетипов, обрядов или легенд, так как все эти семиотические явления относятся к различным знаковым подсистемам культуры.

При лингвокультурологическом анализе нужно вначале исследовать функционирование языковых знаков, прежде всего лексических единиц. И лишь проведя описание лексической семантики, можно искать в её структуре признаки, «наведённые» воздействием других знаковых подсистем. Такое воздействие объясняется символическим характером человеческих знаков. Очень важно, что сверхбинарная символическая структура обнаруживается и в лингвокультурологии [8: с. 49]. Однако логика исследования символа от первого означающего ко второму означающему (денотату) и лишь затем к символическому смыслу не всегда выдерживается в лингвокультурологических работах.

В этой связи сохраняет свою актуальность семантический постулат А.А. Потебни, разграничение ближайшего и дальнейшего значений слова [12: с. 10]. Переход к дальнейшему значению (внеязыковой семантике) означает, в соответствии с этим постулатом, переход к иным наукам. В монографии В.В. Воробьева указано, что культура народа раскрывается через языковую и внеязыковую семантику. При этом признаётся, что внеязыковая семантика — это «сфера специального (понятийного) знания и конкретных реалий как элементов, предметов класса» [8: с. 40]. Однако подобное знание институализировано в отдельных дисциплинах. Для описания предметов как таковых, в том числе материальных и духовных артефактов, существуют специальные науки: этнография, история, философия. Например, для анализа антропологических взглядов русских религиозных философов необходим инструментарий философской и религиоведческой методологии: понимание человека православными философами не может быть проанализировано без учёта святоотеческой традиции. Таким образом, переходя в область «специальных знаний», лингвокультурология, отказываясь от лингвистического научного аппарата, либо перестает быть самостоятельной наукой, превращаясь в этнографию, историю и т. д., либо теряет всякую методологическую основательность.

Но даже при сохранении лингвистической точности выделение предмета «широкой» лингвокультурологии посредством нового членения плана содержания языкового знака не решает всех проблем. Попытка лингвокультурологии сдвинуть предметную рамку от «ближайшего» значения к «дальнейшему»

означает перенос внимания на объём понятия, денотат. Однако если придерживаться семиотического понимания культуры, то нужно признать, что описание объёма понятия не превращает лингвистику в культурологическую дисциплину, так как позволяет характеризовать предметные реалии окружающего мира (денотаты), но не культуру как систему ценностей (символов).

Перенос исследовательского внимания с содержания понятия на его объём (экстенционал, предметность) формирует идею «нечёткого понятия», или «понятия с нечёткими краями», которая заключается в том, что «нельзя подвести черту под объёмом понятия, т. е. понятие не является конструктом с чётко ограниченным объёмом и содержанием» [2: с. 13]. С позиций лингводидактики такое расширение понятия происходит за счёт внимания к фоновым знаниям, которые представляют собой культурно-историческую память слова. Для анализа подобной информации выделяется логоэпистема, сохраняющая знание, «несомое словом как таковым — его скрытой внутренней формой, его индивидуальной историей, его собственными связями с культурой» [6: с. 7]. Отметим, что цитируемое определение соотносит логоэпистему с языковым концептом во всей его полноте — а не только с расширенным понятием.

В рамках «узкой» лингвокультурологии символические функции слова анализируются, на наш взгляд, наиболее последовательно. В частности, в работах В.Н. Телия рассматриваются прежде всего языковые значения номинативных единиц, и уже после этого анализируется способность таких единиц, слов и фразеологизмов, выражать культурную коннотацию [14: с. 233]. При подобном анализе, проводимом преимущественно на материале фразеологии, фактически воспроизводится схема сверхбинарного символического семиозиса (фразеологизм \Leftrightarrow фразеологический образ \Leftrightarrow культурный смысл): «...система образов, закреплённых в фразеологическом составе языка, служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности» [14: с. 215]. Однако мы не можем согласиться с тем, что культурно значимое содержание передаётся в основном или в большей степени с помощью фразеологизмов. Мы полагаем, что культурологическая актуальность фразеологии и паремий связана с большей наглядностью, очевидностью образно-символических компонентов их содержания. Однако и функционально, и исторически слово — несомненный символ, поэтому возможен поиск культурных коннотаций (культурной значимости) именно на лексическом материале.

Ономасиологический аспект лексикологических исследований активно реализуется в рамках когнитивной лингвистики. Когнитивная концептология может в определённой степени считаться развитием идеографической лексикологии, так как признаётся и практически подтверждается, что основным средством репрезентации концепта является семантическое поле. Название лексико-семантического поля может одновременно являться ключевым словом, репрезентирующим концепт в тексте. Следовательно, ключевые слова могут рассматриваться как имена концептов, то есть лексические единицы, наиболее последовательно (в ряду синонимов и других семантически связанных слов)

выражающие концептуальный смысл. Другие средства вербализации концепта определяются структурой семантического поля, в котором выделяются различные слои, ядерные и периферийные. Чем ближе к ядру располагается языковая единица, тем больше у неё вероятности стать средством вербализации данного концепта. Таким образом, через изучение всех слов, составляющих соответствующее семантическое поле, можно определить содержание концепта, его семантические признаки.

Итак, лексическое содержание оказывается наиболее актуальным для культурологической, логической и исторической интерпретаций концепта. Первое направление разрабатывается лингвокультурологией, однако данная дисциплина нуждается, на наш взгляд, в уточнении предмета исследования. Логический концепт познаётся когнитивной лингвистикой; лексические репрезентации составляют, очевидно, лишь часть данного типа концепта, они достаточно плодотворно исследуются методами ономазиологического анализа. Собственно лексический концепт разворачивается в истории, его содержательные формы могут изучаться при помощи лексической семасиологии. Лексический концепт как историческая реальность отождествляется со словом, и потому предметы исследования исторической концептологии и исторической лексикологии в значительной степени совпадают.

Библиографический список

Литература

1. *Алексеев А.В.* Символические значения в истории слова *печаль* // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория Языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 45–52.
2. *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 103 с.
3. *Борюшкина Е.Н.* «Грехъ» и «безаконие» в Толковой Палее // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 4 (54). С. 49–54.
4. *Брунова Е.Г.* Об этимологическом анализе на современном этапе // Филологические науки. 2002. № 2. С. 67–74.
5. *Васильев А.Д.* Введение в историческую лексикологию русского языка. Красноярск: КГПУ, 1997. 104 с.
6. *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1999. 84 с.
7. *Воркачев С.Г.* Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. М.: Филология, 2003. Вып. 24. С. 5–12.
8. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2008. 336 с.
9. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 396 с.
10. *Деева Н.В.* Введение в историческую лексикологию русского языка. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2007. 197 с.
11. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие: для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2010. 202 с.
12. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. I: Введение / Сост. А. Потебня. Воронеж: Тип. Н.Д. Гольдштейн, 1874. 157 с.

13. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Языки рус. культуры, 1997. 824 с.
14. *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки рус. культуры, 1996. 284 с.

References

Literatura

1. *Alekseev A.V.* Simvolicheskie znacheniya v istorii slova *pechal'* // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 3 (15). S. 45–52.
2. *Babushkin A.P.* Tipy' konceptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazy'ka. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 1996. 103 s.
3. *Boryushkina E.N.* «Grex» i «bezakonie» v Tolkovoj Palee // Drevnyaya Rus'. Voprosy' medievistiki. 2013. № 4 (54). S. 49–54.
4. *Brunova E.G.* Ob e'timologicheskom analize na sovremennom e'tape // Filologicheskie nauki. 2002. № 2. S. 67–74.
5. *Vasil'ev A.D.* Vvedenie v istoricheskuyu leksikologiyu russkogo yazy'ka. Krasnoyarsk: KGPU, 1997. 104 s.
6. *Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G.* V poiskax novy'x putej razvitiya lingvostranovedeniya. M.: Gos. in-t rus. yaz. im. A.S. Pushkina, 1999. 84 s.
7. *Vorkachev S.G.* Koncept kak «zontikovy'j termin» // Yazy'k, soznanie, kommunikaciya. M.: Filologiya, 2003. Vy'p. 24. S. 5–12.
8. *Vorob'ev V.V.* Lingvokul'turologiya. M.: Rossijskij un-t druzhby' narodov, 2008. 336 s.
9. *Gumbol'dt V.* Izbranny'e trudy' po yazy'koznaniyu. M.: Progress, 2000. 396 s.
10. *Deeva N.V.* Vvedenie v istoricheskuyu leksikologiyu russkogo yazy'ka. Kemerovo: Kemerovskij gos. un-t, 2007. 197 s.
11. *Maslova V.A.* Lingvokul'turologiya: ucheb. posobie dlya stud. vy'ssh. ucheb. zavedenij. M.: Akademiya, 2010. 202 s.
12. *Potebnya A.A.* Iz zapisok po russkoj grammatike. I: Vvedenie / Sost. A. Potebnya. Voronezh: Tip. N.D. Gol'dshtejn, 1874. 157 s.
13. *Stepanov Yu.S.* Konstanty': Slovar' russkoj kul'tury': Opy't issledovaniya. M.: Yazy'ki rus. kul'tury', 1997. 824 s.
14. *Teliya V.N.* Russkaya frazeologiya: Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty'. M.: Yazy'ki rus. kul'tury', 1996. 284 s.

Е.Н. Молодыхенко

Об операционализации категории «ценность» в текстовом и дискурсивном анализе: к вопросу о лингвистической аксиологии

В статье анализируется аксиологическая перспектива в современной дискурсивно-ориентированной парадигме в лингвистике и шире — в блоке гуманитарного знания. В междисциплинарном анализе рассматриваются различные теоретические представления о категории «ценность», сложившиеся в европейской, американской и российской научной традиции, выявляется операциональный характер категории «ценность» в дискурс-анализе. Показывается, что текст, с одной стороны, опирается на предзаданную дискурсом систему ценностей и, с другой, в тексте могут конструироваться и транслироваться новые ценности.

The paper deals with an axiological dimension in discourse studies in linguistics and in a broader sense in the humanities. The comparative approach offered presents theories of values in Russian, European and American research, focuses on the heuristic potential of values and value studies for discourse analyses. The underlying assumption is that the text is determined by values pre-scheduled by discourse, while at the same time acting as a tool for construction and legitimation of new ones.

Ключевые слова: ценность; аксиология; лингвистический анализ; текст; дискурс; дискурсивный анализ.

Keywords: value; theory of values; linguistic analysis; text; discourse; discourse analysis.

Как известно, современная лингвистическая наука исходит из двух основополагающих принципов — междисциплинарности и антропоцентричности. Воплощением такого подхода является традиция анализа дискурса вообще и текстоориентированного критического анализа дискурса в частности. Общим положением для различных направлений дискурс-анализа является представление о том, что тексты суть часть стандартизированных социально-культурных практик, с которыми они связаны нитями диалектического единства. Следовательно, дискурс-анализ, в том числе и текстоориентированный, не может ограничиваться сугубо лингвистическими инструментами в своей работе. Аналогичным образом не может он и оперировать исключительно концептуальным аппаратом «чистой» лингвистической науки.

Одним из ключевых междисциплинарных понятий гуманитарных наук является понятие «ценность». В данной статье предлагается взгляд на ценность как одну из базовых категорий текстоориентированного дискурсивного исследования. Несмотря на то, что история изучения понятия «ценность» достаточно солидна, единого и непротиворечивого представления о его дефиниции и границах,

по-видимому, не существует. Не ставя перед собой попытку объять весь материал по теме и тем более вести на эту тему дискуссии, определим задачу приводимого ниже обзора более скромно. Задача эта состоит в том, чтобы вывести дефиницию понятия и обозначить сферу его охвата так, чтобы оно имело эвристическую ценность для исследований в области дискурс-анализа.

Первым наиболее общим подходом в трактовке рассматриваемой категории является понимание ценности как «атрибута ценного», т. е. как значимости всегда чего-либо для индивида. Такое понимание, в частности, зафиксировано в стандартном языковом значении слов «ценность» и «ценный» и иллюстрируется сочетаниями вроде «ценный опыт», «ценное приобретение» (ср.: [4]).

Примерами определений, соотносимых с первым подходом, могут служить концепции Дж. Дьюи и Р. Перри. Как отмечает Р.Б. Перри, «ценностью в общем смысле наделяются все объекты без разбора, представляющие некий интерес» [13: р. 28]. «Интерес» следует понимать как различные формы пристрастного отношения субъекта к объекту, не сводимые к простой дихотомии «за» или «против»: интерес — это «всепроникающая характеристика аффективной и моторной жизни, это состояние, акт, отношение или благосклонное или неблагосклонное расположение» [13: р. 115] (перевод мой. — Е.М.). Дж. Дьюи также определяет ценность через процесс ценностного отношения (valuation) субъекта к объекту такого отношения. Природа данного процесса, однако, объясняется оценкой объекта в системе координат «средства – цель»: все связанные с достижением цели (end-in-view) объекты наделяются ценностью / оцениваются как средства её достижения [11: р. 15].

С другой стороны, ценность может рассматриваться как *свойство самих объектов*, не зависящее от отношения к ним субъекта. Роль человеческого восприятия в таком случае сводится к «осознанию» и концептуализации этой ценности. Примером такого подхода может быть концепция Николаса Решера [14], где ценность трактуется как *свойство «положений вещей»* (state of affairs). Ценность, по Решеру, является неотъемлемой характеристикой объекта, которую последний «проявляет» во взаимодействии с наделёнными интеллектом существами [14: р. 16]. Вместе с тем в данной концепции ценность также определяется как *значимость*, пусть даже и значимость, имманентная объекту, а не значимость для воспринимающего субъекта.

Из современных концепций в целом близкой нашему пониманию, однако более «расширительной», является концепция И.И. Докучаева. Приведём здесь его определение ценности: «Под ценностью мы понимаем идеальную модель какого-либо явления. Идеальность трактуется как набор требований к этому явлению, которое, стало быть, необходимо либо изменить, либо соотнести (оценить) в соответствии с моделью. Модель эта включает субъективные требования человека, которые, однако, трудно отделимы от объективных [3: с. 20]». Одной из важнейших характеристик ценностной модели является её тотальный характер: каждое явление мира имеет своё ценностное отражение. Другой важной характеристикой ценностной модели является её порождающий характер: ценностная модель лежит в основе всей человеческой деятельности и её продуктов [3: с. 61].

Укажем, что следует различать понимание ценности, являющееся, по-видимому, *производным от языкового значения* лексемы «ценность» и собственно *терминологического*. Мы под ценностью далее будем понимать идеальное (когнитивное) образование — «модель должного» (a value), задающую ориентиры человеческой деятельности. Те случаи, когда что-либо номинируется «ценным», следует рассматривать как вытекающее из языкового значения лексемы и практики её речевого употребления. Подобные высказывания следует трактовать как утверждение о том, что некоторый объект или явление обладает той или иной *значимостью*. Такая значимость может *определяться соотношением* с ценностной моделью, но сама по себе *не есть ценность*.

Как идеальная модель ценность существует в двух базовых формах. Во-первых, модель может рассматриваться как компонент индивидуального сознания, т. е. как когнитивная модель на материальном субстрате головного мозга индивида; во-вторых, как компонент надиндивидуального, общественного сознания. Как компонент общественного сознания ценность, в сущности, является разновидностью групповых представлений. Понимание ценности, таким образом, можно уточнить, указав, что ценность отражает *выработанное социумом*, находящимся на определённом этапе развития в определённых исторических условиях, *представление об идеальном положении вещей*, соотносимое с конкретной областью человеческой деятельности.

Поскольку мы исходим из представлений дискурсивной парадигмы, следует признать первичность социальных ценностей как в генетическом смысле, так и в качестве объекта анализа. О генетической первичности социальных ценностей говорится также и в работах по психологии (см., например: [4–5]).

Как социальная категория ценность конкурирует с другим понятием того же порядка — социальной нормой. Аналогично ценности норма выступает социальным ориентиром, определяющим «правильное положение дел» в определённой сфере человеческой деятельности. Одним из вариантов объяснения взаимодействия таких категорий является рассмотрение последних как элементов не дискретной шкалы. Сами категории следует определить как нечёткие множества (fuzzy sets). Так, тяготеющей к одному из полюсов шкалы будет категория нормы, определяемая как «модель социально-легитимного поведения» [3: с. 65]. Нормы ориентируются на пользу и истину, т. е. учитывают то, что объективно полезно, и принимают во внимание научные знания, хотя и не всегда. Крайняя позиция на шкале будет задана легитимизированной нормой — законом; ближе к центру расположатся нормы, отражаемые понятием «мораль». Противоположный полюс шкалы задают личностные ценности. Переходность / нечёткость категорий, представленных на шкале, объясняется как минимум двумя факторами. С одной стороны, для конкретного субъекта норма, осмысленная в какой-то момент его жизни и ставшая «свободно выбранной моделью деятельности», интегрируется в личностные структуры и становится ценностью [3: с. 65]. С другой стороны, для разных индивидов различные социальные представления будут иметь различный статус — для кого-то в качестве нормы, для кого-то в качестве ценности, для третьего, по-видимому, могут не значить вообще ничего. Ещё одно противопоставление

основано на понимании ценности как идеала, характеризующегося желанностью и притягательностью, а нормы скорее как свода ограничений, требующих соблюдения; притягательности и желанности нормы по определению лишены.

Несмотря на обозначенную выше приоритетность социологического толкования ценности, рассмотрение последней как феномена индивидуального сознания также релевантно для дальнейшего прояснения сути данного явления. Непосредственное отношение к этому вопросу имеет разграничение двух видов психологических структур — личностных смыслов и личностных ценностей. Будем исходить из того, что под (личностным) смыслом следует понимать субъективное отражение объективного места какого-либо объекта в жизненных отношениях субъекта с миром. Иными словами, объекты и явления внешнего мира предстают перед индивидом «окрашенными» в тот личностный смысл, который они имеют для индивида в силу их места в его жизнедеятельности (ср.: [5]). Как личностные смыслы, так и ценности имеют смысловую природу, а их функционирование является взаимодетерминирующим. Тем не менее личностные ценности не сводимы к личностным смыслам.

Собственно смысл и предопределяет описанную выше *значимость* чего-либо для субъекта. Такая значимость может, например, быть обусловлена отношением объекта к процессу достижения определённых целей субъекта. Ценность же по сравнению с личностным смыслом является образованием более *обобщённого порядка*, имеющим *внеситуативный* и *устойчивый* характер. В личностной ценности как индивидуальной психологической структуре внеситуативность проявляется в системном «охвате» одной ценностью различных жизненных ситуаций, где ценность выступает устойчивым системным принципом (ср.: [5]).

Понятие ценности также повсеместно «конкурирует» с другим распространённым понятием, а именно потребностью. Сближение этих категорий и их смешение хорошо иллюстрируется тенденцией определять первое через последнее, как в философии, так и в психологии. Одним из наиболее удачных аргументов в пользу разведения вышеозначенных понятий является аргумент, приводимый М.С. Яницким. Суть аргумента заключается в том, что, если бы ценности на самом деле определялись потребностями, не могло бы существовать таких состояний, как внутрилличностный конфликт, характеризующийся метафорой «запретный плод» [10]. Ряд весомых аргументов в пользу разведения двух категорий приводит также Д.А. Леонтьев [5: с. 226–232].

В качестве промежуточного вывода укажем следующее. Под ценностью мы будем понимать обобщённую и транситуативную модель должного, отражающую представление об идеальном порядке вещей в рамках определённой общественной практики. Двумя основными формами существования ценностей являются индивидуальные личностные ценности и общественные идеалы, имеющие надиндивидуальный характер, существующие в форме группового представления. Одной из основных форм фиксации и генерирования ценностных моделей как надиндивидуальных групповых представлений являются языковые корреляты общественных практик — дискурсивные формации.

Как известно, понимание категории «дискурс» даже в пределах лингвистики значительно варьируется. Мы предлагаем *четыре возможных трактовки*, которые расположим на оси от более общего к более частному. Во-первых, наиболее абстрактное понимание, когда дискурс трактуется как языковая составляющая процесса взаимодействия людей, как употребление языка в качестве инструмента деятельности. Во-вторых, понимание дискурса как языка в его использовании в конкретной области знаний / общественной практике. Примером такой дефиниции служат традиционные сочетания, вроде «политический дискурс» или «научный дискурс». В-третьих, как специфического способа «артикуляции элементов», отражающей / формирующей некоторое «видение мира» с точки зрения коррелирующей с данным дискурсом группы акторов. И, в-четвертых, под дискурсом может также пониматься конкретный текст с его экстралингвистическими связями и в его экстралингвистической обусловленности. В последнем понимании использование термина «дискурс» распространено в англоязычной традиции, в русскоязычной же традиции часто по-прежнему уместен термин «текст». Категория дискурса всесторонне проанализирована в теоретической концепции В.Е. Чернявской [7–9].

Хотя все предложенные трактовки могут теоретически иметь место в критическом дискурс-анализе, пониманием, применимым «по умолчанию», будет третья, которое, впрочем, не всегда явно отличается от второго. В основе такого понимания лежит представление о том, что *способы текстовой репрезентации не просто нейтрально отражают внешний мир, системы идентичностей и социальных отношений, но активно участвуют в их изменении и создании новых*.

В качестве иллюстрации функционирования дискурса как генератора и/или транслятора ценностных представлений можно привести процесс проникновения и становления общественной практики рекламы товаров и услуг в России и странах СНГ после распада СССР. Существует мнение, что помимо собственно «рекламирования» важной функцией рекламы на заре её внедрения в нашей стране была *генерация и трансляция ценностных моделей формирующегося общества потребления*. Реклама формировала определённое видение мира с интегрированными в него представлениями о должном и правильном, хорошем и плохом, задавала ориентиры и границы деятельности социальных акторов.

Взаимообусловленность дискурса и ценностных моделей имеет комплексный характер. Любой дискурс, понимаемый как артикуляция элементов некоторого видения мира, транслирует последнее не беспристрастно, но с точки зрения обобщённых представлений об идеальном порядке вещей для стоящих за дискурсом акторов. В реконструируемом дискурсом фрагменте мира всегда что-то рассматривается как желанное, правильное, хорошее, а что-то как отвергаемое, ложное, плохое. Дискурс отсекает одни варианты интерпретаций и предполагает другие — эту аксиому дискурсивного подхода можно и должно применить к функционированию ценностных моделей.

С представлением о порождающей силе ценностных моделей также коррелирует представление о дискурсе как системе моделирующей и (в определённой мере) создающей желаемое будущее. Явная иллюстрация этого

положения — ценностно-ориентированная категоризация на «своих» и «чужих», которая, как утверждают многие исследователи, есть продукт именно дискурсивных процессов [1–2]. Как известно из истории, такая категоризация может диктовать и диктует определённые варианты политических решений и порождает действия уже не дискурсивного характера (см., например: [9]).

Непосредственную «механику» взаимодействия ценностного / дискурсивного пространства с конкретными текстами следует в самом общем смысле определить как управление процессом вербализации: дискурс с вмонтированной в него системой ценностей определяет, какие элементы включать в текстовые репрезентации, а какие исключать, в каком порядке их комбинировать. С одной стороны, текст опирается на предзаданную дискурсом систему ценностей, «пассивно» формулирует некоторую ценностную позицию как само собой разумеющуюся. С другой стороны, текст может активно конструировать новые ценности или переформулировать старые, как правило, для продвижения «своего» мнения, обоснования решений и т. п.

Определим наиболее общие пути взаимодействия по линии «дискурс – текст». В первом приближении следует обозначить как минимум две текстовые стратегии, связанные с обращением к ценностным системам дискурсивного пространства. Первая стратегия связана с «координирующей работой» предзаданной системы ценностей определённого дискурса: ценностная / оценочная позиция вербализуется в целостной системе текста так, как если бы она была разделяемой «по умолчанию» потенциальным адресатом. Механика данной стратегии связана с эксплуатацией различного рода пресуппозиций и импликаций, использованием ключевых слов — ценностных концептов, развёртыванием системы средств языковой оценки в «безапелляционном» модусе, не предполагающем существование иной оценочной позиции. Вариант анализа данной стратегии был продемонстрирован нами в одной из ранее опубликованных работ [6].

Второй путь связан с «рационализацией» ценностей, или в дискурсивных терминах их «легитимизацией». В дискурс-анализе под «легитимизацией» (legitimation) подразумевается текстовая стратегия обоснования и/или объяснения чего-либо. В этой стратегии на первый план выходит их понятийный / рациональный компонент: ценность как бы становится объектом анализа. Такая ситуация имеет место, скажем, когда речь идёт о внедрении в дискурс новых ценностей, не составляющих ещё его область «данности». Например, в работе [12] продемонстрировано, как глобальные ценности переносятся в локальный контекст и легитимизируются с привлечением ресурсов различных глобальных типов дискурса (global discourse).

С другой стороны, речь может идти и об активном наполнении уже известной ценности новым содержанием, её переформулировании. В работе [15] с использованием инструментов текстового анализа показано, как в диахроническом срезе происходила интерпретация ценности (концепта) freedom в американском президентском дискурсе. Также автор демонстрирует, как данная ценность эксплуатировалась для обоснования (легитимизации) политических решений.

Итак, методология аксиологически ориентированного анализа предполагает, во-первых, работу с комплексной системой языковых средств текстового целого, во-вторых, дискурсивный подход осуществления текстового анализа. При этом мы исходим из положения о том, что методы текстового анализа позволяют в определённой мере реконструировать/смоделировать рецептивную программу, заложенную автором в текст. Такая программа может в том числе представлять собой актуализацию ценностного содержания. Данное содержание следует интерпретировать как «ценностное», если аналитическим путём обнаруживается некоторая устойчивость его реализации на *дискурсивном уровне*.

Библиографический список

Литература

1. Викулова Л.Г., Кулагина О.А. Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции «свои» – «чужие» во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака «Чёрная тетрадь») // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2013. № 2 (12). С. 33–42.
2. Викулова Л.Г., Серебрянникова Е.Ф. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в массмедийном коммуникативном пространстве // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2(14). С. 55–63.
3. Докучаев И.И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб.: Наука, 2009. 595 с.
4. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Современный социо-анализ: сборник работ авторов, получивших гранты Московского отделения Российского научного фонда и Фонда Форда. Вып. VI. М.: РНФ, 1996. С. 5–23.
5. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2003. 511 с.
6. Молодыхенко Е.Н. Риторика превосходства: аксиологическая перспектива (Барак Обама о Крымском кризисе) // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 155–165.
7. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: КД «Либроком», 2009. 248 с.
8. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: URSS, 2014. 200 с.
9. Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н. История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих». М.: ЛЕНАНД, 2014. 200 с.
10. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. 204 с.
11. Dewey J. Theory of Valuation // International Encyclopedia of Unified Science. Vol. II. № 4. Chicago: University of Chicago Press, 1939. 67 p.
12. Hazaea A.N., Ibrahim N., Mohd Nor N.F. Discursive Legitimation of Human Values: Local-global Power Relations in Global Media Discours // GEMA Online Journal of Language Studies. 2014. Vol. 14 (1). P. 171–187. URL: <http://ejournal.ukm.my/gema/article/view/3821/2677> (дата обращения: 10.11.2014).
13. Perry R.B. General Theory of Value: Its Meaning and Basic Principles Construed in Terms of Interest. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1950. 702 p.

14. *Rescher N.* Value Matters: Studies in Axiology. Frankfurt Lancaster: Ontos Verlag, 2004. 134 p.

15. *Sowińska A.* A critical discourse approach to the analysis of values in political discourse: The example of freedom in President Bush's State of the Union addresses (2001–2008) // *Discourse & Society*. 24 (6). Sage Publications, 2013. P. 1–18.

References

Literatura

1. *Vikulova L.G., Kulagina O.A.* Nacional'naya identichnost' v kontekste inakovosti: yazy'kovaya reprezentaciya oppozicii «svoi» – «chuzhie» vo francuzskoj literature XX veka (na materiale sbornika e'sse F. Moriaka «Chyornaya tetrad'») // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2013. № 2 (12). S. 33–42.

2. *Vikulova L.G., Serebrennikova E.F.* Struktury' modelirovaniya cennostny'x orientirov diskursa socialnoj real'nosti v massmedijnom kommunikativnom prostranstve // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2014. № 2 (14). S. 55–63.

3. *Dokuchaev I.I.* Cennost' i e'kzistenciya. Osnovopolozheniya istoricheskoy aksiologii kul'tury'. SPb.: Nauka, 2009. 595 s.

4. *Leont'ev D.A.* Cennost' kak mezhdisciplinarnoe ponyatie: opy't mnogomernoj rekonstrukcii // *Sovremenny'j socio-analiz: sbornik rabot avtorov, poluchivshix granty' Moskovskogo otdeleniya Rossijskogo nauchnogo fonda i Fonda Forda*. Vy'p. VI. M., 1996. S. 5–23.

5. *Leont'ev D.A.* Psixologiya smy'sla: priroda, stroenie i dinamika smy'slovoj real'nosti. 3-e izd., dop. M.: Smy'sl, 2003. 511 s.

6. *Molody'chenko E.N.* Ritorika prevosходstva: aksiologicheskaya perspektiva (Barak Obama o Kry'mskom krizise) // *Politicheskaya lingvistika*. 2014. № 3. S. 155–165.

7. *Chernyavskaya V.E.* Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'. M.: KD «Librokom», 2009. 248 s.

8. *Chernyavskaya V.E.* Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa. M.: URSS, 2014. 200 s.

9. *Chernyavskaya V.E., Molody'chenko E.N.* Istoriya v diskurse politiki: lingvisticheskij obraz «svoix» i «chuzhix». M.: LENAND, 2014. 200 s.

10. *Yaniczkij M.S.* Cennostny'e orientacii lichnosti kak dinamicheskaya sistema. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2000. 204 s.

11. *Dewey J.* Theory of Valuation // *International Encyclopedia of Unified Science*. Vol. II. № 4. Chicago: University of Chicago Press, 1939. 67 p.

12. *Hazaea A.N., Ibrahim N., Mohd Nor N.F.* Discursive Legitimation of Human Values: Local-global Power Relations in Global Media Discours // *GEMA Online Journal of Language Studies*. 2014. Vol. 14 (1). P. 171–187. URL: <http://ejournal.ukm.my/gema/article/view/3821/2677> (data obrashheniya: 10.11.2014).

13. *Perry R.B.* General Theory of Value: Its Meaning and Basic Principles Construed in Terms of Interest. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1950. 702 p.

14. *Rescher N.* Value Matters: Studies in Axiology. Frankfurt Lancaster: Ontos Verlag, 2004. 134 p.

15. *Sowińska A.* A critical discourse approach to the analysis of values in political discourse: The example of freedom in President Bush's State of the Union addresses (2001–2008) // *Discourse & Society*. 24 (6). Sage Publications, 2013. P. 1–18.

Д.М. Дружиловска

Некоторые характеристики языковых метафор во фразеологии делового общения на материале русского и польского языков¹

В статье рассматриваются особенности языковых метафор, на которых построены фразеологические единицы (далее ФЕ) делового общения русского и польского языков. Определяются понятия языковой метафоры, ФЕ, делового общения. Исследуются семантические, структурные, видовые свойства языковых метафор, а также механизмы метафорического моделирования. Цель исследования — выявить характеристики метафор, на которых построены ФЕ в сфере делового общения русского и польского языков.

The article is devoted to the peculiarities of linguistic metaphors providing the grounds for idiomatic expressions in Russian and Polish business communication. The concepts of linguistic metaphor, idiomatic expression, business communication are defined. The semantic, structural and typical characteristics of linguistic metaphors are studied, as well as mechanisms of metaphorical simulation. The purpose of the research is to identify the features of the metaphors on which the idiomatic expressions in Russian and Polish business communication are based.

Ключевые слова: языковая метафора; фразеологическая единица; деловое общение.

Keywords: linguistic metaphor; idiomatic expression; business communication.

Вданной статье представлены результаты исследования, направленного на выявление свойств метафорического переноса и выделение основных характеристик функционирования метафор во фразеологии делового общения.

Цель исследования предполагала выполнение следующих задач:

- 1) определение понятия языковой метафоры, определение её функций и видов;
- 2) определение понятий «деловое общение» и «фразеологическая единица» (ФЕ);
- 3) лексикографический анализ;
- 4) классификация фразеологического материала;
- 5) анализ семантических, структурных, видовых свойств языковых метафор, а также механизмов метафорического моделирования в рассматриваемых фразеологических единицах.

¹ Автор получила стипендию Национального центра научных исследований (Польша) на финансирование работы над кандидатской диссертацией (решение номер DEC-2014/12/T/HS2/00432 от 01.07.2014).

Метафора (от *греч.* *metaphorá* — перенос) — это троп или механизм речи, состоящий в употреблении одного слова, обозначающего какой-то предмет, явление, для наименования или характеристики другого предмета, явления, т. е. в переносе значения, по какому-то сходству [9: с. 296]. Сходство касается не только значений слов, но и сопоставляемых фрагментов внеязыковой действительности [12: с. 357].

Выделяются две основные разновидности метафоры: *литературная*, или *поэтическая*, *метафора* и *языковая метафора*². Оба вида метафоры похожи по механизмам формирования и структуре, но отличаются степенью оригинальности: поэтический перенос характеризуется необыкновенностью: чем он оригинальнее, тем заметнее индивидуальный характер писателя. Языковая метафора, в свою очередь, должна быть общепонятной и известной [8: с. 187].

Языковые метафоры могут реализоваться в виде одного слова (например, о храбром человеке говорят *лев*), фразеологического оборота или фразы. Таким образом они формируют фразеологическую систему языка³. Со временем языковые метафоры становятся общепонятными, они лексикализируются, расширяют сферу сочетаемости, в конечном счёте — стираются, т. е. переносное значение не воспринимается, а метафора становится конвенциональным, часто — идиоматическим — словосочетанием [8: с. 187].

Среди тенденций, проявляющихся в образовании натуральной метафоры, можно выделить *анимизацию*, *антропоморфизм*, *зооморфизм* [8: с. 189].

Метафора является одним из трёх основных способов пополнения словарного запаса языка. Когда в окружающей действительности обнаруживается новое явление, требуется слово для его обозначения: неологизм (лексический или фразеологический), заимствование, или неосемантизм, т. е. слово, уже существующее в языке, но приобретающее новое значение. В случае использования неосемантизма действует механизм метафоризации [12: с. 356]. Соответственно можно говорить о номинативной (идентифицирующей, классифицирующей) функции метафоры. К другим функциям метафоры принадлежат характеризующая и экспрессивная функции.

Традиционно в стилистике выделяют несколько основных типов переноса, к которым принадлежат: *перифраза*, *метонимия*, *синекдоха*, *гипербола*, *эвфемизм*.

Исследуя тему языковых метафор во фразеологии делового общения, необходимо прежде всего дать определение термину *деловое общение*: «Профессионально-деловое общение в широком смысле представляет собой профессиональную коммуникативную форму деятельности. <...> Деловое общение — это сложный многоплановый процесс установления и развития профессиональных

² Языковая метафора называется также *натуральным переносом*, *лексической*, *мёртвой*, *окаменевшей*, *стёртой метафорой* (ср., например: *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985; *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969).

³ О метафорической мотивации во фразеологии пишет А.М. Левицки: ср. «*Motywacja globalna frazeologizmów. Znaczenie przenośne, symboliczne i stereotypowe*» в: *Lewicki A.M.* Studia z teorii frazeologii. Łask: Leksem, 2003. С. 275–289.

и деловых контактов между людьми, осуществляемое знаковыми средствами взаимодействие субъектов, которое продолжается потребностью в совместной деятельности и включает в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека и оказание влияния на него» [10: s. 47]. Следует обратить внимание на тот факт, что под понятием делового общения нельзя подразумевать деловой стиль: он является лишь одной из форм делового общения, наряду с устной деловой речью, административно-деловым жаргоном и др. [10].

Как русскими, так и польскими лингвистами (В.В. Виноградов, Н.М. Шанский, А.И. Смирницкий, В.П. Жуков, А.В. Кунин, Н.Н. Амосова; Ст. Скорупка, А.М. Левицки, П. Мюльднер-Нецковски, В. Хлебда и др.), разработано много фразеологических концепций. В настоящей статье под ФЕ вслед за В.Н. Телля понимается не являющаяся словом языковая единица, воспроизводимая в готовом виде. Учёный называет ФЕ все сочетания слов, воспроизводимые в речи в соответствии с узусом употребления. Среди ФЕ можно выделить разные классы (идиомы, фразеологические сочетания, пословицы и поговорки, речевые штампы, клише, крылатые выражения), которые объединяют два признака: несколькословность (раздельнооформленность) и воспроизводимость [11: s. 58].

Как показало проведенное нами исследование во фразеологии делового общения, как в польском, так и в русском языке можно обнаружить все виды метафор, выделяемые в традиционной стилистике:

1. Виды метафор

1.1. эвфемизмы: *консультирование и помощь в развитии карьеры / zwolnienie monitorowane; przerwy w pracy, zakłócenia w pracy* (забастовка); *poprawa struktury cen, zmiana struktury cen, regulacje cen, ruch cen* (повышение, рост цен); *przejściowe trudności* (экономический кризис);

1.2. гиперболы: *дать по шанке / wylecieć na zbity pysk* (наказать, лишить должности); *выбросить на улицу, выкинуть на улицу / wyrzucić na ulicę / wyrzucić na bruk* (уволить с работы); *оказаться на улице / очутиться на улице / znaleźć się na ulicy, znaleźć się na bruku* (потерять работу); *море товаров* (изобилие товаров);

1.3. перифразы: *алмазный король* (глава фирмы, производящей алмазы); *бензиновый король* (глава крупной топливной компании); *водочный король* (глава фирмы, производящей водку); *барон прессы / король печати (прессы) / газетный король* (глава крупной издательской фирмы); *меховой король* (глава крупной фирмы, производящей меховые изделия); *компьютерный король* (глава крупной компьютерной компании); *нефтяной король* (глава крупной нефтяной компании); *обувной король* (глава крупной обувной фирмы); *стальной барон* (глава крупной сталелитейной компании); *король дыма/табачный король* (глава крупной табачной фирмы); *бумажный король* (глава крупной фирмы, производящей бумагу); *пушечный король / торговец смертью / фабрикант смерти* (глава крупной фирмы, производящей оружие); *химический король* (глава крупной химической компании); *король рекламы* (известный специалист по связям с общественностью); *обувная империя* (крупная обувная фирма); *табачная империя* (крупная табачная фирма);

1.4. метонимия: *белый воротничок / biały kołnierzyk* (сотрудник среднего звена, занимающийся умственным трудом); *синий / голубой воротничок / niebieski kołnierzyk* (работник, принадлежащий к рабочему классу, представители которого, как правило, заняты физическим трудом); *розовый воротничок / różowy kołnierzyk* (секретари, машинистки, телефонистки и т. п.); *зеленый воротничок / zielony kołnierzyk* (сотрудники, работающие в сферах, учитывающих экологические проблемы); *золотой воротничок / złoty kołnierzyk* (высококвалифицированные учёные и специалисты, обладающие предпринимательскими навыками использования своих профессиональных знаний); *коричневый воротничок* (работники сферы обслуживания); *серый воротничок* (работники отраслей социальной инфраструктуры); *рабочие руки / ręce do pracy*.

Через языковые метафоры во фразеологии реализуется оценочное отношение говорящего к описываемой ситуации. Ярким примером такой оценки являются ФЕ, обозначающие ситуацию увольнения с работы. В зависимости от точки зрения, т. е. с позиции увольняемого сотрудника или увольняющего работодателя, можно использовать ФЕ: в русском языке — *выбросить / выкинуть на улицу, оказаться / очутиться на улице*, в польском языке — *wylecieć na zbity pysk, wyrzucić na ulicę/bruk, znaleźć się na ulicy/bruks*; увольняющий, с целью смягчения отрицательной коннотации, сопровождающей лишение работы сотрудника, может говорить о *консультировании и помощи в развитии карьеры* (в русском языке) и *zwolnieniu monitorowanym* (в польском языке). В первом случае употребляются гиперболы, во втором — эвфемизмы.

Похожая ситуация наблюдается в случае перифрастических ФЕ, определяющих забастовку в польском языке. Её можно определить при помощи эвфемизмов: *przerwy w pracy, zakłócenia w pracy* или гиперболы: *bojkot pracy* (лексема *bojkot* имеет явно отрицательные коннотации, усиливающие негативное впечатление о забастовке).

Метафоры, на которых базируются ФЕ делового общения, выполняют номинативную, характеризующую и экспрессивную функции.

2. Функции метафоры

2.1. номинативная функция метафоры: *медвежья объятия / niedźwiedzi uścisk, misiowy uścisk* (обращение одной компании к правлению другой компании, указывающее на готовность приобрести её акции); *наблюдатель за акулами* (фирма, специализирующаяся на предупреждении попыток поглощения её компаний-клиентов другими («акулами»), а также на анализе торговли акциями компании-клиента);

2.2. характеризующая функция метафоры: *свободный мир / общество благоденствия / общество равных возможностей / свободное общество* (капиталистическое общество); *охотник за головами / талантами / łowca głów*; *шаман продаж / szaman sprzedaży* (успешный представитель по продажам); *свободный копьеносец / wolny strzelec* (человек, выполняющий работу без заключения долговременного договора с работодателем, нанимаемый только для выполнения определённого перечня работ); *anioł biznesu* (частный инвестор, вкладывающий деньги в инновационные проекты (стартапы)

на этапе создания предприятия в обмен на возврат вложений и долю в капитале);

2.3. экспрессивная функция: *лежачая фирма* (убыточное предприятие) (а также: *лежачий колхоз / совхоз*: об убыточном сельскохозяйственном / производственном объединении); *набивать себе карман* (быстро и обычно нечестным путём обогащаться); *дать / взять на лапу / dać / wziąć w łapę* (дать / получить взятку).

Можно выделить несколько метафорических моделей, на которых строятся ФЕ делового общения.

3. Метафорические модели

3.1. Антропоморфные метафоры

3.1.1. метафоры, использующие элементы одежды: *белый воротничок / biały kołnierzyk* (сотрудник, занимающийся умственным трудом); *синий / голубой воротничок / niebieski kołnierzyk* (работник, принадлежащий к рабочему классу, представители которого, как правило, заняты физическим трудом с почасовой оплатой); *розовый воротничок / różowy kołnierzyk* (секретари, машинистки, телефонистки и т. п.); *зелёный воротничок / zielony kołnierzyk* (сотрудники, работающие в сферах, учитывающих экологические проблемы); *золотой воротничок / złoty kołnierzyk* (высококвалифицированные учёные и специалисты, обладающие способностями использовать профессиональные знания); *коричневый воротничок* (работники сферы обслуживания); *серый воротничок* (работники отраслей социальной инфраструктуры); *набивать себе карман* (быстро и обычно нечестным путём обогащаться); *голубая пуговица* (стажёр на бирже); *кредит галстук-бабочка* (кредит с плавающей ставкой, по условиям которого все проценты сверх определённого уровня выплачиваются по истечении срока всего кредита); *покупка на шурке* (покупка ценных бумаг с минимальным доходом);

3.1.2. соматическая метафора

руки — *перейти из рук в руки / przechodzić z rączki do rączki* (непосредственно и быстро что-то переходит от одного к другому при срочном платеже наличными); *из первых рук / z pierwszej ręki* (непосредственно); *из вторых / третьих рук / z drugiej / trzeciej ręki* (через ряд посредников); *нагреть руки* (быстро и обычно нечестным путём обогащаться); *рабочие руки / ręce do pracy*; *дать / взять на лапу / 1) dać / wziąć w łapę*; 2) *przetawiać do czyjejś ręki* (дать / взять взятку);

мозг — *мозговой шторм / мозговая атака / burza mózgow* (групповое обсуждение с целью выдвижения идей и разрешения деловых проблем);

тело — *доступ к телу / bliżej ciała* (о наличии личных связей, которые используются для оформления деловых вопросов);

спина — *стоять за спиной / mieć plecy* (тайно оказывать кому-либо поддержку, покровительство).

3.2. Мир природы:

рейд на рассвете (практика быстрой скупки компанией значительного пакета акций другой компании без её предварительного уведомления); *снежный ком* (мошеннический способ рекламной продажи, состоящий в том, что товар продаётся покупателю только при условии размещения им последующих

продаваемых товаров среди других потенциальных покупателей); *more товаров* (изобилие товаров); *more дел* (много дел); *мёртвый сезон / sezon ogórkowy*; *firma krzak* (незарегистрированная, фиктивная фирма, действующая на нелегальных началах).

3.3. Зооморфная метафора:

крысиная гонка / wyścig szczurów (образ жизни в обществе с рыночной высококоразвитой экономикой, характеризующийся высокой личной и общественной активностью); *медвежья объятия / niedźwiedzi / misiowy uścisk* (обращение одной компании к правлению другой компании, указывающее на готовность приобрести её акции); *белый слон* (в биржевом жаргоне: выражение, обозначающее сделку, при которой расходы заведомо превышают потенциально возможную (предполагаемую) прибыль по ней); *купить kota в мешке / kupić kota w worku*; *дойная корова / dojna krowa* (название товаров, предприятий, приносящих постоянный, устойчивый доход, обеспечивающих практически неиссякаемый приток прибыли); *денежная корова*; *дойная корова / dojna krowa* (1. бизнес, дающий непрерывный приток наличных денег; 2. надёжная и доходная компания); *наблюдатель за акулами* (фирма, специализирующаяся на предупреждении попыток поглощения её компаний-клиентов другими («акулами»), а также на анализе торговли акциями компании-клиента); *птица высокого полета / gruba ryba* (влиятельный или занимающий важный, высокий пост человек; начальник); *жирный кот* (крупный бизнесмен / предприниматель (в США)); *акулы бизнеса / rekiny biznesu*; *азиатские тигры / azjatyckie tygrysy* (неофициальное название экономик Южной Кореи, Сингапура, Гонконга и Тайваня, демонстрирующих очень высокие темпы экономического развития; экономические тигры (наименование экономик стран, демонстрирующих очень высокие темпы экономического роста)); *канцелярская крыса*; *офисный планктон / biurowy plankton* (современное жаргонное выражение, используемое для обозначения «белых воротничков» — мелких офисных служащих); *птица невысокого полета / mała płotka*; *валютная змея / валюты змеи / wąż walutowy / waluty węże* (система согласованных валютных курсов между европейскими государствами; в 1979 году роль «змеи» заменила новая коллективная денежная единица ЭКЮ — евро); *черепашия кровь* (ценные бумаги с незначительной изменчивостью, от которых трудно ожидать быстрого роста (сленг)).

3.4. Географическая метафора:

финансовая Мекка (биржа); *Малая Европа / Mała Europa* (страны, входящие в Европейское экономическое сообщество («Общий рынок»)); *экономическая граница / granica ekonomiczna* (линия раздела между территориями, проведённая по экономическим основаниям); *китайская стена / chiński mur* (воображаемый информационный барьер между различными отделами компании); *голландский аукцион / aukcja holenderska* (аукцион, в ходе которого вначале объявляется самая высокая цена на продаваемый товар, а затем ставки снижаются).

Анализ собранного материала позволяет сделать следующие выводы:

1) во фразеологии делового общения русского и польского языков языковая метафора выполняет все традиционно приписываемые ей функции, т. е. коммуникативную, номинативную, экспрессивную и характеризующую;

- 2) наблюдаются все традиционно выделяемые виды метафоры, т. е. метонимия, гиперболоа, эвфемизм, перифраза;
- 3) в образовании фразеологии делового общения участвуют как стёртые, так и живые метафоры;
- 4) на метафоре построены ФЕ, в которых заложена образность, а также экономические термины, несмотря на то, что по своей природе они должны стремиться к точности и однозначности;
- 5) было выделено несколько метафорических моделей: зооморфная, антропоморфная, соматическая, географическая, метафора, использующая образы одежды, мир природы; метафорические модели пересекаются;
- 6) ФЕ делового общения русского и польского языков метафоричны, через метафоры, участвующие в их образовании, реализуется оценка действительности, выражается отношение говорящего к окружающим реалиям мира бизнеса.

Библиографический список

Литература

1. Основы русской деловой речи: учеб. пособие / Под ред. В.В. Химика. СПб.: Златоуст, 2012. 448 с.
2. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
3. *Kurkowska H., Skorupka S.* Stylistyka polska: zarys. Warszawa: PWN, 2001. 399 s.
4. *Tokarski R.* Metafora i metonimia w słowniku // Współczesny język polski / Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2010. S. 355–360.

Справочные и информационные издания

5. *Арутюнова Н.Д.* Метафора // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 296–297.
6. *Мокиенко В.М.* Новая русская фразеология. Opole: Uniwersytet Opolski: Instytut Filologii Polskiej, 2003. 168 s.
7. *Новиков А.Б.* Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). М: Русский язык, 2000. 352 с.
8. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М., 1999. 479 с.
9. *Bańko M.* Słownik peryfraz czyli wyrażen omownych. Warszawa: PWN, 2005. 344 s.
10. *Jochym-Kuszklikowa L., Kossakowska E.* Słownik rosyjsko-polski. Biznes i gospodarka. Warszawa: PWN, 2009. 638 s.
11. *Konopielko B.* Słownik finansowy rosyjsko-polski. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1996. 403 s.
12. *Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami.* Oprac. Kłosińska A., Sobol E., Stankiewicz A. Warszawa: PWN, 2005. 656 s.

References

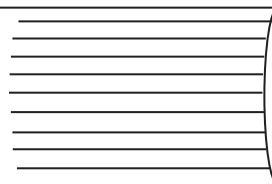
Literatura

1. Osnovy' russkoj delovoj rechi: ucheb. posobie / Pod red. V.V. Ximika. SPb.: Zlatooust, 2012. 448 s.
2. *Teliya V.N.* Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty'. M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 1996. 288 s.
3. *Kurkowska H., Skorupka S.* Stylistyka polska: zarys. Warszawa: PWN, 2001. 399 s.
4. *Tokarski R.* Metafora i metonimia w słowniku // Współczesny język polski / Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2010. S. 355–360.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

5. *Arutyunova N.D.* Metafora // Yazy'koznanie. Bol'shoj e'nciklopedicheskij slovar' / Pod red. V.N. Yarcevoj. M: Bol'shaya Rossijskaya e'nciklopediya, 1998. S. 296–297.
6. *Mokienko V.M.* Novaya russkaya frazeologiya. Opole: Uniwersytet Opolski: Instytut Filologii Polskiej, 2003. 168 s.
7. *Novikov A.B.* Slovar' perifraz russkogo yazy'ka (na materiale gazetnoj publicistiki). M: Russkij yazy'k, 2000. 352 s.
8. *Rajzberg B.A., Lozovskij L.Sh., Starodubceva E.B.* Sovremenny'j e'konomicheskij slovar'. M.: INFRA-M., 1999. 479 s.
9. *Bańko M.* Słownik peryfraz czyli wyrażen' omownych. Warszawa: PWN, 2005. 344 s.
10. *Jochym-Kuszlukowa L., Kossakowska E.* Słownik rosyjsko-polski. Biznes i gospodarka. Warszawa: PWN, 2009. 638 s.
11. *Konopielko B.* Słownik finansowy rosyjsko-polski. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1996. 403 s.
12. Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami. Oprac. Kłosińska A., Sobol E., Stankiewicz A. Warszawa: PWN, 2005. 656 s.

**ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

Н.И. Алмазова

**Гуманитарная стратегия:
от непрофильности к лидерству**

Предметом критического переосмысления является современная ситуация в гуманитарных исследованиях и образовании. Экономика знаний применительно к университетской образовательной системе означает приоритет экономических оценочных критериев при определении профильности / непрофильности направления для университета. Анализируются, с одной стороны, причины, обуславливающие имиджевый кризис и неполную востребованность гуманитарного результата и образовательного продукта, с другой, и направления, обеспечивающие точки роста и прорывы в современном технологизированном пространстве. Фокусируется статус гуманитарных технологий в ряду ключевых технологий при обеспечении конкурентоспособности отдельной области знания, научной школы, национальной науки.

This contribution re-evaluates the current state in research and education in humanities. The knowledge-based economy applied to high education policy and management implies priority of economic evaluation criteria in determining the directions being core / non-core for the university. The undertaken analysis highlights the grounds of an «image crisis» and deficient demand for humanitarian results and educational product as well as directions creating growth areas and supporting breakthrough in the modern technologized context. The article focuses on a heuristic potential of humanities, the relevant human technologies of getting knowledge and data from different sources and of tunneling them into education and academia both nationally and internationally.

Ключевые слова: гуманитарная парадигма; экономика знаний; гуманитарная технология; инженерия знаний.

Keywords: humanities; knowledge-based economy; human technologies; knowledge engineering.

Исходя из понимания современного образования как системы, «составляющей основу социальной жизни», следует, вероятно, критически взглянуть на современную ситуацию в гуманитарных исследованиях и образовании. Сегодня вопрос о том, зачем и кому нужны гуманитарии, маркирует передовой рубеж острой полемики. В сообществе

менеджеров образования дебатруется и зачастую ставится под сомнение само право на сохранение гуманитарных дисциплин в вузах негуманитарного профиля (технических, экономических и др.).

Экономика знаний диктует необходимость признания приоритета экономических оценочных критериев при определении профильности / непрофильности направления для современного университета. При этом нельзя не отметить некий имиджевый кризис и довольно условную, если не сказать неполную, востребованность гуманитарного результата и образовательного продукта. Такая ситуация характерна не только для российских реалий.

Современное общество функционирует в определённых, заданных реалиях, и система образования, как часть этого общества, находится под непосредственным воздействием этих реалий. Изменились условия, институциональная организация и статус системы образования, источники финансирования и партнёры-потребители научного и образовательного продукта. Это означает, что давно встали вопросы, от решения которых зависят методы и способы как теоретической, так и практикоориентированной работы в системе вузовской образовательной и научной практики. Отсюда возникает необходимость определить направления, обеспечивающие точки роста и прорывы в современном образовательном пространстве вуза.

Остановимся более подробно на актуализации концепции «**Экономика знаний как фактор модернизации образовательной системы**», которая обусловила тенденции к структурным и содержательным изменениям в российской образовательной системе. Как отмечают исследователи, в качестве мировой тенденции конца XX и первой декады XXI века обозначается тенденция восприятия университетской среды как общества аудита, в котором всё и вся подвергается измерению и оценке [8–10]. Применительно к университетской образовательной системе это означает приоритет экономических оценочных критериев при определении значимости, необходимости того или иного направления университета, его профильности / непрофильности для вуза. В образовательном пространстве делается акцент на прикладном результате в противовес так называемому «чистому» теоретизированию при отказе от идеи «меценатства» по отношению к ограниченно востребованным, оторванным от широкой практической приложимости направлений в университетской деятельности.

Экономизация науки и образования, как тренд в мировом пространстве, напрямую коснулась российских университетов, определяющих свою внутриинституциональную политику. Данный тренд диктует необходимость сокращать финансирование непрофильных университетских программ, которые не способны поддержать прорывные направления или не создают новые перспективные точки роста в научных исследованиях. Управление в области науки и образования означает фактически эффективную политику распределения финансирования между различными проектами и департаментами, основываясь на определении приоритетов и того, что следует считать научным качеством. В современных условиях в определение качества результата вносится особый акцент: качество измеряется в соответствии с ожиданиями

определённых групп потребителей — промышленность, бизнес-структуры, работодатели. Это предполагает наличие ясных представлений о значимости, востребованности, адресованности предлагаемого продукта [3; 4; 7]. Безусловно, это — вызов для гуманитарного образования, которое должно продемонстрировать готовность быть конкурентоспособным, т. е. способным создать такой интеллектуальный / образовательный продукт, который будет востребован на внутреннем и внешнем рынке.

Жёсткий формат экономики знаний ставит сегодняшние гуманитарные дисциплины перед экзистенциальной необходимостью осознать данные вызовы и определить предпочтения дисциплинарного развития. Исследователи фокусируют внимание на ряде проблем, имеющих решающее значение в обозначенном контексте.

Одной из таких проблем, по замечанию В.Е. Чернявской, является проблема переоценки собственной идентичности гуманитарного знания, «внутренний аудит» эвристической значимости гуманитарных исследований, которые определяют в XXI веке понимание того, что составляет — должно составлять — предмет теоретической и методологической работы, что конституирует её методику и процедуры [5].

Вторая проблема связана с осознанием значимости и ценности гуманитарного блока знания в широком социально-культурном контексте, так называемый «внешний аудит» в отношении гуманитариев и общества. Традиционное гуманитарное знание объединяет гуманитарные науки, исследующие одну предметную область — человека, т. е. в гуманитарно-научном познании действует принцип антропоцентризма, соотносящий и познавательный процесс, и его результаты с субъектом деятельности. Данная тенденция вытекает из приоритетов современного, постнеклассической стадии, развития научного (в том числе социогуманитарного) знания, основное проявление которого формируется и формулируется в образовательной теории и практике [4]. Принцип человекомерности позволяет органично приложить идею конвергенции наук, широко представляемую сегодня, например, Национальным исследовательским центром «Курчатовский институт» и понимаемую как необходимость обеспечивать обмен информацией среди специалистов, читать физику нефизикам, биологию небиологам, лингвистику нелингвистам. В этом случае гуманитарные науки, безусловно, будут участвовать в приращении знания и способствовать формированию новой элиты: инженерной элиты, научной элиты, менеджерской элиты. Такой современный формат функционирования гуманитарного знания по-новому определит его востребованность вследствие приоритетов и запросов, сложившихся в обществе.

Ключевые изменения поставлены в связь с прикладным характером знаний, когда в фокусе оказывается их эффективность и результативность, и с технологизацией гуманитарного знания, когда новый результат включается в парадигму не только как предмет, но и как операциональный способ его применения. «Технология» применительно к гуманитарному блоку раскрывает деятельностную природу человеческого познания и практики. Акцент перемещается на эффективность, результативность, практическую приложимость идей, концепций,

объяснительных моделей. Прикладная наука решает вопросы осмысления места человека в так называемых технико-ориентированных пространствах, проблемы освоения человеком создаваемых им средств и моделей [8]. Гуманитарный результат выступает в технологических формах и направлен не только и не столько на объяснение реальности, сколько на её изменение.

Экономика знаний фокусирует статус гуманитарных технологий в ряду ключевых технологий при обеспечении конкурентоспособности отдельной области знания, научной школы, национальной науки. Особая роль отводится задаче полноценного извлечения информации из различных источников и их оперативное представление для систем образования и науки. Гуманитарные методики и модели определяют, как систематизированы, упорядочены, архивированы в семиотическом пространстве результаты целенаправленной коллективной деятельности людей. Отечественные исследователи, в частности Л.Н. Беляева, отмечают, что «гуманитарными эти технологии называются потому, что составляющими в них являются “особые”, нематериальные элементы: знания, идеи, схемы, модели и конструкты, семиотические пространства и т. п.» [2: с. 8].

К задачам, связанным с применением гуманитарных технологий, относятся:

- изучение моделей оптимальной и эффективной передачи знаний в языковой форме;
- технологии извлечения информации и знаний из больших объёмов необработанных данных (Data Mining), поскольку в основе практически любой деятельности в современном технологизированном пространстве лежит умение анализировать, извлекать и обрабатывать информацию из различных источников;
- гуманитарный ракурс лежит в основе методов и инструментов влияния отдельных лиц, институций, корпораций друг на друга — это суть технологии социальной инженерии знаний (Knowledge Engineering).

К задачам, связанным с применением гуманитарных технологий, относятся:

- гуманитарная и лингвистическая экспертиза;
- аналитическая обработка языкового материала, извлечение и структурирование информации;
- аннотирование и реферирование документов на родном и иностранном языке.

В этом контексте сделаем лишний раз акцент на том, что экономика — это тоже гуманитарная наука, наука о человеке в постиндустриальном обществе. И если вернуться к высказанным выше суждениям об экономике знаний, то следует учитывать значимость обучения преподавателей и исследователей работе с текстом, внедрения в практику инженерии знаний, методик экстракции информации из текстов различной предметной и терминологической специфики. При этом необходимо соблюдать принцип преемственности и кооперации в использовании новых образовательных технологий. Однако образовательные новации не должны отрицать значимость сложившихся форматов высшего образования.

Перечисленные гуманитарные технологии лежат в основе гуманитарной подготовки всех специалистов. Применительно к будущим инженерам уместно привести слова, сказанные в конце XIX века председателем Совета министров

Российской империи С.Ю. Витте: «Воспитывать современного инженера без хорошей гуманитарной подготовки не только безнравственно, но и губительно для страны». Именно С.Ю. Витте создал в России систему элитарных технических вузов, во главе которых тогда стоял Санкт-Петербургский политехнический институт, ныне Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Таким образом, движение от непрофильности к лидерству гуманитарного знания в образовательной и научной сфере определяется необходимостью его «социальной реабилитации», под которой исследователи понимают социальную применимость и востребованность гуманитарных компетенций, в том числе у так называемой непрофильной аудитории.

В фокусе внимания должно быть ясное осознание того, что деятельность любого управленца, бизнес-аналитика, юриста, эксперта в любой области связана, по сути (даже если это не осознается как таковое), с текстом — его адекватным формулированием, извлечением информации, выделением ключевых тем и информационных объектов, структурированием информации [5]. Сформированность навыков и компетенций кодирования и декодирования информации в естественном и искусственном языках определяет существо понимания специалиста-эксперта своей предметной области в целом и существо стратегического планирования при решении профессиональных задач. Понимание этого рамочного пространства принципиально значимо: фундаментальная основа современного общества связана с культурно-семиотической составляющей — с извлечением и структурированием знаний из различных источников. Нет никакого иного способа существования в современном мире, кроме владения и овладения культурно-специфическими моделями закрепления и трансляции человеческого опыта. Ключевой тезис, подчёркиваемый здесь, таков: технологичность как общественно закреплённый способ производства чего-либо детерминирована на когнитивном уровне пониманием того, как и зачем это производить в человекомерном пространстве.

Основной целью вузов должна стать подготовка людей и команд, способных проектировать новые виды деятельности и обеспечивать трансформацию уже существующих корпораций, отраслей и территорий в соответствии с вызовами времени. В этой связи крайнюю актуальность приобретает требование повышения качества научных исследований преподавателей, аспирантов, магистрантов, а именно:

- выбор тем социально-значимых и связанных с реальной гуманитарной практикой (психолого-педагогические исследования, связанные с развитием личности; с новыми вызовами, влияющими на адаптацию личности к новым социальным условиям; социологические исследования, дающие объективный анализ современных условий развития личности; предложение новых образовательных технологий, учитывающих направленность на формирование социальной, культурной, гражданской идентичности и пр.).

- борьба с плагиатом;
- привлечение весомых экспертов к оценке научных исследований.

Обобщая сказанное, можно кратко сформулировать следующее. На уровне внутриинституционального управления, на уровне общественного сознания и государственной политики должно прийти ясное понимание ценности и значимости гуманитарного продукта. Это диктует, в свою очередь, для гуманитариев необходимость определять исследовательские приоритеты и ставить действительно актуальные задачи в прорывных направлениях.

Библиографический список

Литература

1. *Акопова М.А.* Компьютерные технологии в иноязычном высшем образовании // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2008. № 66. С. 137–141.
2. *Беляева Л.Н.* Автоматизированная лексикография: гуманитарные технологии. СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. 184 с.
3. *Ильин В.В.* Критерии научности знания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. 127 с.
4. *Тарева Е.Г.* Постнеклассическое бытование образовательной системы // Технологии построения систем образования с заданными свойствами: мат-лы V-й Международной научно-практической конференции. М.: МГТУ им. М.А. Шолохова, 2014. С. 147–149.
5. *Чернявская В.Е.* Качество научного знания как объект общественной оценки // Известия СПбГУЭФ. 2004. № 3. С. 78–85.
6. *Чернявская В.Е.* Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. М.: УРСС, 2011. 240 с.
7. *Чернявская В.Е.* Компетентность и легитимность эксперта в науке // Университетский научный журнал. 2014. № 7. С. 167–177.
8. *Akopova M., Chernyavskaya V.* Evaluation of Academic Science: Perspectives and Challenges. Analyzing the Experience of St. Petersburg State Polytechnic University // Zeitschrift für Evaluation. 2014. № 2. P. 348–357.
9. *Böhler F., Maasen S.* Die Transformation der Geisteswissenschaften 1990–2007 // Hölscher Barbara, Suchanek Justine (Hrsg.). Wissenschaft und Hochschulbildung im Kontext von Wirtschaft und Medien. Wiesbaden: VS, 2011. S. 63–89.
10. *Kimmich D., Thumfart A.* Universität und Wissensgesellschaft: Was heist Autonomie für die moderne Hochschule? // D. Kimmich, A. Thumfart (Hrsg.). Universität ohne Zukunft? Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2004. S. 7–35.
11. *Simon D., Dagmar S.* Selbststeuerung der Wissenschaft durch Evaluationen? Optionen und Grenzen institutioneller Forschungsbewertungen / K. Fischer, H. Parthey (Hrsg.); Evaluation wissenschaftlicher Institutionen // Wissenschaftsforschung Jahrbuch 2003. Berlin: Gesellschaft für Wissenschaftsforschung, 2004. S. 9–21.

References

Literatura

1. *Akopova M.A.* Komp'yuternyye tekhnologii v inoyazy'chnom vy'sshem obrazovanii // Nauchno-texnicheskie vedomosti SPbGPU. 2008. № 66. S. 137–141.
2. *Belyaeva L.N.* Avtomatizirovannaya leksikografiya: gumanitarnyye tekhnologii. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena. 184 s.
3. *Il'in V.* Kriterii nauchnosti znaniya. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1989. 127 s.

4. *Tareva E.G.* Postneklassicheskoe by'tovanie obrazovatel'noj sistemy' // *Technologii postroeniya sistem obrazovaniya s zadanny'mi svojstvami: mat-ly' V-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. M.: MGGU im. M.A. Sholoxova, 2014. S. 147–149.
5. *Chernyavskaya V.E.* Kachestvo nauchnogo znaniya kak ob'ekt obshhestvennoj ocenki // *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarsvennogo universiteta e'konomiki i finansov*. 2004. № 3. S. 78–85.
6. *Chernyavskaya V.E.* Kommunikaciya v nauke: normativnoe i deviantnoe. Lingvisticheskij i sociokul'turny'j analiz. M.: URSS, 2011. 240 s.
7. *Chernyavskaya V.E.* Kompetentnost' i legitimnost' e'ksperta v nauke // *Universitetskij nauchny'j zhurnal*. 2014. № 7. S. 167–177.
8. *Akopova M., Chernyavskaya V.* Evaluation of Academic Science: Perspectives and Challenges. Analyzing the Experience of St. Petersburg State Polytechnic University // *Zeitschrift für Evaluation*. 2014. № 2. P. 348–357.
9. *Böhler F., Maasen S.* Die Transformation der Geisteswissenschaften 1990–2007 // *Hölscher Barbara, Suchanek Justine (Hrsg.)*. Wissenschaft und Hochschulbildung im Kontext von Wirtschaft und Medien. Wiesbaden: VS, 2011. S. 63–89.
10. *Kimmich D., Thumfart A.* Universität und Wissensgesellschaft: Was heist Autonomie für die moderne Hochschule? // *D. Kimmich, A. Thumfart (Hrsg.)*. Universität ohne Zukunft? Frankfurt am Main: Suhkamp, 2004. S. 7–35.
11. *Simon D., Dagmar S.* Selbststeuerung der Wissenschaft durch Evaluationen? Optionen und Grenzen institutioneller Forschungsbewertungen / *K. Fischer, H. Parthey (Hrsg.)*; *Evaluation wissenschaftlicher Institutionen // Wissenschaftsforschung Jahrbuch 2003*. Berlin: Gesellschaft für Wissenschaftsforschung, 2004. S. 9–21.

М.С. Воскресенская

Интерактивный учебник как средство повышения мотивации студентов

В статье рассматриваются основные преимущества и недостатки интерактивных учебных пособий по иностранному языку с точки зрения формы презентации материала. Особое внимание уделяется влиянию интерактивного учебника на мотивационный аспект учебной деятельности. Исследуются возможности реализации личностно-деятельностного подхода к обучению посредством интерактивного учебника.

The article tackles the issue of interactive coursebooks of foreign languages from the point of view of their form; reveals their main advantages and disadvantages as well as studies their role in raising students' motivation and potential in the realisation of learner-centered approach to education.

Ключевые слова: мотивация; информационные технологии; интерактивный учебник; личностно-деятельностный подход.

Keywords: motivation; information technologies; interactive coursebook; learner-centered approach.

Активное развитие и внедрение компьютерных технологий во все сферы деятельности человека обусловили существенную переориентацию образовательного процесса в сторону усиления внимания к индивидуальности обучающихся, учёта их потребностно-мотивационной и ценностной личностных сфер. Данная тенденция вызвана тем, что педагоги всё чаще отмечают снижение познавательной активности обучающихся. Во многом это связано с преобладанием в учебных заведениях традиционных, сугубо репродуктивных методик и технологий обучения, которые на сегодняшний день становятся малоэффективными в связи с тем, что, с одной стороны, существенно и постоянно увеличивается объём материала, необходимый для усвоения. С другой стороны, современные обучающиеся максимально ориентированы на поисково-творческую деятельность, активное субъектное включение в процесс обучения, во все его компоненты: целеполагание, отбор содержания, используемые технологии, процедуры (само)контроля, разработку и/или оптимизацию средств обучения, в том числе учебника.

Новые образовательные парадигмы, которые разрабатываются в том числе для высшей школы, требуют изменения научно-теоретического подхода к обучению, что должно отразиться на его методической системе, технологии обучения, программно-методическом и техническом обеспечении [1]. Основным компонентом учебного процесса, «главным средством обучения и системой реализации целей обучения», был и остаётся учебник» [3: с. 126–127] Разумно предположить, что учебник иностранного языка в век информационных технологий должен эволюционировать, приобретать новую форму, отличную от той, в которую он был облачён до настоящего времени и с которой преподаватели привыкли работать. Учебник должен стать платформой для самореализации не только его авторов и преподавателя, но и студентов, способных к оценочному отношению к учебнику, к участию в его модификации с целью придания последнему интерактивного характера [6]. Неслучайно современные исследования, ведущиеся в области теории учебника, ориентированы на представление его деятельностно-компетентностной основы [7], обоснование его личностно развивающего потенциала [8].

На сегодня общепризнано, что информационные технологии способны вывести процесс обучения на новый уровень развития для того, чтобы соответствовать требованиям, предъявляемым к образованию современным обществом. Интерактивные средства обучения, включающие видео, графику, анимации и звук, создают информационную среду, в которой как студент, так и преподаватель приобретают качественно новые возможности. Мультимедийные технологии, в частности электронный учебник, обогащают процесс обучения, делают его более эффективным, воздействуя одновременно на зрительную, слуховую и эмоциональную память. Именно электронные учебники в отличие от традиционных аналогов сочетают в себе факторы, которые наиболее долго удерживают внимание (динамика, звук, изображение). Такое уникальное сочетание позволяет добиться лучшего усвоения учебного материала. Одновременно интерактивный учебник оказывает непосредственное влияние на формирование и / или усиление мотивации учебно-познавательной, учебно-профессиональной и квазипрофессиональной (по А.А. Вербицкому) деятельности.

Учебная мотивация определяется как частный вид мотивации, включённой в деятельность учения, учебную деятельность. Такой вид мотивации определяется целым рядом факторов, а именно:

- самой образовательной системой, образовательным учреждением;
- организацией образовательного процесса;
- субъектными особенностями обучающегося (пол, возраст, интеллектуальное развитие);
- субъектными особенностями педагога, прежде всего его отношением к ученикам и, наконец, самой спецификой учебного предмета [5: с. 257–258].

Учебная деятельность, согласно И.А. Зимней, побуждается прежде всего внутренним мотивом, когда познавательная потребность «встречается» с предметом деятельности — выработкой обобщённого способа действия — и «предмечивается» в нём, в то же время она побуждается самыми разными внешними мотивами, например — самоутверждения, престижности, долга, необходимости,

достижения и др. Исследования учебной деятельности студентов показали, что наибольшее влияние на её эффективность оказывает потребность в достижении, т. е. стремление человека к улучшению результатов своей деятельности [5: с. 261].

Формированию учебной мотивации способствует ряд существенных по значимости факторов. Внешними факторами её формирования являются: разнообразие деятельности и отсутствие рутины; демократичный стиль педагогической деятельности, отсутствие жёсткого контроля, позволяющие исключить стрессовость, установить более доверительные отношения «преподаватель – студент»; возможность свободного выбора направления видов деятельности (особенно в контексте дистанционного обучения или самообразования); успех в деятельности; осуществление личностно-деятельностного подхода к обучению; субъектно-субъектная модель организации учебной деятельности. К внутренним факторам относятся познавательный интерес, творческий вид работы, проблемность ситуаций, а также баланс возможностей и трудностей.

Учебник, являясь своего рода ядром образовательного процесса, способен выступить важнейшим из внешних факторов формирования устойчивой положительной мотивации у студентов. Для этого должен быть переосмыслен его формат, обновлено содержание, а также переоценено функциональное назначение. Учебник должен стать интерактивным и субъектно ориентированным. Это означает, что в конструировании и моделировании учебника, в организации образовательных технологий его применения должен принимать участие сам студент, обладающий собственным потребностно-мотивационным личностным фоном. Благодаря такому субъектному участию учебник способен приобрести инновационный, индивидуально ориентированный характер, а значит, позитивно повлиять на повышение учебно-познавательной мотивации студентов [6]. Такой формат учебника позволит решить задачу, которая встала перед современной средней и профессиональной школой — не только дать знания, но и воспитать тягу к ним, сформировав положительную мотивацию к их пополнению самими же учащимися [4].

В связи со сформулированной *концепцией учебника интерактивно-субъектного типа* представляется небезынтересным проанализировать демонстрационные версии электронных учебников французского издательства *Hachette FLE* [2] с целью выявления основных преимуществ и недостатков данных учебных материалов, а также потенциальной способности их влияния на формирование положительной учебной мотивации.

К основным преимуществам интерактивных учебников следует отнести:

- компактность: несколько компонентов интерактивного учебно-методического комплекса (книга для преподавателя и обучающегося, рабочая тетрадь) легко помещаются на флешкарте;

- экономность: аудио-, видеоматериалы, а также контрольно-измерительные материалы интегрированы в учебник, что позволяет значительно экономить время на уроке;

- контролируемость: контрольно-измерительные материалы интерактивных учебников позволяют получить результат сразу же после выполнения задания.

Это, в первую очередь, освобождает преподавателя от необходимости проводить рутинную проверку рабочих тетрадей, а студента наделяет свободой действий. Это поможет студенту осознать себя субъектом образовательного процесса, а также будет способствовать формированию у него внутренней мотивации, направленной на предмет обучения, получение новых знаний, а не на оценку преподавателя, как это бывает в случае внешней мотивации;

– коммуникативность: создаются благоприятные условия для восполнения иноязычной среды, стимулируется иноязычное общение обучающихся, формируя подлинные внутренние мотивы, пробуждая интерес и готовность осуществлять общение [3: с. 268]. Данные условия обеспечиваются благодаря тому, что рассматриваемый интерактивный учебник может выступать в качестве речевого партнёра. Данная способность реализуется в так называемых «интерактивных диалогах», где обучающийся может «пообщаться» с носителем языка в рамках типовых коммуникативных ситуаций. Такой подход не только подталкивает студента к порождению высказываний на иностранном языке, проявлению активности, но и стимулирует его учебный интерес;

– лёгкость навигации: анализируемый интерактивный учебник обладает особым программным обеспечением, которое позволяет с лёгкостью перемещаться от одного раздела к другому, делать записи на полях или в самом учебнике, записывать себя с возможностью последующего прослушивания и сравнения с записью-образцом. К тому же преподаватель может создавать и сохранять в учебнике свои блоки упражнений и прочие материалы, необходимые для дополнения уже существующих. При такой концепции учебник не является закрытой структурой и вполне поддаётся корректировке с учётом целей и задач обучения, а также данных промежуточной проверки усвоения знаний, умений и навыков;

– культуросообразность: аутентичные тексты, опросники, аудио- и видеоматериалы, интегрированные в учебник, дают возможность овладевать культурологически-специфической информацией, с помощью которой ученик приобщается к реалиям иного лингвосоциума и может интерпретировать картину мира носителей изучаемого языка.

Говоря о видимых недостатках интерактивного учебника, можно выделить следующие:

– трудозатратность создания таких УМК и их дороговизна, так как в процессе задействованы как методисты, так и программисты;

– для использования интерактивного учебника необходимы особые технические средства: интерактивная доска, планшетные компьютеры или персональные компьютеры при использовании в домашних условиях. Вместе с тем вполне возможно, что технические средства дадут осечку, в таком случае следует подстраховываться традиционным печатным вариантом учебника;

– при работе с интерактивным учебником не стоит оставлять без внимания медико-гигиенические указания, согласно которым при работе с компьютером необходимо делать перерывы каждые 15–20 минут, чтобы глаза отдыхали от напряжения. Старшим школьникам и студентам не рекомендуется проводить за экраном монитора более 2 часов в день;

– в учебнике слабо представлены задания для непосредственного включения студентов в его структурно-содержательное наполнение; таким образом, рассматриваемый учебник, являясь интерактивным, не носит субъектного характера.

Данное исследование основывается на личном опыте использования демоверсий интерактивных учебников издательства *Hachette FLE* при работе с группами неязыкового вуза (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина). Результаты апробации показали, что даже студенты, мало интересующиеся дисциплиной, проявили заинтересованность к иноязычной подготовке при условии использования данных учебников. Отчасти такой результат обусловлен эффектом новизны. Заинтересованность обусловлена также и насыщенностью учебника разнообразными материалами, вызывающими эмоциональный отклик у студентов.

В заключение стоит отметить, что интерактивный учебник — это учебное пособие нового образца, которое появилось на рынке учебной литературы относительно недавно и ещё не стало неотъемлемой составляющей образовательного процесса. Несмотря на свою новизну, данные средства всё более активно используются на уроках иностранного языка как в качестве основных, так и дополнительных, вызывая положительные отзывы у преподавателей и студентов.

Библиографический список

Источники

1. ФГОС ВПО по направлениям бакалавриата. URL: <http://www.fgosvo.ru/fgosvpo/7/6/1> (режим доступа свободный).
2. Сайт издательства «Hachette». URL: <http://www.hachettefle.com/pages/manuel-num/manuels-numeriques-presentation.php>.

Литература

3. Бим И.Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника. М.: Русский язык. 1974. 288 с.
4. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителя. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АРКТИ, 2003. 192 с.
5. Зимняя И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов. 3-е изд., пересмотр. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2010. 448 с.
6. Тарева Е.Г., Гальскова Н.Д. Инновации в обучении языку и культуре: Pro et contra // Иностранные языки в школе. 2013. № 10. С. 2–8.
7. Тарева Е.Г. Личностно развивающий потенциал учебного пособия по иностранному языку // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2007. № 538. С. 49–58.
8. Тарева Е.Г., Казанцева Е.М. Деятельностно-компетентностный подход к созданию учебных пособий для подготовки бакалавров // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 2 (10). С. 65–77.

References

Istochniki

1. FGOS VPO po napravleniyam bakalavriata. URL: <http://www.fgosvo.ru/fgosvpo/7/6/1> (rezhim dostupa svobodny'j).
2. Sajt izdatel'stva «Hachette». URL: <http://www.hachettefle.com/pages/manuel-num/manuels-numeriques-presentation.php>.

Literatura

3. *Bim I.L.* Metodika obucheniya inostranny'm yazy'kam kak nauka i problemy' shkol'nogo uchebnika. M.: Russkij yazy'k. 1974. 288 s.
4. *Gal'skova N.D.* Sovremennaya metodika obucheniya inostranny'm yazy'kam: posobie dlya uchitelya. 2-e izd., pererab. i dop. M.: ARKTI, 2003. 192 s.
5. *Zimnyaya I.A.* Pedagogicheskaya psixologiya: uchebnik dlya vuzov. 3-e izd., peresmotr. M.: MPSI; Voronezh: MODE'K, 2010. 448 s.
6. *Tareva E.G., Gal'skova N.D.* Innovacii v obuchenii yazy'ku i kul'ture: Pro et contra // Inostranny'e yazy'ki v shkole. 2013. № 10. S. 2–8.
7. *Tareva E.G.* Lichnostno razvivayushhij potencial uchebnogo posobiya po inostrannomu yazy'ku // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2007. № 538. S. 49–58.
8. *Tareva E.G., Kazanceva E.M* Deyatel'nostno-kompetentnostny'j podxod k sozdaniyu uchebny'x posobij dlya podgotovki bakalavrov // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2011. № 2 (10). S. 65–77.

Т.А. Полушкина

К постановке проблемы обучения студентов просодическому оформлению иноязычных публичных высказываний

В статье ставится проблема формирования иноязычной просодической компетенции у студентов-нелингвистов при обучении профессионально-ориентированной публичной речи на английском языке. Рассматривается актуальность проблемы, а также предлагаются возможные пути разрешения противоречий, возникших между нынешним состоянием обучения произношению в рамках формирования иноязычной риторической компетенции и современными отечественными и международными требованиями.

The article states the problem of developing L2 English prosodic competence by Russian non-linguists in the context of professional public communication. The points under consideration are the relevance of the research and the possible ways of resolving the contradictions caused by the clash between the current state of teaching English public speaking prosody and the present-day requirements.

Ключевые слова: межкультурная профессионально-ориентированная коммуникация; просодическая компетенция; риторическая компетенция.

Keywords: intercultural rhetoric and professional communication; prosodic competence; rhetorical competence.

Сегодня иноязычное образование развивается в пределах межкультурной парадигмы, возникновение которой обусловлено действием ряда факторов. Среди них развитие интеграционных процессов между различными государствами, укрепление тенденций глобализации, формирование мобильности (академической, профессиональной). Все эти процессы предопределили торжество межкультурного подхода как образовательной ценности, как стратегии, меняющей традиционные очертания лингводидактики как науки [3].

Ввиду возросшей потребности в межкультурной коммуникации на профессиональном уровне особую важность в процессе целенаправленной иноязычной подготовки приобретает формирование и совершенствование у выпускников вуза таких умений иноязычного профессионального общения, которые значимы с точки зрения соблюдения норм и правил *риторического* характера. Особая роль в повышении значимости профессионально-ориентированной риторики обусловлена расширением диапазона ситуаций профессиональной и деловой коммуникации, в которых реализуется публичное межкультурное общение. В качестве примеров могут послужить такие ситуации профессионального общения международного уровня, как встречи, собеседования, приёмы, совещания, конференции, переговоры, семинары, научно-

теоретические и научно-практические конференции, круглые столы, а также презентации результатов профессиональной или научной деятельности.

Авторы основных положений теории риторики и культуры речи (Т.А. Ладыженская, А.К. Михальская, Ю.В. Рождественский) считают *риторическую компетенцию* важнейшей составляющей коммуникативной компетенции и общей культуры речи на иностранном языке. В условиях повышенной академической мобильности, расширения зарубежных деловых контактов, вызванных процессами глобальной интеграции, всё большее значение стало приобретать формирование *иноязычной риторической компетенции*, которая необходима для продуцирования публичного выступления на иностранном языке [7: с. 137].

Именно иноязычная риторическая компетенция позволяет специалисту соответствовать нуждам современного глобализирующегося сообщества в плане нормативного предъявления публичных высказываний, предоставляет инструментарий для решения риторических задач, требующих актуализации «умений изобретать мысли и действия и облекать их в такую речевую форму, которая отвечает обстоятельствам» [6: с. 3], т. е. умений создавать «публичный» монолог, вести межкультурный диалог, управлять ими и всей системой иноязычных речевых коммуникаций в пределах своей компетенции, в том числе реализуя стратегии манипулятивного речевого поведения [4: с. 21].

Исходя из анализа современных российских требований к уровню сформированности общекультурных и профессиональных компетенций выпускника вуза — нелингвиста, можно сделать вывод о том, что иноязычная риторическая компетенция такого специалиста включает в себя следующие компоненты:

- владение навыками публичной и научной речи, аргументации, ведения дискуссии, принципами построения монологических текстов и ведения переговоров с зарубежными партнёрами;
- способность логически верно, аргументированно и ясно строить иноязычную устную и письменную речь;
- владение нормами и средствами выразительности устной и письменной речи и их использование в процессе профессиональной коммуникации;
- знание законов композиционно-стилевого построения речи, приёмов убеждения;
- владение основами деловых коммуникаций и речевого этикета, принятого в иноязычной среде;
- способность отстаивать свою точку зрения, соблюдая коммуникативное равновесие, т. е. не разрушая отношения, при этом учитывая свои деловые намерения.

В рамках лингводидактики как науки риторическая компетенция, целенаправленно формируемая в условиях подготовки студентов языковых и неязыковых вузов, изучается в ряде работ (П.А. Сидоренко, Р.А. Латыпов, В.В. Тарасенко, Е.А. Тарлаковская, Н.Л. Максименко, Т.В. Кондрашина), в которых представлены модели обучения на основе ситуаций профессионально-ориентированного общения или на основе профессионально-ориентированных текстов, а также затрагиваются вопросы обучения речевой реализации функции

воздействия. Как показывают результаты исследований, владение иноязычной риторической компетенцией имеет особое значение для выпускников тех направлений подготовки, которые требуют повышенного уровня речевой ответственности. Согласно ФГОС ВПО (2010) [1] и ФГОС ВО (2014) [2] для неязыковых специальностей, такими направлениями являются педагогическое образование, юриспруденция, политология, журналистика, связи с общественностью, международные отношения, государственное и муниципальное администрирование, торговое и гостиничное дело, туризм и сервис, бизнес-информатика и др.

Наряду с российскими образовательными стандартами особые требования к иноязычной риторической компетенции для уровней В2 – С1 выдвигают и общеевропейские стандарты владения иностранным языком. В них, в частности, фиксируется необходимость формирования:

- умения разворачивать чёткую систему аргументации таким образом, чтобы на всём протяжении сообщения за мыслью говорящего было несложно следовать;

- умения разворачивать систему доводов, должным образом выделяя важные моменты и подкрепляя утверждения подробной информацией;

- умения строить сложное, хорошо структурированное высказывание, пользуясь определённым набором средств связи; подробно освещая отдельные моменты, логично закончить высказывание;

- умения объяснить свою точку зрения по актуальному вопросу, указывая на плюсы и минусы, приводя доводы за и против;

- владения четким произношением для передачи тончайших оттенков значения с помощью соответствующей интонации и логического ударения [5: с. 60–62, 116, 124].

Как следует из вышесказанного, успешность достижения эффективности профессионально-ориентированной публичной речи во многом заключается в использовании правил и приёмов речевого воздействия, ключевое место среди которых занимают *просодические средства* (частота основного тона, интенсивность, длительность). Корректность просодического оформления публичного высказывания является одним из важнейших параметров риторической компетенции, обеспечивающих достижение перлокутивного эффекта в ходе коммуникации.

Изучению просодии иноязычной публичной речи посвящён ряд фундаментальных исследований (Е.В. Великая, Т.М. Надеина, Е.Л. Фрейдина), чья особая ценность для лингводидактики состоит в попытке дать формулировку таким понятиям, как **просодическая компетенция** и **просодический навык**, последний определяется как особый ритмико-интонационный навык, который включает в себя операции по переключению языковых регистров в речи (выше – ниже, плавно – резко, быстрее – медленнее и т. п.) в зависимости от выбора той или иной дискурсивной стратегии, соотносить просодические средства с ситуацией коммуникации и стилем речи по принципу целесообразности и корректности. Для актуализации просодических навыков и умений принципиально важно учитывать менталитет и особенности коммуникативного поведения слушающих. Таким образом,

просодические характеристики призваны выполнять риторические и прагматические задачи продуцента монологического высказывания.

Несмотря на очевидную значимость подготовки студентов к публичной речи на иностранном языке, в настоящее время целенаправленного формирования у студентов просодических навыков и умений не предусматривается, особенно применительно к программам неязыковых образовательных профилей. Как можно заключить, такое состояние дел обусловлено тем фактом, что в современной науке об обучении иностранным языкам данный вопрос находится на периферии исследовательского внимания.

Анализ ряда современных исследований, посвящённых проблемам формирования и совершенствования фонетической и/или фонологической компетенций (Н.А. Крестина, С.В. Еловская, Е.А. Аристов, Н.Л. Гончарова, А.А. Хомутова, О.О. Корзун, О.А. Лаврова, А.С. Дмитриевский, Е.А. Иванова), показал, что, несмотря на то, что при разработке методик формирования фонетической компетенции авторы учитывают актуальные тенденции в области обучения иностранному языку (личностно ориентированная парадигма, компетентностный подход, культуроориентированные подходы и пр.), внимание учёных в большей степени направлено на область изучения процессов формирования фонокомпетенции в языковом вузе. Фактическое состояние дел свидетельствует о полном отсутствии лингводидактических стратегий, ориентированных на формирование просодических навыков и умений в образовательных условиях подготовки выпускников — нелингвистов, чья профессиональная сфера деятельности связана с повышенной иноязычной речевой ответственностью. Очевидна необходимость разработки методики формирования просодических навыков и умений — таких компонентов риторической компетенции студентов, которые обеспечивают качество оформления публичных высказываний на иностранном языке.

Одним из путей разрешения вышеуказанной проблемы может стать разработка методики формирования просодических навыков и умений, значимых для публичного высказывания, которая будет основана на различных технологиях преодоления трудностей:

- технологии учёта общих и национально-специфических просодических характеристик родного и изучаемого языка, типичных для публичной речи;
- технологии опоры на интонационные образцы (паттерны) публичной речи, характерные для стиля публичной речи носителя высокой речевой иноязычной культуры.

Обучение просодическому оформлению профессионально-ориентированного публичного высказывания будет эффективным только при учёте принципов коммуникативной и профессиональной направленности образовательного процесса, учёта интонационных особенностей родного языка и их интерферирующего влияния, опоры на принципы сознательной и аналитической имитативности, комплементарности и компаративности.

Всё сказанное выше свидетельствует о том, что традиционная система обучения фонетической стороне иноязычной публичной речи студентов нелингвистического вуза требует преобразования как в научно-теоретическом, так и в практическом смыслах.

Библиографический список**Источники**

1. ФГОС ВПО по направлениям бакалавриата. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvpo/7/6/1/> (дата обращения: 28.10.2014).
2. ФГОС ВО по направлениям бакалавриата. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4/> (дата обращения: 28.10.2014).

Литература

3. Гальскова Н.Д., Тарева Е.Г. Ценности современного мира глобализации и межкультурное образование как ценность // Иностранные языки в школе. 2012. № 1. С. 3–11.
4. Иванова Ю.Е. Реализация стратегии манипуляции в англоязычной бизнес-презентации // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 1 (13). С. 19–25.
5. Общевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка / Департамент современных языков Директората по образованию, культуре и спорту Совета Европы; перевод выполнен на кафедре стилистики английского языка МГЛУ под общ. ред. К.М. Ирисхановой. М.: Изд-во МГЛУ, 2003. 256 с.
6. Рождественский Ю.В. Теория риторики. М.: Флинта: Наука, 2006. 512 с.
7. Тарева Е. Г., Колмакова О.А. Межкультурно-ориентированная технология обучения иноязычному научному выступлению // Межкультурное иноязычное образование: лингводидактические стратегии и тактики: коллектив. монография / Отв. ред. Е.Г. Тарева. М.: Логос, 2014. С. 137–152.

References**Istochniki**

1. FGOS VPO po napravleniyam bakalavriata. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvpo/7/6/1/> (data obrashheniya: 28.10.2014).
2. FGOS VO po napravleniyam bakalavriata. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4/> (data obrashheniya: 28.10.2014).

Literatura

3. Gal'skova N.D., Tareva E.G. Cennosti sovremennogo mira globalizacii i mezhkul'turnoe obrazovanie kak cennost' // Inostranny'e yazy'ki v shkole. 2012. № 1. S. 3–11.
4. Ivanova Yu.E. Realizaciya strategii manipulyacii v angloyazy'chnoj biznes-prezentacii // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 1 (13). S. 19–25.
5. Obshheevropejskie kompetencii vladeniya inostranny'm yazy'kom: izuchenie, prepodavanie, ocenka / Departament sovremenny'x yazy'kov Direktorata po obrazovaniyu, kul'ture i sportu Soveta Evropy'; perevod vy'polnen na kafedre stilistiki anglijskogo yazy'ka MGLU pod obshh. red. K.M. Irisxanovoj. M.: Izd-vo MGLU, 2003. 256 s.
6. Rozhdestvenskij Yu.V. Teoriya ritoriki. M.: Flinta: Nauka, 2006. 512 s.
7. Tareva E.G., Kolmakova O.A. Mezhkul'turno-orientirovannaya texnologiya obucheniya inoyazy'chnomu nauchnomu vy'stupleniyu // Mezhkul'turnoe inoyazy'chnoe obrazovanie: lingvodidakticheskie strategii i taktiki: kolektiv. monografiya / Otv. red. E.G. Tareva. M.: Logos, 2014. S. 137–152.

Военный переводчик, учёный, педагог: к 90-летию Изюм-Эрики Салиховны Рахманкуловой

В этом году празднует свой 90-летний юбилей наш друг, наставник и известный российский учёный *Изюм-Эрика Салиховна Рахманкулова*.

Изюм-Эрик Салиховна — доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, учёный-германист, известная в России и за рубежом, член диссертационных советов, член Российского Союза германистов (РСГ), с 1995 года — действительный член Международной академии информатизации, а также ветеран Великой Отечественной войны. Подготовив целый ряд учёных-германистов, она пишет об этом так: «У меня тридцать защитившихся аспирантов, восьмерых будущих докторов я консультировала. Все мои подопечные шли моим путём: исследовали богатый языковой материал структурно-функционально и все опирались на мои пять структурно-функциональных моделей предложения. Когда моя аспирантка, немка, защитила диссертацию на материале древневерхненемецкого языка, используя мои модели предложений, то я ещё больше уверовала в силу своей теории, памятуя высказывание Р. Гроссе¹, что только та теория может претендовать на валидность, которая работает и на историческом материале. Работа с аспирантами и докторантами всегда доставляла мне большое удовольствие» [1: с. 242].

Эрика Салиховна является автором 120 научных трудов, в том числе шести монографий и учебника для вузов. Основные научные труды учёного посвящены моделированию предложений, семантике глаголов, сравнительной типологии немецкого и русского языков, функциональной грамматике немецкого языка.

Под её руководством успешно развивается научная школа функциональной грамматики. В рамках функциональной грамматики автор вскрывает механизмы функционирования различных ярусов языковой системы, рассматривает синтез синтагматических и парадигматических аспектов языка, возможности моделирования синтаксических построений с учётом семантики языковых

¹ Р. Гроссе — современный немецкий учёный-лингвист.

единиц, значение валентности в построении предложения. В своих трудах И.-Э.С. Рахманкулова опирается на фундаментальные работы А.В. Бондарко и отмечает, что для её исследований характерно направление изучения языковых единиц как от содержания к форме, так и наоборот — от формы к содержанию [2].

И.-Э.С. Рахманкулова родилась 14 сентября 1925 года в г. Куйбышеве (Самара). Изюм-Эрик — в переводе с татарского «сладкая свобода». Эрика Салиховна — потомок очень известного татарского рода князей Аитовых (о нём написана статья в «Татарской энциклопедии») и входит в число самых известных женщин Татарстана. Её прадед Ибрагим Аитов спас татар от выселения из Казани, когда было разгромлено Пугачёвское восстание.

Эрика Салиховна изучала немецкий язык с пяти лет. В школе она училась отлично и окончила её с золотой медалью. В школьные годы Эрика Салиховна была, по её собственному мнению, «любительницей математики и запойного чтения днём и ночью» [1: с. 8]. Вот как учёный пишет о выборе будущей профессии: «Мой папа немного удивился, зачем я хочу посвятить себя такой сухой материи, да и исследовано тут в математике всё. Но я стояла на своём, ни о какой научной карьере я не мечтала, только быть учителем математики — вот предел мечтаний» [1: с. 86].

В 17 лет Э.С. Рахманкулова добровольцем ушла на фронт после курсов военных переводчиков, вдохновлённая подвигом Зои Космодемьянской. «У меня обычная внешность девочки сороковых годов: ещё не оформившаяся фигурка, но упрямые глаза, выражающие упорную веру в то, что человек приходит в этот мир для каких-то хороших дел» [1: с. 22].

Эрика Салиховна — пример смелости, героизма, любви к Родине и своим соотечественникам, как участник войны имеет 26 правительственных наград.

Она всегда была готова прийти на помощь в военное время и сейчас, в мирное время. «Вспомнился и первый спасённый мной человек — Виктор Пивоваров. И произошло это в самые первые дни моего пребывания на фронте. Я не успевала топтать в своих сапогах за мужчинами нашего разведотдела. Поэтому немного отстала от колонны и вдруг слышу тихий стон в кустах. Это был Виктор Пивоваров. Подтащила я его поближе к нашим, позвала на помощь. Прислал мне потом Виктор Пивоваров несколько писем на адрес полевой почты 271-й дивизии» [1: с. 10]. Эрика Салиховна не отказывает в помощи и сейчас, когда к ней обращаются коллеги, друзья, студенты и аспиранты.

Когда Изюм-Эрик появилась в 201-й дивизии, её встретили возгласами: «Что, уже детей стали на фронт присылать?» К ней бы и относились как к ребёнку, если бы она не проявила себя на своём первом допросе, где игодились полученные ею на курсах знания. После того как в штаб привели дрожащего от страха немца в маскхалате, Изюм-Эрик сразу поняла, что перед ней разведчик. Немец же утверждал, что работал при кухне. На вопрос, почему на нём маскхалат, пленный ответил, что это подарок его сослуживцев из разведроты. На просьбу предъявить документы последовал ответ, что они у старшины. Тогда Изюм-Эрик без запинки процитировала из немецкого устава статью [3]. Вот как об этом пишет Эрика Салиховна: «Я наизусть стала цитировать статью из немецкого полевого устава, где

говорилось, что солдатская книжка сдаётся старшине только перед выходом на задание в разведку. Помогла хорошая память. А ведь на занятиях думалось: «И зачем нам зубрить эти немецкие уставы?» Эффект, произведённый на немца процитированной статьей из устава, был ошеломляющим. Пленный сразу же «раскололся», сознался, что он разведчик, и дал весьма ценные показания» [1: с. 6–7]. И к Эрике сослуживцы стали относиться с уважением.

Изюм-Эрик служила на 1-м и 4-м Украинских фронтах с сентября 1943 года до конца войны. 27 марта 1944 года Сумско-Киевская стрелковая дивизия, куда девушка была переведена, вела тяжёлые бои в Прикарпатье. К реке Южный Буг подходили фашистские танки, и командир дивизии и ещё семь человек вынуждены были вплавь перебираться на другой берег. Ширина реки — около трёхсот метров. Соорудив плотик и положив на него знамя дивизии, Изюм-Эрик со своим командиром начала переправу: «Плывём, расталкивая льдины. Уже недалеко от противоположного берега судороги сводят мои ноги. Я чувствую, что иду ко дну. Но опять ощущаю крепкую руку Бузыкина. Он тащит меня к берегу. Вот мы уже чувствуем под ногами дно, выбираемся на берег. Я вижу, как Бузыкин обмякает и падает на колени. Под ним видна лужица крови. Он ранен в живот» [3]. Командир Бузыкин явился для Эрики примером мужества на всю жизнь, примером верности своему долгу.

Со 2 по 6 апреля 1944 года в Прикарпатье был сильный снегопад. По пути в деревню Гуков, куда она шла допрашивать пленных, её засыпало снегом. Изюм-Эрик пролежала в сугробе пять часов, перед глазами стали проходить одна за другой картины детства, лица дорогих ей людей, с которыми она уже мысленно прощалась, но произошло очередное чудо. На счастье Изюм-Эрики, на поверхности остался ремень от её планшетки. Он намотался на колесо телеги полевой кухни. Планшет был немецкий, подарок товарищей. Солдаты подумали, что, может быть, найдут в нём ценные сведения. Потянули за ремешок планшета, а вытащили почти замёрзшую девушку. Посадили на кухню и привезли в деревню [3]. «Через пару часов я уже оттаяла. Ноги и руки ещё болели, но я рванулась в разведотдел. Из разведотдела прибежал солдат, и, опираясь на него, я потащилась туда. Оказалось, меня ждали пять оставленных Пескарёвым немцев» [1: с. 19]. В результате этого «приключения» Изюм-Эрик отморозила ноги, которые напоминают о себе постоянными болями до сих пор.

Эрика Салиховна показала себя на фронте как ответственный, глубоко мыслящий военный. «Мне многое доверяли в полку. Так, я часто была оперативным дежурным по штабу полка. Оперативный дежурный отвечает за весь полк в течение суток. Пленных я чаще всего допрашивала самостоятельно, в самых разнообразных условиях. Иногда даже в окопе или землянке. Во время допроса своим внешним видом, подтянутостью, строгостью, но корректным поведением стремилась внушить допрашиваемым уважение. Мне несколько мешал в то время мой юный возраст (ведь мне было тогда только восемнадцать), и мне так не хватало солидности. А может быть, наоборот, мой юный вид способствовал созданию спокойной обстановки допроса и располагал пленных к откровенности» [1: с. 44]. Эти качества присущи Эрике

Салиховне и сейчас, она их проявляет в работе со студентами, аспирантами, коллегами.

Героизм, твёрдость духа Эрика Салиховна показала во время выхода из окружения по минному полю. «Почему же никто не идёт прямо? Я догадываюсь почему, но мне не хочется этому верить. Я хватаю карту и в свете горящих домов вижу, что я, к сожалению, не ошиблась, в ложбине перед нами находится наше минное поле. Мы со всех сторон окружены. Принимаю решение отступить по нашему минному полю... И вот начинается “танец” на минном поле... Идём очень медленно, след в след. Часто останавливаемся. Вася нагибается, садится на корточки, ощупывает землю вокруг себя. Был один страшный момент, когда кто-то, по-видимому, пошёл вслед за нами. Раздался взрыв, а затем крик. После уже никто не пытался идти за нами. Шли мы очень долго, часов восемь... Основным было соблюдать медленный, насколько это возможно, темп движения. К рассвету, а он в январе поздний, мы вышли, наконец, на дорогу» [1: с. 64]. Этот эпизод Эрика Салиховна часто вспоминает и теперь, считая его одним из самых опасных в своей военной биографии.

Изюм-Эрик ответственно подходила к выполнению любого поручения. Боевой офицер Мухин — свидетель первых успехов Эрики Салиховны — говорил, что «она допрашивала, как настоящий следователь, устраивала очные ставки для военнопленных, дающих противоречивые сведения, много работала с документами, даже с корреспонденцией военнопленных, с письмами их родственников» [1: с. 109].

В письме, которое Изюм-Эрик послала отцу с фронта 30 октября 1943 года, она писала: «В последнее время занимаюсь с разведчиками языком. Правда, пришлось заниматься немного, провела всего три занятия. Языку я их, конечно, не собиралась обучать. Их дело — только выучить нужные вопросы и ответы. Оказывается, преподавать не трудно, мне даже понравилось...» [3: с. 29].

В октябре 1945 года Изюм-Эрик поступила на педагогический факультет Военного института иностранных языков, через пять лет с отличием закончила его и была оставлена там же преподавателем. В 1958 году ею защищена кандидатская диссертация, а в 1975 году — докторская диссертация.

Во время подготовки докторской диссертации она разработала пять моделей предложений, в которых укладывалось семантическое содержание всех немецких глаголов. Докторская диссертация базируется на большом исследовательском материале. «Главное, что я попала к профессору Эрбену, в знаменитую картотеку примеров, которую начали выписывать ещё братья Гримм, а позже продолжали выписывать ещё сто человек. В то время, когда не было компьютеров, Интернета, корпусов текстов, эта картотека была настоящим сокровищем, в которую до меня ни один советский лингвист не получал доступа» [1: с. 224–225].

Эрикой Салиховной было выписано около 100 000 примеров из трёхмиллионной академической картотеки, 6 чемоданов примеров привезено в Москву. Проводя такую кропотливую работу по исследованию семантики немецких глаголов, она приняла на себя лишения, в первую очередь — отрыв от семьи. Но эти лишения принесли определённый успех. После доклада Эрики Салиховны

по итогам научной стажировки в Германии немецкими коллегами была создана рабочая группа во главе с Герхардом Хельбигом, и через год вышел известный «Справочник валентностей и дистрибуции немецких глаголов» [4].

Немецкие коллеги высоко оценили трудолюбие Эрики Салиховны. «Меня за моё трудолюбие воспринимали как человека, умеющего работать. И этого было достаточно, чтобы я была для них “своей”» [1: с. 237].

Всю свою жизнь Эрика Салиховна посвятила как науке, в частности теоретической грамматике, истории языка, семантике, теории аспектологии, так и преподаванию, проработав долгие годы (16 лет) руководителем кафедры иностранных языков в Московском институте электронного машиностроения, затем некоторое время (1977 год) возглавляла кафедру немецкого и скандинавских языков в МГИМО. Эрика Салиховна рассказывает, что ей очень рекомендовали перейти в МГИМО, поскольку она являлась не только великолепным теоретиком, но и практиком в преподавании немецкого языка. В стенах МГИМО Эрика Салиховна продолжала свою научную деятельность, совмещая её с руководящей работой [3].

В тот период (середина 1970-х годов) Эрика Салиховна отправляется в ФРГ в качестве «гостевого профессора». Работу Эрики Салиховны высоко оценили в Саарском университете. Её студенты хорошо сдали государственный экзамен, большинство из них сделали успешную карьеру, стали ведущими топ-менеджерами в именитых фирмах ФРГ. Накопленный в Германии опыт Эрика Салиховна успешно передавала своим подчинённым и студентам МГИМО [3]. С 1979 по 1996 год Эрика Салиховна заведовала кафедрой германской филологии в Московском областном педагогическом институте им. Н.К. Крупской и работала профессором той же кафедры.

С 1996-го по настоящее время И.Э.-С. Рахманкулова работает в Московском городском педагогическом университете на кафедре теоретической и прикладной лингвистики, о чём отзывается так: «Может быть, я оцениваю всё очень субъективно, но ни в одном прежнем коллективе я не чувствовала себя так комфортно с первой минуты. Для меня творчество стало определяющим на новом месте работы. У меня защитились не только аспиранты, но и восемь докторантов. Я сама написала четыре монографии. Из них уже две изданы и продаются в книжных магазинах. Стала я на последнем месте и заслуженным профессором МГПУ. Но самым замечательным для меня в МГПУ стали встречи с удивительными людьми, с которыми меня столкнула судьба уже, можно сказать, под занавес моей жизни. Одним из таких людей является Виктор Васильевич Рябов. Обладая чрезвычайной энергетикой, отсюда и его харизма, профессор, доктор исторических наук, член-корреспондент, этот человек притягивает к себе, как магнит, других энергетически заряженных людей». Эрика Салиховна выделяет также Олега Анатольевича Радченко: «Его ораторское искусство меня просто восхищает. Такое мастерство речи, без письменной поддержки... я наблюдала лишь у четырёх человек» [1: с. 291].

Эрика Салиховна ведёт активный образ жизни, является научным консультантом и членом диссертационных советов. Как и прежде, Эрика Салиховна полна творческих замыслов, идей. Рассуждая о смысле своей трудной, но интересной

жизни, она пишет так: «Я хотела принести в этот мир толику добра. Для себя я определила смысл жизни: я жила, чтобы восстановить справедливость для родителей, обеспечить благополучную жизнь родителям и сестре и в зрелом возрасте, жила и работала, чтобы поддержать интеллектуальный потенциал страны, в которой я выросла и которую я любила и люблю» [1: с. 244].

Хочется пожелать Эрике Салиховне здоровья, дальнейших творческих успехов!

Библиографический список

Литература

1. Рахманкулова И.-Э.С. Практика выживания. М.: Тезаурус, 2010. 293 с.
2. Рахманкулова И.-Э.С. Теоретическая функциональная грамматика немецкого языка. Глагол. М.: Тезаурус, 2006. 204 с.
3. Ширяева Н.В. Живая легенда // Филологические науки в МГИМО. 2014. № 53 (68). С. 22–30.
4. Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1969. 311 S.

References

Literatura

1. Raxmankulova I-E'.S. Praktika vy'zhivaniya. M.: Tezaurus, 2012. 293 s.
2. Raxmankulova I-E'.S. Teoreticheskaya funkcional'naya grammatika nemeczkogo yazy'ka. Glagol. M.: Tezaurus, 2012. 293 s.
3. Shiryayeva N.V. Zhivaya legenda // Filologicheskiye nauki v MGIMO. 2014. № 53 (68). 2014. S. 22–30.
4. Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1969. 311 S.

Е.В. Бирюкова

Сергей Акопович Джанумов: путь учёного

К 20-летию МГПУ

Заслуженный работник высшей школы РФ, заслуженный профессор МГПУ, доктор филологических наук Сергей Акопович Джанумов — фольклорист и литературовед, чьи труды известны в Российской Федерации, в ближнем и дальнем зарубежье.

Сфера интересов С.А. Джанумова — история русской литературы XVIII – начала XIX века, русский фольклор, проблемы взаимного влияния и обогащения книжной и устной словесности. Наиболее значительные труды С.А. Джанумова посвящены творчеству Пушкина, Вяземского, Грибоедова: «Народные песни, пословицы и поговорки в творчестве П.А. Вяземского» (1992), «Традиции песенного и афористического фольклора в творчестве А.С. Пушкина» (1998), «“Маленькие трагедии” А.С. Пушкина как авторский цикл» (2013), «“Ум и дела твои бессмертны в памяти русской...”: Жизнь и творчество А.С. Грибоедова» (2014). Творчество поэтов в них рассматривается в свете своеобразной «предыстории» — памяти о народных корнях. Исследуя проблемы трансформации фольклорного начала в русской литературе XVIII–XIX веков, С.А. Джанумов развивает лучшие традиции отечественной филологии, связанные с именами Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева, О.Ф. Миллера и др. Внимание к родному слову, уважение к первоисточнику, тщательность анализа всегда отличает его труды.

Интерес к фольклористике сложился у Сергея Акоповича ещё на студенческой скамье. Он был активным участником фольклорного кружка, которым руководила известный фольклорист, профессор, завкафедрой русской литературы МОПИ им. Н.К. Крупской А.М. Новикова. Тогда Сергей Акопович увлёкся записью фольклорных текстов во время экспедиций по Московской, Псковской, Орловской, Тульской областям.

Сближает современного учёного с традицией отечественной филологической школы и его отношение к педагогической деятельности. Окончив в 1966 году МОПИ им. Н.К. Крупской, Сергей Акопович с тех пор преподаёт, им воспитаны многие поколения студентов как в нашей стране, так и за рубежом. С 1979 по 1981 год он преподавал русскую литературу в Высших педагогических школах польских городов Жешува и Ополе, не раз выезжал для чтения лекций по русской литературе в Чехию (Карлов университет г. Праги), работал приглашённым профессором Индианского университета (США). С 1982 по 1990 год возглавлял факультет русского языка и литературы МОПИ.

С 1995 года С.А. Джанумов читает в МГПУ лекции и спецкурсы, ведёт спецсеминары по русской литературе XVIII и первой трети XIX века, руководит

магистерскими и кандидатскими диссертациями, является научным консультантом докторских диссертаций, он один из первых создателей магистерских программ.

За плодотворную педагогическую деятельность С.А. Джанумов награждён Почётным знаком Карлова университета г. Праги (Чехия), медалями «Ветеран труда», «В память 850-летия Москвы», нагрудным знаком «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». В 2006 году Указом Президента РФ В.В. Путина С.А. Джанумову присвоено звание «Заслуженный работник высшего образования Российской Федерации», в 2007 году учёный стал заслуженным профессором МГПУ и обладателем почётного диплома «За большой вклад в развитие литературного образования и создание справочных изданий для школы», а в связи с 15-летием нашего университета он награждён памятным знаком «За заслуги перед университетом». Неоднократно отмечен Почётными грамотами Департамента образования г. Москвы.

Деятельность С.А. Джанумова многообразна: он председатель диссертационного совета при МГПУ, председатель Библиотечного и член Научно-методического советов университета, член редколлегий «Вестника МГПУ», сборника «Русистика и компаративистика», член экспертного совета ВАК Министерства образования и науки РФ.

Т.А. Алтаева

Интервью с профессором кафедры русской литературы С.А. Джанумовым

Сергей Акопович любезно согласился ответить на несколько вопросов редколлегии «Вестника МГПУ».

С.А., как сформировался Ваш интерес к профессии? Были знакомы Вам сомнения, колебания, попытки уйти в другую область?

С.А. С детства любил читать художественную литературу, интересовался (с юношеских лет) работами отечественных литературоведов.

Вам приходилось много ездить с родителями и в самостоятельном возрасте. Это повлияло на Ваше понимание людей, своей профессии?

С.А. Да. Мой отец был почётным железнодорожником, в конце 1940-х – начале 1950-х годов это давало право на бесплатный проезд его семьи по всему Советскому Союзу. Но и потом, как говорят, в «сознательном» возрасте я довольно много ездил: во время фольклорных экспедиций записывал произведения устного народного творчества в Московской, Тульской, Орловской, Псковской и других областях, бывал как турист в Прибалтике, в Польше, а в 1965 году в числе группы студентов был на стажировке в Великобритании. Везде встречал интересных, хотя и разных по мировосприятию, воспитанию, культуре людей. Профессию же я выбрал уже после окончания школы: моя мама была учительницей (кстати, дед по отцовской линии тоже был учителем), поэтому решил поступать в Московский областной педагогический институт им. Н.К. Крупской (ныне МГОУ) на филологический факультет, где было тогда единственное в Советском Союзе отделение

русского языка, литературы и английского языка, готовившее учителей широкого профиля (как у нас шутили в институте: «профиль широкий — анфас узкий»).

На жизненном пути Вам, наверное, приходилось встречаться с выдающимися литературоведами, известными людьми. Не могли бы назвать их имена, кратко описать ситуации встреч?

С.А. Когда я был ещё студентом, руководитель нашего фольклорного кружка (а впоследствии мой научный руководитель по кандидатской диссертации) профессор Анна Михайловна Новикова водила нас на научные конференции по фольклористике, в Комиссию по народному творчеству при Союзе писателей, где мы отчитывались о результатах фольклорных экспедиций, выступали с докладами. Там я впервые познакомился с выдающимися фольклористами: Петром Григорьевичем Богатырёвым, Эрной Васильевной Померанцевой, Владимиром Прокопьевичем Аникиным. На конференции по проблемам историзма фольклора слушал выступления Владимира Яковлевича Проппа, историка Бориса Александровича Рыбакова и др. Во время командировок в Ленинград, в Институт русской литературы (Пушкинский Дом), познакомился с фольклористом Борисом Николаевичем Путиловым, во время ежегодных Пушкинских конференций слушал выступления Виктора Владимировича Виноградова, Михаила Павловича Алексева, Дмитрия Сергеевича Лихачёва и других великих филологов. Сами понимаете, какое это производило впечатление на молодого, только ещё начинающего свой путь в науке филолога, какой след оставило это в моей душе и памяти.

В своё время Вам пришлось организовывать кафедру. Насколько это было сложно?

С.А. Да, волей судьбы мне пришлось в 1995 году в МГПУ, куда меня пригласили на работу, создавать (как говорят, «с нуля») кафедру русской и зарубежной литературы. Не скажу, что это было легко, но кое-какой организационный и административный опыт у меня к тому времени имелся (почти 10 лет я был деканом факультета русского языка и литературы в моём родном МОПИ). Большую помощь и всемерную поддержку в организации кафедры мне оказывал тогда наш ректор, а теперь Президент университета В.В. Рябов. Вскоре на кафедру из разных вузов пришли на постоянную работу профессора Л.П. Кременцов, Б.А. Гиленсон, наши доценты (тогда молодые преподаватели — И.Н. Райкова, И.А. Беляева (теперь она уже профессор, доктор филологических наук), Л.И. Щёлокова, М.Б. Лоскутникова, Е.Ю. Полтавец, Т.Г. Дубинина (наша выпускница, ученица И.А. Беляевой), Т.С. Карпачёва и др. (я говорю только о тех, кто и сейчас работает на кафедре русской литературы ИГН), на работу по совместительству — профессора А.П. Ауэр, О.И. Федотов, С.Н. Травников, А.В. Ващенко, Н.Т. Пахсарьян, Т.А. Алпатов и др. Чуть позже (в 2008 г.) в составе нашей кафедры, теперь уже русской классической литературы и фольклора, стали работать профессора Н.М. Малыгина, А.И. Смирнова, А.В. Громова, доценты И.И. Матвеева, Е.В. Кудрина (все они пришли к нам после реструктуризации кафедры русской литературы

XX века, которую с 2001 года возглавляла Н.М. Малыгина). Я горжусь кафедрой, нашим замечательным коллективом, рад тому, что, несмотря на неоднократные реструктуризации, удалось сохранить её «костяк». Сейчас ею руководит доктор филологических наук, профессор А.И. Смирнова — высокий профессионал, опытнейший преподаватель с большим стажем работы, обаятельный и доброжелательный человек.

С.А., в какую сторону, по Вашему мнению, движется педагогическое образование?

С.А. Хотел бы быть оптимистом, но, увы, год от года набор абитуриентов (будущих студентов-филологов) оставляет желать лучшего. Пресловутый ли ЕГЭ тому виной или что другое, но нередко на экзамене по русской литературе обнаруживается, что студенты не читали (или, как они говорят, «читали давно») произведений русской классической литературы, например, «Капитанской дочки» или «Героя нашего времени». Я уже не говорю о том, что почти никто из студентов не может прочесть наизусть Пушкина, Лермонтова и других великих поэтов. Я привожу им в пример нашего ректора — Игоря Михайловича Реморенко, математика по специальности, который на вечере, посвящённом 20-летию университета, читал наизусть и очень выразительно отрывки из «Евгения Онегина». Так что школьное образование (по крайней мере, по литературе) год от года всё хуже и хуже. В вузе дело обстоит лучше: работают профессионалы, энтузиасты. Но им с каждым годом всё труднее: учебная нагрузка растёт (с будущего года она составит 750 часов у профессора, 800 — у доцента! Правда, в других вузах она ещё больше). Где уж тут заниматься полноценной научной работой, знакомиться с новой литературой по специальности, с полной отдачей читать лекции и вести практические занятия? Не примите это за брюзжание консервативного преподавателя, но, действительно, современному вузовскому преподавателю не позавидуешь.

Что Вы особенно цените в общении со студентами, аспирантами?

С.А. Скажу кратко: роскошь личного общения, беседы с ними, и не только на профессиональные темы, но и «про жизнь».

С.А., что для Вас классика? Как Вы относитесь к беллетристике, массовой литературе? Интересна ли Вам мемуаристика?

С.А. Опять-таки конспективно: А.С. Пушкин — «наше всё». Так и классика для меня — это всё, причём не только литературная, но и музыкальная, живопись и другие виды искусства. Когда мне плохо или я не в настроении (или, напротив, хочу ощутить полноту жизни, бытия), слушаю музыку Баха, Моцарта, Верди, Чайковского, перечитываю Пушкина, Тютчева, Толстого, Чехова, Бунина, Блока, Булгакова, Пастернака и др., да и из зарубежных писателей «кое-кого». Факт существования массовой литературы признаю, не отношусь к ней свысока, но её не читаю. Мемуаристику (хорошую, написанную мудрыми людьми, с большим жизненным опытом, которым есть что сказать) люблю.

Что Вы читаете «для души»? Как, по Вашему мнению, меняется круг чтения филолога с появлением электронных книг, отсутствием цензуры?

С.А. «Для души» — всю русскую и зарубежную классику. Это и есть круг чтения всякого филолога (плюс работы по специальности). К электронным книгам отношусь настороженно, так как, грешен, люблю читать печатные издания, особенно иллюстрированные, на хорошей бумаге. Всегда советую студентам знакомиться с русской классикой по академическим изданиям, текстологически безупречным, с беловыми и черновыми вариантами произведений, с обстоятельным научным комментарием.

Что бы Вы посоветовали нашим аспирантам-филологам?

С.А. Не буду оригинален: любить свою профессию, читать труды замечательных филологов и помнить: «Я знаю, что я ничего не знаю», т. е. всё время работать над собой. Тогда всё получится.

А коллегам — преподавателям кафедры русской литературы?

С.А. Оставаться такими же знатоками своего дела, такими же красивыми, мудрыми, общительными.

На какой вопрос Вы хотели бы ответить, но мы его не задали?

С.А. «Чому я не сокил, чому не летаю?» (строка из украинской народной песни).

Спасибо, С.А., за интересные ответы, добрые пожелания. В дни Вашего юбилея сотрудники кафедры русской литературы благодарят Вас за высокий профессионализм и прекрасные человеческие качества, позволявшие коллективу с достоинством выходить из сложных ситуаций, которых было немало за 20 лет! Желаем Вам здоровья, оптимизма и новых замыслов, воплощающихся в книги!

К 75-летию Людмилы Ивановны Осиповой

18 декабря 2015 года Людмиле Ивановне Осиповой, доктору филологических наук, профессору кафедры русского языка Института гуманитарных наук МГПУ, исполняется 75 лет.

Л.И. Осипова родилась на юге Казахстана. Школу окончила с золотой медалью, без экзаменов поступила на филологический факультет Казахского государственного университета и с отличием его окончила; после окончания университета продолжила образование в аспирантуре МОПИ им. Н.К. Крупской, после окончания которой защитила кандидатскую диссертацию на тему «Закономерности словообразования и лексикализации деминутивов в русском литературном языке»; вернулась в Алма-Ату, работала в Институте иностранных языков на кафедре русского и общего языкознания, вела курсы латинского языка, общего языкознания, методов изучения языка. После переезда в Москву Л.И. Осипова работала в Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева, МОПИ им. Н.К. Крупской, МПГУ им. В.И. Ленина. В 2000 году защитила докторскую диссертацию «Актуальные процессы в современном русском словообразовании (суффиксальная универбация и усечение)», которая стала результатом многолетних наблюдений над языковыми процессами.

С 1996 года Л.И. Осипова работает на кафедре русского языка МГПУ: читает лекции, ведёт практические занятия, руководит аспирантами и соискателями; она заместитель председателя диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по русскому языку и литературе. Её перу принадлежит более 90 научных и научно-методических работ по проблемам словообразования, морфологии, теории языка. Среди них: «О словах типа *маршрутка*, *кругосветка* в современном русском языке» (1985), учебное пособие по словообразованию «Активные процессы в современном русском словообразовании (суффиксальная универбация и усечение): пособие к спецкурсу» (1994), словарь-справочник по материалам прессы и литературы 1960–1990 гг. Новые слова в русском языке. Суффиксальные универбаты женского рода с суффиксом *-к-а*» (2001), учебное пособие для студентов высших учебных заведений «Морфология современного русского языка» (изд-во «Академия», 2010), учебник для студентов учреждений высшего профессионального образования «Введение в языкознание» (изд-во «Академия», 2013), монография «Имена существительные-универбы в русской разговорной речи» (2014) и др.

Общение с Людмилой Ивановной Осиповой завораживает. Она умеет понимать людей, дарить им своё тепло и искренность. В то же время она производит

впечатление закрытого человека, очень строгого преподавателя. Как ей удается быть такой «разной»?

— Людмила Ивановна, Ваш стаж работы в вузе — 48 лет. Почему всё-таки русский язык — наука — педагогика?

— Когда на старших курсах университета передо мной встала дилемма: язык или литература, после долгих раздумий я предпочла первое, хотя очень любила и люблю поэзию и... сатиру. В юности бредила Блоком, потом перечитывала Салтыкова-Щедрина и Достоевского. Время моей юности — 60-е годы; Пастернака, Цветаеву, Ахматову, Мандельштама мы читали тайком. Спецсеминар по теории стихосложения у нас вел А.Л. Жовтис, известный учёный и переводчик, друг Ю.М. Лотмана. Меня привлекала медитативная лирика, я писала пародии, поэзия воспринималась рационально-чувственно, цельно и гармонично, и поверять «алгеброй гармонию», тем более в юности, не было желания.

В языкознание я ушла как во внутреннюю эмиграцию, потому что уже в юности понимала, как трудно, практически невозможно было бы заниматься литературной критикой в те годы. А в науке есть своя поэзия.

Я люблю свою профессию, студентов, и надеюсь, что это взаимно.

— Я знаю, Вы в юности писали, писали талантливо и, увы, в стол... Если бы Вам предстояло написать роман о собственной жизни, какие главы туда вошли бы? Какая глава, как Вам кажется, будет самой интересной?

— У меня довольно пестрая «география биографии», пришлось много поколесить по стране (СССР). И если бы мне довелось написать о своей жизни, то в первую очередь это были бы рассказы об интереснейших людях, с которыми мне посчастливилось встретиться и общаться. И конечно, о моём отце, умнице, остроумнейшем человеке, учителе математики, которого обожали ученики и ценили коллеги. А вот о том, что вся его семья была репрессирована и ему пришлось бежать из родных мест на север Казахстана, где он и встретил мою будущую маму (ее родители по стальной реформе перебрались туда из Украины), об этом он рассказал мне незадолго до своей смерти. Думаю, понятно почему.

— К чему в прошлом больше тяготеет Ваша душа?

— Все мы вышли из детства, а оно у меня было счастливым, несмотря на все трудности военного и послевоенного времени: любящие и любимые родители и сестра, чувство защищённости, родные стены, хотя и земляной пол в крошечном саманном домике на юге Казахстана.

— Подпадали ли Вы когда-нибудь под чьё-то человеческое или творческое влияние? И насколько сильно?

— Во время войны в Среднюю Азию было эвакуировано много творческой интеллигенции, поэтому в нашем университете в Алма-Ате был сильный преподавательский состав. Достаточно сказать, что лекции по литературе, перемежая их воспоминаниями, нам читала Т.В. Поссе, дочь В. Поссе, друга Л.Н. Толстого. Поистине связь поколений и эпох — через 2–3 рукопожатия. М.М. Копыленко, В.М. Никитевич, А.Л. Жовтис — все они, несомненно, оказали на меня

определённое влияние. Вспоминаются встречи с Ю.О. Домбровским — в Алма-Ате, где он жил после ссылки, потом в Москве — его рассказы о своей жизни.

— *Вы когда-нибудь жалели о прошлом, об упущенных возможностях?*

— «...и не жаль мне прошлого ничуть». Конечно, бывали ситуации, в которые разумнее было бы не попадать. Говорят, характер — это судьба, тем не менее я старалась не нарушать 10 заповедей, уж точно не совершала подлостей и никого не предавала. К счастью, я лишена чувства зависти и всегда радуюсь успехам друзей и коллег.

— *Кто-то из известных людей сказал, что почти в каждой профессии есть что-то тёмное... Издержки, например, актерской профессии, в том, что, переживая личный драматический момент, актер всегда думает о том, что это состояние нужно запомнить, чтобы потом сыграть. Как Вам кажется, есть что-то тёмное в нашей профессии?*

— Думается, в нашей профессии, хотя она и сродни актерской, просто не может быть ничего тёмного. Она светлая и благородная по своей сути. Негатив может исходить только от человека, случайно оказавшегося в этой профессии.

— *Вы принадлежите к числу самых ироничных людей на нашей кафедре, но мне кажется, что в жизни Вы очень серьёзны и даже немножко печальны. Ирония — это Ваш имидж или Ваша суть?*

— Если следовать Вашей постановке вопроса, то ирония — это, конечно, суть, это восприятие мира с одновременной его субъективной оценкой.

— *Иван Ургант как-то сказал, что женщине необязательно быть остроумной, она должна быть смешливой. Что Вы на это скажете?*

— Остроумие — это врождённое свойство, и оно не имеет гендерной дифференциации.

— *Людмила Ивановна, с кем Вы делитесь сокровенным? Есть люди, которым Вы рассказываете о своих проблемах? Вам важно мнение близких о том, что Вы делаете?*

— В нашей стране не принято обращаться к психоаналитикам, да их и нет в таком количестве и хорошего качества. К сожалению, у меня почти не осталось близких, так что, перефразируя Тютчева, «...жить лишь в себе самом умей!».

А решения я всегда принимаю сама.

— *Что сейчас способно доставить Вам настоящую радость, а что — огорчение?*

— Самое главное — здоровье и благополучие сына, ну и мне желательно не болеть.

— *Какие книги Вы пронесли через свою жизнь и перечитываете? Какие бы Вы взяли с собой на необитаемый остров?*

— На необитаемый остров я взяла бы «Максимы» Ф. Ларошфуко, «Опыты» М. Монтеня, «Commentarii de bello Gallico» Цезаря, естественно, со словарем. И ещё томик Ф. Тютчева.

— *Какое современное или классическое произведение наиболее полно и глубоко отражает Вашу сущность? Такая книга уже написана?*

— «Заповедь» (в другом переводе «Сыну века») Р. Киплинга.

— *Людмила Ивановна, меняется ли с возрастом Ваше отношение к жизни?*

— Кардинально — нет.

— *Много ли сегодня общего между той девчонкой из Алма-Аты и Людмилой Ивановной Осиповой, доктором филологических наук, профессором известного столичного вуза?*

— Думаю, что да. Суть характера, мировосприятие, мировоззрение, отношение к жизни, работе, людям — в своей основе остались неизменными. Конечно, «опыт, сын ошибок трудных» внёс определённые изменения и дополнения, но они скорее количественные, нежели качественные.

— *О чём Вы мечтаете?*

— Знаете, мечтают обычно в юности, а в зрелом возрасте — вспоминают. Хотелось бы как можно дальше приносить пользу окружающим и достойно завершить жизненный путь.

Людмила Ивановна, мы, Ваши коллеги и ученики, искренне поздравляем Вас с 75-летием и, пользуясь случаем, хотим признаться Вам в любви! Мы ценим и уважаем Вас, от всей души желаем крепкого здоровья, долголетия и ещё много раз встречать юбилеи среди коллег и друзей.

С Л.И. Осиповой беседовала А.В. Горелкина

АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ», 2015, № 3 (19)

Алексеев Александр Валерьевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка ИГН МГПУ.

E-mail: alsalva@narod.ru

Алмазова Надежда Ивановна — доктор педагогических наук, профессор, директор Гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого.

E-mail: almazovanadial1@yandex.ru

Алпатова Татьяна Александровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы МГОУ.

E-mail: alpatova2005@rambler.ru

Бирюкова Евгения Викторовна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики ИИЯ МГПУ.

E-mail: evb1303@rambler.ru

Бубнова Ирина Александровна — доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой зарубежной филологии ИГН МГПУ.

E-mail: aribubnova@gmail.com

Викулова Лариса Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, замдиректора ИИЯ МГПУ по научной работе и международной деятельности, профессор кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpu.ru

Воскресенская Мария Сергеевна — ассистент кафедры иностранных языков Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); аспирант кафедры французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

E-mail: voskresenskaya_m@mail.ru

Горелкина Анастасия Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ИГН МГПУ.

E-mail: gorelkinaav@mail.ru

Дружиловска Дорота Мария — кандидат филологических наук, Институт славянской филологии Вроцлавского университета, Польша.

E-mail: dorotadru@gmail.com

Жуков Иван Александрович — аспирант кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: ivan-alexandrovich@rambler.ru

Кутеева Неля Эдуардовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии ИГН МГПУ.

E-mail: n_kuteeva@mail.ru

Матвеева Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: matv1@yandex.ru

Молодыхченко Евгений Николаевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент Департамента иностранных языков НИУ «Высшая школы экономики» в Санкт-Петербурге.

E-mail: e.molodychenko@gmail.com

Новиков Николай Валерьевич — аспирант кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: niko1933@yandex.ru

Осипова Людмила Ивановна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка ИГН МГПУ.

E-mail: LIOSIPOVA40@gmail.com

Полушкина Татьяна Александровна — преподаватель английского языка кафедры иностранных языков Московского физико-технического института (государственного университета); аспирант кафедры французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

E-mail: polushkina@gmail.com

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

Соколова Регина Алгиманто — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина.

E-mail: r.sokolova@rsu.edu.ru

Сулейманова Ольга Аркадьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: olgasoul@rambler.ru

Тао Юань — доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка Института иностранных языков Шэньсийского педагогического университета, стажёр кафедры русского языка и методики преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: tao1973@mail.ru

Шаповал Виктор Васильевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания истории ИГН МГПУ.

E-mail: liloro1@yandex.ru

Чупрына Ольга Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: ochupryna@yandex.ru

«MCTTU Vestnik» / Authors, series «Philology. Theory of Linguistics.
Linguistic Education», 2015, № 3 (19)

Alekseev Alexander Valeryevich — PhD (Philology), docent, associate professor of the Russian Language department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: alsalva@narod.ru

Almazova Nadezhda Ivanovna — Doctor of Pedagogy, full professor, Director of Institute of Humanities, Peter the Great St. Petersburg State Polytechnic University.

E-mail: almazovanadial@yandex.ru

Alpatova Tatiana Alexandrovna — Doctor of Philology, docent, professor of Russian Classical Literature department, Moscow State Regional University.

E-mail: alpatova2005@rambler.ru

Biryukova Eugenia Viktorovna — Doctor of Philology, full professor, head of Theoretical and Applied Linguistics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: evb1303@rambler.ru

Bubnova Irina Alexandrovna — Doctor of Philology, docent, head of Foreign Philology department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: aribubnova@gmail.com

Vikulova Larissa Georgievna — Doctor of Philology, full professor, Science and International Relations Vice-director of Institute of Foreign Languages, MCTTU, professor of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpu.ru

Voskresenskaya Maria Sergeevna — assistant lecturer of the Department of Foreign Languages, Kutafin Moscow State Law University; postgraduate of the French Language and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: voskresenskaya_m@mail.ru

Gorelkina Anastasiya Viktorovna — PhD (Philology), associate professor of the Russian Language department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: gorelkinaav@mail.ru

Drużyłowska Dorota Maria — PhD (Philology), Institute of Slavic Studies, University of Wrocław, Poland.

E-mail: dorotadru@gmail.com

Zhukov Ivan Alexandrovich — postgraduate of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: ivan-alexandrovich@rambler.ru

Kuteeva Nelya Eduardovna — PhD (Philology), docent, associate professor of Foreign Philology Department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: n_kuteeva@mail.ru

Matveeva Irina Ivanovna — PhD (Philology), docent, associate professor of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: matv1@yandex.ru

Molodychenko Evgeni Nikolaevich — PhD (Philology), associate professor of Department of Foreign Languages, NRU Higher School of Economics (St. Petersburg).

E-mail: e.molodychenko@gmail.com

Novikov Nikolai Valeryevich — postgraduate of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: niko1933@yandex.ru

Osipova Lyudmila Ivanovna — Doctor of Philology, full professor, professor of the Russian Language department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: LIOSIPOVA40@gmail.com

Polushkina Tatiana Alexandrovna — English teacher of the Department of Foreign Languages, Moscow Institute of Physics and Technology (State University); postgraduate of the French Language and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: polushkina@gmail.com

Smirnova Alfia Islamovna — Doctor of Philology, full professor, head of Russian literature department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

Sokolova Regina Algimanto — PhD (Philology), docent, associate professor of Literature department, Ryazan State University named after S.A. Esenin.

E-mail: r.sokolova@rsu.edu.ru

Suleymanova Olga Arkadyevna — Doctor of Philology, full professor, head of West European Languages and Translation Theory department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: olgasoul@rambler.ru

Tao Yuan — Doctor of Philology. associate professor of Russian Language department, College of Foreign Languages, Shaanxi Normal University, trainee of Department of the Russian Language and Methodology of Its Teaching, Kazan (Volga Region) Federal University.

E-mail: tao1973@mail.ru

Shapoval Viktor Vasilyevich — PhD (Philology), associate professor of Department of History Teaching Methodology, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: liloro1@yandex.ru

Chupryna Olga Gennadyevna — Doctor of Philology, full professor, professor of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: ochupryna@yandex.ru

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, германским языкам, романским языкам, восточным языкам, русскому языку), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям учёной степени и студентам.

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объём статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а.л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяют их точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05 – 2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [3: с. 147], по образцам, приведённым в ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

6. В конце статьи (после списка литературы) указываются название статьи, автор, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

7. Рукопись подаётся в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

8. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, учёная степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках.

9. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для её доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора *Викловой Ларисе Георгиевне* (Москва, Малый Казённый пер., д. 5 Б, каб. 444).

Телефон редакции (495) 607-76-37. E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpi.ru.

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
№ 3 (19), 2015

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62502 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *А.В. Щетилова*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

М.В. Чудова

Корректор:

Л.Г. Овчинникова

Перевод на английский язык:

О.В. Вострикова

Техническое редактирование и вёрстка:

О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ:
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 11.09.2015 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Объём: 9 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.